

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№3(57)
2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

(Категория научных журналов – К1)

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история;
5.6.3. - Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№3(57)
2023**

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№3 (57) 2023: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2023. 164 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Антюхова Е.А.**
ОТДЕЛ ПЕЧАТИ И ОСВЕДОМЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА
- 13 Арбеков А. Б.**
ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.Н. КУРОПАТКИНА НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)
- 24 Бирюкова К. В.**
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2020-2023 гг.).
- 32 Блуменау С.Ф.**
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА В БОРЬБЕ С САМОУПРАВСТВОМ ТОЛПЫ
- 40 Ватлин А.Ю.**
ПОЛПРЕДСТВО АДОЛЬФА ИОФФЕ: КРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ В ИЮЛЕ 1918 Г.
- 46 Гавриленков А.Ф.**
РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТЫ СКОПЦОВ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)
- 55 Гоц Д.И.**
ВЛИЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л. БРУНИ НА ТВОРЧЕСТВО ВЕНЕЦИАНСКОГО ИСТОРИКА МАРКАНТОНИО САБЕЛЛИКО (КОНЕЦ XV В.)
- 66 Дубровский А.М.**
УКРАИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО ПОВОДУ КНИГИ А. ПАЛИЯ «КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ УКРАИНЫ»)
- 75 Жибоедов В.В.**
РАБОТЫ Н.М. ДРУЖИНИНА О ДЕКАБРИСТАХ В 1940-1950-е гг.
- 83 Кулаков В.И.**
ОСАДНЫЕ ГОРОДИЩА ПРУССОВ
- 92 Раковский Д.О.**
ГОРОДСКАЯ ГАЛЕРЕЯ ПАВЛА И СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивоина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

© ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского»

109 Сагимбаев А.В.
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
РЕФОРМЫ МОНТЭГЮ-ЧЕЛМСФОРДА В
БРИТАНСКОЙ ИНДИИ

120 Цуканова В.О.
ОТРАЖЕНИЕ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ
100-ЛЕТИЯ ДНЯ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

137 Шинаков Е.А., Федосов А.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КРИЗИС-
НЫХ СИТУАЦИЙ НА РУСИ IX – X ВВ. В
СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИО-
ГРАФИИ.

143 Шумаков А.А.
ГЕНРИ ХАЙЛЕНД ГАРНЕТ – ГОЛОС
РАДИКАЛЬНОГО АФРОАМЕРИКАНСКОГО
АБОЛИЦИОНИЗМА СЕРЕДИНЫ XIX В.

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald. № 3(57) 2023: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2023. 164 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.3 – No.57 Scientific peer-reviewed journal SEPTEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Antyukhova E.A.**
THE DEPARTMENT OF PRESS AND INFORMATION OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A TOOL OF PUBLIC DIPLOMACY OF THE FOREIGN SERVICE
- 13 Arbekov A.B.**
THE PERSONALITY OF THE GENERAL A.N. KUROPATKIN IN THE BRITISH PRESS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904-1905)
- 24 Biryukova K.V.**
MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS (2020-2023)
- 32 Blumenau S.F.**
THE CONSTITUENT ASSEMBLY OF THE FRENCH REVOLUTION OF THE LATE 18TH CENTURY IN THE FIGHT AGAINST THE MOB ARBITRARINESS
- 40 Vatlin A. Yu.**
ADOLF IOFFE'S EMBASSY: CRISIS MANAGEMENT BETWEEN MOSCOW AND BERLIN IN JULY 1918
- 46 Gavrilov A.F.**
RELIGIOUS NORMS AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE SECT OF THE EUNUCHS IN RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES.)
- 55 Gots D.I.**
THE INFLUENCE OF L. BRUNI'S HUMANISTIC IDEAS ON THE VENETIAN HISTORIAN MARCANTONIO SABELLICO (LATE 15TH CENTURY)
- 66 Dubrovskii A.M.**
UKRAINIAN HISTORICAL THOUGHT AT THE PRESENT STAGE (ABOUT A. PALIA'S BOOK «A SHORT COURSE IN THE HISTORY OF UKRAINE»)
- 75 Zhiboyedov V.V.**
N.M. DRUZHININ'S WORKS ABOUT THE DECEMBRISTS IN THE 1940s AND 1950s.
- 83 Kulakov V.I.**
SIEGEHILLFORST OF THE PRUSSAINS
- 92 Rakovsky D.O.**
THE PAVEL AND SERGEI TRET'YAKOV CITY GALLERY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF MEMORIAL STUDIES

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

109 Sagimbayev A.V.

THE ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT OF THE MONTAGUE-CHELMSFORD REFORM IN BRITISH INDIA

120 Tsukanova V.O.

REFLECTION IN THE BRITISH PRESS OF THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT WAR MEMORIAL DAY

137 Shinakov E.A., Fedosov A.V.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF CONFLICTS IN THE NINTH AND TENTH CENTURIES RUS' IN THE MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

143 Shumakov A.A.

HENRY HIGHLAND GARNET – THE VOICE OF RADICAL AFRICAN - AMERICAN ABOLITIONISM IN THE IN THE NINETEENTH CENTURY

Антюхова Е.А. - доктор политических наук, доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД (Россия)

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ И ОСВЕДОМЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА

Статья посвящена отдельным страницам истории Отдела печати и осведомления при Министерстве иностранных дел Российской империи. Создание этого структурного подразделения в рамках внешнеполитического ведомства было тесно связано с активным использованием в публичной дипломатии одного из главных видов средств массовой информации в начале XX в. – периодической печати. Одной из главных задач Отдела печати и осведомления МИД являлось освещение внешней политики своей страны за границей, а, следовательно, формирование соответствующих внешнеполитических взглядов у зарубежной аудитории, а также оказание влияния на принимаемые там властные решения. Восстановление механизма функционирования официальной линии во внешнеполитических вопросах представляется возможным лишь при условии учета всех факторов, влиявших на формирование позиции страны в различных вопросах международного взаимодействия. Феномен публичной дипломатии открывает дополнительные возможности в реконструкции этих реалий. Источниками для написания статьи послужили документы Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ).

Ключевые слова. Министерство иностранных дел, внешняя политика Российской империи, Отдел печати и осведомления, публичная дипломатия, периодическая печать.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-07-12

Введение. Публичная дипломатия (public diplomacy) ориентирована на обслуживание и поддержание внешнеполитических интересов и обеспечение всестороннего и благоприятного понимания принципов и политики, реализуемой тем или иным государством и его действующими институтами за рубежом. В существующих международных условиях на основе такого подхода осуществляется деятельность, направленная на обеспечение целей, выдвигаемых государством за пределами страны. Решение внешнеполитических задач реализуется во взаимодействии с другими политическими субъектами.

Таким образом, практика публичной дипломатии распространялась на решение проблем с налаживанием обратной связи, когда интересы государства продвигаются с помощью анализа настроений зарубежной общественности, учета факторов, оказывающих на эти настроения определенное или решающее влияние. Исходя из таких представлений, изучение истории внешней политики России сегодня требует комплексного подхода, включающего не только изучение истории межгосударственных отношений как

уже свершившегося факта, но и исследование обстоятельств, при которых происходило формирование условий международного взаимодействия. Значимую помощь в восстановлении этих реалий могут оказать периодические издания, не только аккумулирующие конкретную информацию о прежней жизни, но и отражающие настроения эпохи. Более того, средства печати зачастую оказывали непосредственное воздействие на систему представлений современников, содержали аргументацию, предопределявшую отношение к ключевым внешнеполитическим вопросам своего времени.

Объект и методы исследования. Теоретико-методологической основой исследования является совокупность принципов, методов, подходов и приемов, входящих в инструментарий современной исторической и политической науки. История внешней политики России второй половины XIX – начала XX вв. в большинстве работ не только современников происходивших событий, но и в новейших исследованиях, не рассматривалась с учетом приемов публичной дипломатии.

Признанный специалист в области проблем публичной дипломатии, профессор

кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России М.М. Лебедева констатирует, что «Нередко публичная дипломатия в российской научной литературе отождествляется (или подменяется) понятиями "общественная дипломатия" или "народная дипломатия"» [5, с. 217-218]. По мнению ученой, такой подход значительно сужает сферу деятельности публичной дипломатии, поскольку исключает официальные каналы её реализации [5, с. 217].

Целью данной статьи является именно анализ процесса превращения Министерством иностранных дел Российской империи периодических изданий зарубежных стран в инструмент публичной политики, показ практической реализации ее характерных черт и особенностей через создание специальной структуры в рамках внешнеполитического ведомства в условиях Первой мировой войны.

Принципы системно-исторического подхода позволили подойти к рассматриваемой проблеме комплексно. Для определения особенностей, специальной оценки приведенных фактов и тенденций, материалы статьи рассматривались во временном контексте, с учетом конкретных условий их создания.

Результаты и их обсуждение. Важным источником для написания работы послужили документы Архива внешней политики Российской империи, а точнее – содержащиеся в нем материалы фонда Отдела печати и осведомления. Эта структура была призвана осуществлять продвижение интересов государства за пределами страны, информировать руководство Министерства иностранных дел о настроениях, господствовавших в стране и за ее пределами и нашедших отражение на страницах периодических изданий.

Анализ исследований, посвященных проблемам участия периодической печати в сферах внешней политики, показал, что они объединяют две самостоятельных области – историю журналистики и историю дипломатической деятельности Российской империи. Оценка этих вопросов с точки зрения конструирования позитивного восприятия внутренней политики государства открывает возможность увидеть в этих областях новые важные черты. На основе, в том числе получаемой из средств печати информации, выстраивался межцивилизационный диалог,

обеспечивавший деятельность государства в международной сфере. Верное внешнее позиционирование выступало в качестве ключевой задачи публичной дипломатии,

Среди рассмотренных работ необходимо выделить монографию Е.Г. Костриковой, которая пришла к выводу, что взаимоотношения редакций газет с Министерством иностранных дел при министрах А.П. Извольском и С.Д. Сазонове претерпели серьезные изменения. Старые приёмы, основанные на подкупе отдельных журналистов или субсидировании целых изданий, признавались уже неэффективными. С прессой старались наладить отношения при помощи «дипломатических» методов, предоставляя редакциям газет доверительную информацию. Важная роль в налаживании таких отношений принадлежала созданному Отделу печати и осведомления при министерстве. По справедливому утверждению Е.Г. Костриковой: «Признание правительством роли прессы в политике, так явственно выразившаяся в период предвоенных политических кризисов, отражало те сдвиги, которые произошли в русском обществе в эти годы» [4, с. 175].

В обстоятельной статье И.А. Ждановой, посвященной взаимодействию органов власти и прессы в марте-октябре 1917 г. отмечается, что эти важные вопросы изучены лишь в части законодательства и в «репрессивном аспекте»: «Почти не привлекла внимание исследователей другая сторона отношений между правительством и прессой в это время – вопросы управления информацией» [3, с. 126].

Целенаправленная работа с анализом иностранной прессы была начата в России в 1902 г., когда по предложению статс-секретаря В.К. Плеве при Департаменте полиции был создан Отдел иностранной печати. В 1906 г., по распоряжению министра внутренних дел, он был переведён в Главное управление по делам печати, находившееся в составе МВД. В тот период Предметом изучения чиновников, трудившихся в этой структуре министерства, являлось общественное мнение на Западе, вопросы отношения различных политических кругов за границей к России и российской внутренней политике. Особый интерес был связан с национальными отношениями, анализировалась деятельность радикальных и революционных

кругов. «Непосредственное воздействие на заграничную печать осуществлялось при В.К. Плеве при помощи помещаемых в ней статей и опровержений в защиту русской правительственной политики» [1, л. 39].

С назначением П.А. Столыпина на пост председателя Совета министров, по его распоряжению, Отдел иностранной печати стал готовить также непосредственно для него обзоры по общим злободневным вопросам международной политики. Интерес был направлен на положение дел в балканских государствах, на отношения с Германией и Францией. Особое внимание стало уделяться Японии и вообще Дальнему Востоку, где положение России отличалось неустойчивостью.

Забегая вперед, отметим, что благодаря расширению задач Отдела, за полгода до начала Первой мировой войны российское правительство было осведомлено о ее подготовке со стороны Германии на основании резкой перемены тона германской печати в отношении России [1, л. 39 об.].

Проект изменения учреждений и штатов Министерства иностранных дел Российской империи был внесен в Государственную Думу 17 марта 1910 г. В нем содержалось предложение о создании Отдела печати внешнеполитического ведомства с численностью из восьми человек. Однако после обсуждения в стенах Думы его состав был сокращен до трех чиновников. Законодательно Отдел был образован 3 июля 1914 г., т.е. накануне Первой мировой войны [7].

Работа трудившихся в этом структурном подразделении лиц состояла из двух основных частей. С одной стороны, в нём ежедневно готовились сведения для министра, его заместителей, всех начальников отдельных частей Министерства обо всём, что появлялось интересного в периодической печати как российской, так и иностранной. Сведения в основном ограничивались вопросами внешней политики, но отчасти затрагивали экономические и военные проблемы. С другой стороны, на Отделе лежала обязанность давать объяснения относительно деятельности самого Министерства, освещать в определенных границах направления деятельности министра, отвечая таким образом на общественные запросы.

Однако движение новостей через прессу в российское правительство, то есть

осведомление властей, было поставлено значительно лучше, чем движение необходимых сведений через прессу от правительства, то есть информирование общества. Отсюда вытекала ощущаемая необходимость налаживания более эффективного продвижения интересов государства с помощью периодической печати как внутри страны, так и за ее пределами.

В доказательство к сказанному можно привести один из многочисленных примеров. Речь пойдет о статье из выходившей в Стокгольме газеты «Политикен» («Politiken»), хранящейся в Архиве внешней политики. Публикация относится к 5 января 1917 г., т.е. до Февральской революции в России оставалось чуть менее двух месяцев. Статья называлась «Россия на краю революции», и она была посвящена сенсационным слухам о предстоящем военном перевороте, участниками которого должны были стать великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, которых газета прочила в претенденты на престол. Отмечалось, что внутреннее политическое положение России на тот момент было более критическим, чем летом 1915 г.

Автор публикации заявлял, что после последних перемен в составе кабинета, настроение в стране такое, что в любой момент можно ожидать взрыва общего недовольства. «Теперешнее правительство не имеет связи с народом; действительным руководителем кабинета считают Протопопова. Даже в придворной партии возник разлад, и вся армия, которая за незначительность военных успехов винит внутреннее управление, присоединилась к оппозиции» [1, д. 521, л. 12].

Автор статьи также высказал предположение о возможном резком столкновении через несколько дней между правительством и оппозицией, когда соберётся Государственная Дума, которая «решила не дать никому из членов правительства высказаться и заставить замолчать каждого оратора, который попытается выступить в защиту правительства» [1, д. 521, л. 12].

Последнее предсказание автора статьи сводилось к тому, что революция в России пройдёт быстро и легко, ввиду того, что ей сочувствуют все слои общества.

Совершенно иначе выглядят публикации российских газет в этот день, т.е. 5 января 1917 г. В одной из самых читаемых и

многотиражных столичных газет под названием «Вечернее время» только одна небольшая заметка под названием «Твердый курс» могла насторожить читателя. В ней со ссылкой на «хорошо осведомлённые источники» отмечалось, что «в правительственных кругах разработан подробный план действий петроградской и московской администрации на случай каких-либо экстренных надобностей» [2]. Этот план предусматривал «назначение особых лиц с исключительными полномочиями». Однако подробностей о том, какие могли возникнуть ситуации, и кто из официальных лиц мог получить такие полномочия, не сообщалось.

Поскольку основными направлениями внешней политики России являлась многосторонняя дипломатия и посредничество в урегулировании международных кризисов и конфликтов, Отделу печати было поручено докладывать о всех ярких проявлениях международной жизни, сообщать о наделавших шума статьях в зарубежной печати. Важной задачей являлись выступления с опровержением распространяемых о России отрицательных сведений. Особое внимание при этом уделялось нейтральным странам. Такая широкая постановка возложенных на Отдел печати обязанностей делала работу чиновников, которые трудились в нём, весьма непростой и очень ответственной.

Для выполнения всех этих заданий со всего мира в Отдел направлялись периодические издания и телеграфные сообщения, из которых чиновники выбирали то, что могло быть полезным для деятельности Министерства, а также требовало немедленного разъяснения или опровержения. По наиболее острым вопросам готовились краткие обзоры печати, требовавшие от готовивших их опыта и знаний для правильного освещения того или иного вопроса.

Для большего осведомления работников Отдела печати на его главу возлагалось непосредственное и постоянное участие в работе Петербургского (позднее – Петроградского) телеграфного агентства, в состав которого он был включён. Министр иностранных дел А.П. Извольский добился назначения заведующего Отделом одновременно директором столичного телеграфного агентства, связав тем самым главную информационную

службу государства с министерской. «Извольский стремился к тому, чтобы МИД стал основным источником информации по внешнеполитической тематике» [6].

Управляющий Отделом печати также осуществлял руководство при выборе и направлении деятельности специальных корреспондентов за границей. В условиях же начавшейся Первой мировой войны для правильной деятельности на Отдел печати было возложено ответственное руководство дипломатической цензурой всех газетных и транзитных телеграмм. Таким образом, эта структура в рамках Министерства иностранных дел постепенно обрела вполне самостоятельное значение, особенно в деле, касавшемся взаимодействия с периодической печатью.

Необходимо рассказать и еще об одном направлении его деятельности. Вступая в должность, российские дипломатические представители за границей должны были собирать сведения о местных периодических изданиях, налаживать связи с ее представителями. Осуществлялось также издание своих собственных газет за рубежом. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилась справка о размерах кредитов, отпущенных за время войны Министерству иностранных дел на основании высочайше утверждённых положений Совета министров, «на субсидирование и осведомление периодической печати, преимущественно, в нейтральных государствах» [1, л. 14]. Так, в 1914 г. был отпущен ежемесячный кредит по 5000 руб. на издание газеты «Прикарпатская Русь», выданы средства в размере 7520 руб. «на осведомление печати в Болгарии и на организацию противодействия австро-венгерской печатной компании против России в этой стране». Деньги также выделялись на некоторые меры борьбы с распространением за границей ложных сведений о России и об её армии. В общей сложности единовременная сумма составила 8877 руб. 75 коп., в том числе на субсидирование нью-йоркской газеты «Русский эмигрант».

Беспроцентная ссуда из государственного казначейства в размере 8100 руб. была выдана редакциям болгарских периодических изданий «Балканская трибуна» и «День».

В ноябре 1914 г. на субсидирование органов печати в Нидерландах и на расходы

по наблюдению за местными средствами информации было выделено более 20000 гульденов, а на организацию доставки из Австро-Венгрии «полезных и желательных с нашей точки зрения известий» из печати ежемесячно выплачивалось по 2600 руб. [1, л. 14 об.]

В 1915 г. расходы в этом направлении заметно возросли и составили в общей сложности 75777 руб. 52 коп., а также в иностранной валюте 70 тыс. франков и 20 тыс. долларов. На эти средства предусматривалось издание еженедельника в Мадриде, выдавались пособия редакторам болгарских газет «Заря» и «Болгарская трибуна», выделялись деньги на субсидирование печати в США, а также в Персии, Румынии, Швеции, Дании, Болгарии, Швейцарии и Нидерландах. В начале 1916 г. на выдачу субсидий органам печати в Румынии была одновременно выделена очень существенная сумма в 100000 руб. [1, л. 2 об.]

Для решения задач, которые по мере разрастания военных действий и включения в их орбиту новых государств, становились все более масштабными, Министерством иностранных дел Российской империи было намечено образование специального Осведомительного отдела, в котором предполагалось сосредоточить полученные сведения и осуществлять разработку вопросов, связанных с развитием политической мысли в зарубежных странах. Для этой цели в 1916 г. особым журналом Совета министров был отпущен специальный кредит в размере 5500 руб. в месяц (до окончания войны). Кредит носил секретный характер, а распределение его расходов было предоставлено самому внешнеполитическому ведомству.

Таким образом, в Министерстве иностранных дел «с весны 1916 г. помимо Отдела печати появился Осведомительный отдел, который должен был собирать информацию при помощи агентов иностранных государств, также вести пропаганду в нейтральных странах» [3, с. 131]. В циркулярном обращении от

имени товарища министра иностранных дел А.А. Нератова объявлялось следующее: «В настоящее время под моим руководством преступлено к преобразованию Отдела печати при Министерстве иностранных дел, причём имеется в виду устройство его на тех же основаниях, на которых подобные учреждения существуют в главнейших европейских столицах» [1, л. 45]. В письме также отмечалось, что все сведения по вопросам о печати следовало направлять либо ему, либо непосредственно управляющему Отделом печати Министерства иностранных дел статскому советнику А.И. Лысаковскому.

Заключение. Программы, поддерживавшиеся государственными финансами, были направлены на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах. Практически речь шла об осуществлении комплекса мер, направленных на анализ и информирование аудитории за рубежом. Однако состав лиц, которым предстояло работать в создаваемом Отделе печати и осведомления, ни в качественном, ни в количественном отношении не был определен, а слишком неясная постановка задач привела к частой смене его заведующих [1, л. 11-11 об.].

Наиболее сложными и ответственными были вопросы иностранной политики, затрагивавшие интересы других государств. Они всегда требовали особо осторожного отношения, поэтому информация по ним должна была быть подбираема особенно тщательно, единообразно, с полным знанием государственных интересов в области внешней политики. Решать эти задачи помогала периодическая печать разных стран, которая не только манипулировала убеждениями граждан, распространяла политические взгляды правящих кругов своих государств, формировала образ врага в условиях войны, но и инициировала и корректировала действия властей, прогнозировала и предсказывала политические действия в своей и в зарубежных странах.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 140. Оп. 477.
2. Вечернее время. 1917. № 1712. 5 января.
3. Жданова И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года // Отечественная история. 2008. № 3. С. 126-142.
4. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны, 1907 – 1914. М.: РАН Институт российской истории, 1997. 176 с.

5. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3 (54). С. 212-223.
6. Министерство Иностранных дел России в 1856–1917 гг. [Текст]. URL: <http://www.orto-rus.ru><https://chechnyatoday.com/news/289873> (дата обращения: 15 августа 2023 г.)
7. Об установлении новых учреждений Министерства иностранных дел и штата центральных установлений этого Министерства // Собрание узаконений и распоряжений правительства: Отдел I. 1914. № 154. Ст. 1737.

**THE DEPARTMENT OF PRESS AND INFORMATION
OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE
AS A TOOL OF PUBLIC DIPLOMACY
OF THE FOREIGN SERVICE**

The article focuses on some fragments of the history of the Department of Press and Information of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. The creation of this structural unit within the framework of the foreign ministry was closely connected with the active use in public diplomacy of one of the main types of media at the beginning of the 20th century – periodical press. One of the main tasks of the Department of Press and Information of the Ministry of Foreign Affairs was to cover the foreign policy of the country abroad, and therefore to form appropriate foreign policy views among the foreign audience, as well as to influence the government decisions made there. The restoration of the mechanism of functioning of the official line in foreign policy issues is possible only under the condition of all the factors affecting the formation of the country's position in various issues of international cooperation being taken into account. The phenomenon of public diplomacy offers additional opportunities in the reconstruction of these realities. The sources used for writing the article include documents of the Archive of the Foreign Affairs of the Russian Empire (AFA RE).

Keywords. Ministry of Foreign Affairs, Foreign Policy of the Russian Empire, the Department of Press and Information, public diplomacy, periodical press.

References

1. Archive of the Foreign Affairs of the Russian Empire (AFA RE). F. 140. List 477.
2. Evening time. 1917. No. 1712. Jan. 5.
3. Zhdanova I.A. (2008) "The Age of Propaganda": information management in the context of war and revolution in Russia in March-October 1917 // National History. No. 3. P. 126-142.
4. Kostrikova E.G. (1997) Russian press and diplomacy on the eve of World War I, 1907-1914. Moscow: RAS Institute of Russian History. 176 p.
5. Lebedeva M.M. (2017) "Soft power": concept and approaches // Bulletin of MGIMO University. 3 (54). pp. 212-223.
6. Ministry of Foreign Affairs of Russia in 1856-1917 [Text]. URL: <http://www.orto-rus.ru><https://chechnyatoday.com/news/289873> (accessed August 15, 2023)
7. On the establishment of new institutions of the Ministry of Foreign Affairs and the staff of the central institutions of this Ministry // Collection of government legalizations and orders: Department I. 1914. No. 154. Art. 1737.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна - доктор политических наук, доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: e.ant1507@yandex.ru

Antyukhova Ekaterina Andreevna - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russia, 119454, Moscow, 76 Vernadsky Avenue. E-mail: e.ant1507@yandex.ru

УДК 93/94 (410+470)

Арбеков А.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия)

ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.Н. КУРОПАТКИНА НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)

В статье анализируется формирование образа генерала А.Н. Куропаткина в британском общественном сознании в период Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. на примере периодических изданий британской метрополии и ее колоний. Изучение данной проблематики затрагивает не только социо-культурные аспекты восприятия «другого», но и вопросы военно-политического и стратегического характера, поскольку А.Н. Куропаткин, занимавший пост военного министра Российской империи в 1898 – 1904 гг., определял контуры российского военного строительства, которое решало задачу отстаивания российских интересов в Центральной Азии и на Дальнем Востоке и противодействия британским устремлениям в указанных регионах. Соответственно, построение определенного образа генерала Куропаткина в британской прессе проследовало как пропагандистскую цель для манипуляции общественным мнением, так и внешнеполитическую, направленную на усиление британского влияния в Персии и Афганистане. В ходе настоящего исследования были задействованы материалы периодических изданий Великобритании и ее колоний, а также неопубликованные документы из российских и британских архивов. В результате исследования делается вывод, что на протяжении Русско-японской войны образ генерала А.Н. Куропаткина претерпевал трансформацию от «великого воина» до «пугала». Подобный разброс в оценках личности российского полководца на страницах британских изданий сохранял за собой единое семантическое поле, в рамках которого генерал А.Н. Куропаткин представлялся олицетворением «русской угрозы Индии».

Ключевые слова: А.Н. Куропаткин, образ «врага», британская пресса, Русско-японская война, Большая Игра, Британская империя, Российская империя, поход в Индию.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-13-23

Введение. Имагология является одним из перспективных направлений современных отечественных исторических исследований, предметом научного анализа которого является парадигма восприятия «другого», «чужого» и «врага» у представителей конкретных народов и государств. На фоне современной напряженной международной обстановки эта дисциплина позволяет изучать процесс формирования облика России и его трансформацию в общественном сознании отдельных западных стран, выступавших в конкретный момент времени в качестве ее принципиальных внешнеполитических соперников.

В данном дискурсе особый интерес вызывает построение образа России и ее военных и государственных деятелей в сознании жителей Британской империи в периоды серьезных международных кризисов, когда определенное представление о внешнеполитических противниках Соединенного Королевства использовалось действующим правительством в пропагандистских целях. Ярким тому примером может послужить формирование образа генерала А.Н. Куропаткина, как

главного русского полководца своей эпохи, на страницах британской периодики во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. К сожалению, этот исторический эпизод не становился ранее предметом отдельных научных изысканий, что и призвано исправить настоящее исследование.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования является пропаганда образа «врага» в британской прессе во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. В центре анализа находится репрезентация на страницах британской периодики образа генерала А.Н. Куропаткина, который на протяжении всего русско-японского конфликта претерпевал определенную трансформацию. Методологической основой для исследования выступили принципы историзма и объективности, специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический, а также междисциплинарный метод контент-анализа, в совокупности позволившие провести комплексное изучение поставленной в работе проблемы.

Результаты и их обсуждение. На рубеже XIX – XX столетий в российско-британских отношениях сохранялась высокая степень напряженности, достигшая своего пика во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Основным камнем преткновения между Лондоном и Петербургом по-прежнему оставался вопрос о статусе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы, а также раздел сфер влияния в Афганистане, Персии и Китае, заинтересованность России в которых вызывала серьезную тревогу у министров с Даунинг-стрит. В первую очередь эти опасения были вызваны необходимостью сохранения в безопасности ближайших подступов к Британской Индии. После восшествия Николая II на престол в 1894 г. именно восточный вектор на ближайшее десятилетие стал приоритетным во внешней политике империи Романовых, что не могло не сказаться на дальнейших шагах Соединенного Королевства на дипломатическом поле.

В начале XX в. британское правительство предприняло несколько попыток достигнуть соглашения с Россией по Дальнему Востоку и Центральной Азии. В частности, Лондон предлагал Петербургу полную свободу рук в Маньчжурии и в северном Иране, сохраняя за собой преобладание в Тибете, Афганистане и южном регионе Персии – Сеистане. Однако подобные предложения правительством Николая II воспринимались как требования односторонних уступок, в связи с чем Лондону и Петербургу так и не удалось достигнуть компромисса на данном историческом этапе [8, с. 76].

Одновременно с этим в высших эшелонах Военного министерства Великобритании выражали обеспокоенность по поводу постепенного развития российской военной инфраструктуры в Центральной Азии. К 1900 г. была открыта важная в стратегическом отношении ветка Среднеазиатской железной дороги Мерв – Кушка, позволявшая сосредотачивать российские войска прямо на границе северного Афганистана. В том же 1900 г. было инициировано строительство магистрали Оренбург – Ташкент, которая должна была связать европейскую часть России с Туркестаном [1, с. 334, 359]. Директор департамента военной разведки и мобилизации генерал-лейтенант У. Николсон в записке от 17

мая 1901 г. констатировал, что «весь Центральноазиатский вопрос на практике – это вопрос железных дорог, и, к сожалению, в этом отношении Россия сейчас впереди нас» [38, р. 5].

Неменьшие опасения британского командования вызывали сведения о возобновившихся российских военно-морских учениях в Черном море по отработке высадки десанта на Босфоре, которые, со слов британского военного атташе подполковника Г. Нэпьера, «проводились в момент обострения политических отношений с Турцией [имеется ввиду Македонское восстание 1903 г. – А.А.]» [13, р. 73]. Поэтому юнионистское правительство Р. Солсбери решило заключить 30 января 1902 г. региональный военный союз с Японией, которая также не смогла достигнуть компромисса с Россией по Корее и Маньчжурии. При этом А. Бальфур, занявший пост премьер-министра Великобритании в июле 1902 г., считал, что даже в случае победы Российской империи в войне со Страной восходящего солнца Соединенное Королевство останется главным бенефициаром этого противостояния, поскольку Россия не сможет «выйти из борьбы более сильной, чем в нее вступила» [8, с. 77].

13 января 1904 г. Токио выдвинул ультиматум Петербургу с требованиями уступок в Корее и Маньчжурии. Это известие вызвало бурные обсуждения в британской периодике. В самом начале февраля 1904 г. на страницах газет стали появляться статьи, в которых сообщалось о скорой эскалации вооруженного конфликта между «Русским медведем» и «Тигром Востока». «Дейли Телеграф» информировала своих читателей о том, что «российское правительство собирается направить ответ японскому правительству с максимальными уступками, на которые согласится Россия, и поскольку допускается возможность войны вследствие отказа Японии принять российские требования, было решено, что в таком случае командование сухопутными войсками будет возложено на генерала Куропаткина» [16].

Личность военного министра России генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина была хорошо известна британской общественности, особенно в военных и политических кругах в силу того, что служба

высокопоставленного российского офицера напрямую касалась британских интересов на Востоке [2, с. 117–118]. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., турецких походах российской армии и ахалтекинской экспедиции генерала М.Д. Скобелева 1880 – 1881 гг. В британских газетах писали, что жизнь А.Н. Куропаткина была «наполнена сражениями и случаями, когда он был на волосок от гибели» [31].

По ходу Русско-японской войны восприятие и отражение образа генерала А.Н. Куропаткина на страницах британской прессы претерпевали определенную трансформацию. Изначально общественность метрополии и ее колоний относились с нескрываемой симпатией к личности русского главнокомандующего. Он громко нарекался «великим воином» [4, л. 8/об.], «выдающимся стратегом» [28], «непревзойденным мастером своего дела» [31] и практически единственной «надеждой России в Маньчжурии» [25]. Столь лестные характеристики личности А.Н. Куропаткина в определенной степени обусловлены его биографией, которая в искаженном виде (вероятно, непреднамеренно) излагалась в британских газетах. В частности, некоторые издания указывали, что отец генерала Николай Емельянович Куропаткин «был портным», поэтому его сын фактически «поднялся с подножия [социальной] лестницы» до вершин российского военного Олимпа, являя тем самым «чуть ли не единственный пример подобного подвига в стране Русского царя» [18].

В данном случае эти биографические сведения не соответствовали действительности, поскольку А.Н. Куропаткин был потомственным военным и выходцем из семьи выслужившегося дворянина, однако подобная «неблагородная версия» социального происхождения русского главнокомандующего сильно импонировала британской общественности. Это можно объяснить последствием реформ военного министра Э. Кардвелла, которые проводились в Великобритании в 1868 – 1874 гг. Одна из его преобразовательных мер заключалась в упразднении системы купли-продажи чинов в армии, в рамках которой представители богатых аристократических семей, благодаря своему высокому материальному положению, могли

очень быстро продвигаться по военной службе, в отличие от офицеров незнатного происхождения [11]. По этой причине британские газеты стремились представить «выходца из народа» генерала А.Н. Куропаткина как человека близкого по своей ментальности к жителям Туманного Альбиона. На страницах «Данди Ивнинг Пост» указывалось, что бывший военный министр России «является англичанином по внешности и в значительной степени англичанином по своим методам. В его чертах мало русского, и в любое время на улицах Лондона его можно было бы принять за местного жителя» [18].

Не менее важным элементом конструирования образа генерала А.Н. Куропаткина в британской периодике являлось его сравнение с генералом Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. «Он [Куропаткин] самый выдающийся и способный солдат, который есть в распоряжении царя, – писали на страницах «Иллюстрированный Лондон Ньюз», – и он обязан своим обучением Скобелеву» [24]. Заметка аналогичного содержания с характеристикой личности А.Н. Куропаткина появилась и на страницах «Дэйли Хроникл» уже после начала войны с Японией: «Он глубокий знаток военного дела и его подчиненные относятся с доверием к его дарованиям. В нем есть что-то напоминающее Скобелева. Тип человека, который дает одна Россия» [4, л. 5/об.].

Параллели с «Белым генералом» были довольно распространенными среди современников, но их трактовка в российском и британском общественном сознании была различной. В России М.Д. Скобелев, как «Суворову равный», ассоциировался с бережным отношением к солдатам, страстной приверженностью славянофильству, решительным и храбрым боевым командованием. В представлении же поданных британской короны «Белый генерал» был прежде всего полководцем колониальной периферии и автором претенциозного плана похода в Индию, который М.Д. Скобелев изложил анонимному адресату в частном письме незадолго до Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В 1883 г. этот план был опубликован на страницах отечественного журнала «Исторический вестник» и естественно он стал хорошо известен британским дипломатам и военным стратегам Ту-

манного Альбиона [1, с. 324; 2, с. 122]. Поэтому образ генерала А.Н. Куропаткина как ученика М.Д. Скобелева трактовался британцами именно в этом смысле. В «Дэйли Мейл» писали: «Ген[ерал]-ад[ьютант] Куропаткин принадлежит к той партии генералов, которые считают завоевание Индии неизбежным» [4, л. 5/об.]. Британское издание «Тудэй» вторила этим представлениям: «На Восток он [Куропаткин. – А.А.] был послан с целью изучить вопрос, который большинство русских считало гораздо более важным, а именно вторжение в Индию. Каждая слабая точка наших укреплений ему известна...» [4, л. 8/об.].

Важно отметить, что реальная позиция самого генерала А.Н. Куропаткина по центральноазиатскому вопросу в целом и индийскому походу в частности была более сложной и неоднозначной, в отличие от тех взглядов, которые приписывались ему британской прессой. Наиболее полным образом воззрения Куропаткина отражены в его записке от 13 (25) августа 1897 г. под заглавием «Наши задачи в Афганистане», хорошо известной историкам [1, с. 332; 2, с. 121]. Будучи начальником Закаспийской области, он считал, что России не требовались новые территориальные приращения в Средней Азии и следовало сохранить Афганистан в качестве буфера между владениями «Русского медведя» и «Британского льва». По мнению Куропаткина, Петербург, опираясь на британские методы ведения политики в регионе, должен был постепенно подчинить своему экономическому и политическому влиянию северные районы страны, прежде всего Гератскую провинцию, поскольку слишком активное увлечение «афганскими делами» привело бы к ослаблению российских сил «для охраны западной границы [от Австро-Венгрии и Германии], так и для выполнения задач на Босфоре, в Персии и Китае» [6, л. 35–35/об.]. В то же время он не отрицал необходимости сохранения «свободы рук», и в случае очередных коллизий с Великобританией осуществить вторжение в Афганистан для занятия Герата в качестве угрозы Британской Индии. Эти взгляды 11 (23) июня 1897 г. А.Н. Куропаткин изложил в ходе личной беседы с императором Николаем II, детали которой генерал зафиксировал в своем дневнике. Во

время аудиенции он заявил, что защита российских интересов на Дальнем Востоке от британских притязаний «наиболее действительна из Средней Азии. (Угроза Индии)». Для этого требовалось дальнейшее развитие российской военной инфраструктуры в регионе, чтобы создать «сильный кулак против Англии» [3, с. 445]. Император полностью разделял взгляды А.Н. Куропаткина.

В апреле 1897 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте и императора Николая II начались работы по протяжению железной дороги от Мерва к крепости Кушка, находившейся на границе с Афганистаном. Военный министр П.С. Ванновский выступал против этого проекта, однако после его отставки в 1898 г. новый глава Военного ведомства А.Н. Куропаткин, имевший богатый опыт службы в Средней Азии, поддержал инициативу молодого монарха [3, с. 465; 38, р. 97]. Это в определенной степени предопределило дальнейшую переориентацию российских внешнеполитических интересов на Восток.

На фоне Русско-японской войны в британской прессе также состоялась провокационная публикация, которая стала для общественности Туманного Альбиона настоящей сенсацией. В значительной степени именно под ее воздействием происходило дальнейшее обсуждение личности русского полководца на страницах периодических изданий Великобритании. В понедельник 11 июля 1904 г. в лондонской газете «Дэйли Экспресс» был размещен текст план похода в Индию авторства генерала А.Н. Куропаткина. По заявлениям редакции, план был утвержден в российском Главном штабе и одобрен лично императором Николаем II. Проект предполагал вторжение российской армии численностью около 115 тыс. чел. двумя колоннами из Туркестана на территорию Афганистана и Персии с целью дальнейшего выхода к берегам Инда через Хайберский и Боланский горные перевалы [41].

Необходимо отметить, что страх вероятного вторжения русских в Индию был имманентной чертой британского национального сознания на протяжении всего XIX в. [2, с. 96; 9, с. 42–45], однако уникальность публикации «Дэйли Экспресс» заключалась в том, что абстрактные пророчества многих поколений

британских политиков и военных деятелей теперь получали конкретное документальное подтверждение. В одной из новозеландских газет метко указывалось, что генерал А.Н. Куропаткин и его претенциозной план выступали «в роли пугала», которое должно было произвести «сильное впечатление» на жителей Соединенного Королевства [29]. Поэтому публикация «Дэйли Экспресс» вызывает исследовательский интерес сразу с нескольких точек зрения: во-первых, с позиции конструирования образа «врага» в британском общественном сознании; во-вторых, как средство оказания политического давления на правителей Персии и Афганистана; в-третьих, как инструмент военной пропаганды, призывавшей увеличить расходы государственного бюджета на оборону Британской империи в целом, и Индии в особенности.

Отвечая на вопрос о том, что за документ оказался на передовицах британских изданий и являлся ли он подлинным, прежде всего стоит отметить, что накануне Русско-японской войны российским Главным штабом действительно был разработан проект военных действий против Великобритании на территории Афганистана, утвержденный императором 7 (20) февраля 1904 г. [1, с. 347]. Однако с опубликованным в «Дэйли Экспресс» планом генерала А.Н. Куропаткина, кроме общей концепции, он практически не имел ничего общего. В действительности обнародованный документ представляет собой дословную копию секретного проекта, попавшего в распоряжение британских военных структур через год после событий Пендинского кризиса 1885 г. [2, с. 114–118; 9, с. 200]. В 1904 г. в Главном штабе российской армии был проведен сравнительный анализ текстов оригинального плана войны с Великобританией и Афганистаном, составленного А.Н. Куропаткиным на фоне Кушкинского инцидента 1885 г., и его «британского варианта», опубликованного в «Дэйли Экспресс». Военные специалисты в Петербурге пришли к выводу, что сценарий вторжения в Индию, обнародованный в британских газетах, являлся однозначно «вымышленным», поскольку он «не имел ничего общего» с запиской 1885 г. [5, л. 50–50/об.]. Также этот вывод указывает на то, что в Главном штабе отсутствовали какие-либо свиде-

тельства существования иного плана, составленного генералом А.Н. Куропаткиным в первой половине 1886 г.

Несмотря на это обстоятельства, подлинность «британского варианта» плана Куропаткина не подвергалась сомнению военными кругами Великобритании вплоть до конца XIX в.: отличилась лишь его интерпретация. Например, британский военный атташе в Петербурге подполковник А. Герберт был «склонен смотреть на эту схему как на одно из тех академических упражнений, к которым чрезмерно склонен русский характер», поэтому он не признавал добытый проект похода в Индию «как готовый план кампании», но в то же время он считал, что «план Куропаткина» давал Лондону чрезвычайно ценные указания «относительно вероятного направления русской экспансии в Азии», прежде всего в северные провинции Афганистана и южные районы Персии [37, р. 6].

Выбор момента для публикации этого документа был сделан практически идеальный. Подлинность обнародованного плана не могла вызвать никаких сомнений, поскольку А.Н. Куропаткин, как писалось выше, нарекался британской общественностью учеником легендарного «Белого генерала». И вполне логично, что ученик должен был превзойти своего учителя, в том числе в вопросе потенциального похода в Индию. К тому же по мере эскалации русско-японского конфликта на Дальнем Востоке в крупных британских изданиях широко тиражировалась информация о подготовке России к осуществлению своих экспансионистских замыслов. В ведущем органе британской печати газете «Таймс» была опубликована заметка от 17 февраля 1904 года, информация в которой в общих чертах соответствовала реальному положению дел [1, с. 346–347]: «Генерал-лейтенант [Н.А.] Иванов, генерал-губернатор и командующий войсками в Туркестане, находившийся некоторое время в Петербурге, снова выехал в Ташкент с генерал-лейтенантом [Вс. В.] Сахаровым, начальником штаба Туркестанского военного округа. В высших военных кругах утверждают, что генералу Иванову поручено подготовиться к возможным военным действиям против Индии в случае, если Великобритания займет открыто враждебную позицию по отношению к России или попытается

осуществить какое-либо предприятие, наносящее ущерб российским интересам в Персии и Тибете» [33].

Британские политики стремились использовать опубликованный план Куропаткина и сведения о подготовке к вторжению в Индию для «удобрения почвы» при последующих переговорах с эмиром Афганистана на предмет военного союза против России. Здесь необходимо пояснить, что в 1901 г. умер прежний эмир Афганистана Абдурахман-хан, который с момента восшествия на престол летом 1880 г. в целом проводил про-британскую внешнюю политику, направленную на сдерживание России в Центральной Азии. После смерти Абдурахмана престол унаследовал его старший сын Хабибулла-хан, и британские политические и военные круги посчитали, что открылось «окно возможностей» для изменения прежних договоренностей. В частности, британцы хотели добиться не просто полного контроля над внешней политикой Афганистана, как это было при Абдурахмане, но и фактически заключить военный союз против России, подразумевавший строительство трансграничных железных дорог к Кандагару и Кабулу, а также отправление британских офицеров для обучения афганской регулярной армии. Принципиальными сторонниками подобной линии поведения являлись главнокомандующий англо-индийской армией виконт Горацио Герберт Китченер и вице-король Индии барон Джордж Натаниэль Кёрзон, ярые приверженцы так называемой «наступательной политики». Как заявил начальник российской военной разведки генерал-майор В.П. Целебровский в личном разговоре с британским военным атташе подполковником Г. Нэпьером, «у вас есть лучший генерал в Индии [Китченер] и самый активный и агрессивный вице-король [Кёрзон], чтобы направлять его» [39, р. 175].

Комментируя громкую публикацию «Дейли Экспресс», лорд Кёрзон в переписке с Министром по делам Индии У. Бродриком совершенно не скрывал факт того, что обнародованный документ являлся «старым планом Куропаткина» [39, р. 130], попавшим в руки британской разведки в 1886 г. Трудно сказать действительно ли был вице-король причастен к самой публикации, но он однозначно решил воспользоваться ей в собственных интересах. 6 августа 1904 г. план Куропаткина появился на

страницах индийской газеты «Пайонир», перевод которой местными властями был представлен правителям Афганистана и Персии. Как свидетельствовали британские резиденты, документ, в котором раскрывался якобы актуальный замысел российского правительства по завоеванию Афганистана и подчинению себе южных районов Ирана, произвел «сильное впечатление» на персидского шаха Мозафереддина и задел «афганскую гордость» эмира Хабибуллы. В этой связи, по мнению вице-короля Дж. Кёрзона, появлялась перспектива склонить обоих монархов к более тесному сотрудничеству с британской короной в вопросе противодействия российским устремлениям в регионе [36, f. 423; 39, р. 130]. Поэтому, в определенной степени, последующая дипломатическая миссия Льюиса Дейна, направленная в афганскую столицу в декабре 1904 г. [9, с. 207], была инспирирована ожиданиями вице-короля, что угроза завоевания Афганистана по «плану Куропаткина» станет сильным аргументом для эмира Хабибуллы в пользу заключения военного союза с Калькуттой.

Публикация «Дэйли Экспресс» вызвала бурную реакцию в британском обществе, особенно в армейских кругах. На страницах либерального журнала «Спектейтор» писали, что, «если бы он [план Куропаткина] был опубликован тремя годами ранее [имеется в виду во время второй Англо-бурской войны. – А.А.], он мог бы вызвать панику или даже спровоцировать войну» [32]. Тем не менее оценки «сенсационного» документа в британской прессе носили диаметрально противоположный характер. Одни обозреватели считали сценарий вторжения в Индию, опубликованный «Дэйли Экспресс», откровенной фантазмагорией, другие рассматривали в нем реально существующую угрозу «главной жемчужине». В этой связи отличалась и трактовка самого документа: для одних он стал демонстрацией некомпетентности высшего военного генералитета России, наиболее ярким представителем которого, по заверению самой британской прессы, являлся А.Н. Куропаткин, совершенно неспособный после неудач на Дальнем Востоке реализовать столь грандиозные замыслы, для других – существенным обоснованием для проведения масштабных военных преобразований в самой Великобритании и Индии.

Например, обозреватели «Иллюстрированного Лондон Ньюз» указывали: «Если он [план Куропаткина] всецело подлинный то, это объясняет, почему его автор не очень успешен в Маньчжурии» [26]. В «Спектейтор» выражали схожее по семантике мнение: «План [Куропаткина], если не считать некоторых стратегических вопросов, в которых мы должны довериться англо-индийским экспертам гораздо больше, чем генералу Куропаткину, <...> не кажется нам особенно удачным» [32]. Новозеландская «Литтлтон Таймс» и вовсе в саркастическом ключе заявляла, что генерал А.Н. Куропаткин был способен захватить Индию только «на бумаге» [29]. В австралийской газете «Херальд» давалась следующая оценка опубликованному документу: «Военные, знакомые с ситуацией, считают удивительным план, представленный царю генералом Куропаткиным, и наглядным свидетельством отсутствия понимания реальных трудностей, с которыми придется столкнуться». В подтверждении этой точки зрения приводилось интервью известного публициста генерала Генри Грина, имевшего опыт военной службы и командования войсками в Британской Индии. Он считал идею «о том, что Россия может захватить Индию с армией в 115,000 человек» не заслуживающей «серьезного рассмотрения». Поэтому, как полагал отставной генерал, «Куропаткин еще до того, как он покончит с нынешней [Русско-японской] войной, изменит свое мнение по этому вопросу» [23].

Вторая группа обозревателей считали, что «критики» плана Куропаткина «забываются» и упускают из вида «два существенных фактора в этой проблеме»: 1) наличие развитых коммуникаций, позволявших российской стороне транспортировать все необходимые военные ресурсы по Волге и далее по железным дорогам от каспийского берега в Михайловске через Ашхабад и Серахс «почти до самых ворот Герата»; и 2) «что местность вокруг Герата самая плодородная в мире». «Остальное, – как свидетельствовал британский военный обозреватель, – дело времени и возможностей» [28]. В статье под заголовком «Слабое место Англии. Куда нанесет удар Россия» британский журналист Роберт Лонг, опираясь на опубликованный план Куропаткина, заявлял,

что «Россия не настолько безумна, чтобы мечтать о вторжении в Индию», поэтому логика ее вероятных действий, по его мнению, «менее претенциозна, но более практична». Он имел в виду, что в случае необходимости российское командование сможет поставить под угрозу британские «интересы на юге», и именно Афганистан станет «центром [этой] бури», что соответствовало реальным воззрениям самого генерала Куропаткина. В этой связи особое внимание в заметке Р. Лонга уделялось строительству железнодорожной линии Оренбург – Ташкент, поскольку «план Куропаткина по вторжению в Индию», с его точки зрения, «полностью опирается на новую железную дорогу», которая предоставляла России «неисчислимы возможности для агрессии» [19].

Резюме под состоявшейся на страницах периодической печати общественной дискуссией подвела та же лондонская газета «Дэйли Экспресс», в которой было опубликовано интервью анонимного британского офицера, занимавшего «некоторое» положение в Военном департаменте Индии. По его заявлению: «План Куропаткина неосуществим, но сам факт того, что он был зафиксирован на бумаге и разработан с таким количеством деталей, указывает на то, что беспечными политиками в Индии постоянно называется обычным пугалом, до сих пор остается существенным фактором в российской политике» [15].

Таким образом в публикациях британской прессы фактически происходила персонафикация угрозы Британской империи и ее «главной жемчужине» – Индии – в лице генерала Куропаткина, командовавшего российскими войсками против Японии. Отсюда следовал очевидный посыл, что если империя микадо рухнет, то именно Индия станет следующей целью «самого выдающегося солдата Русского царя». «У России есть только один способ нанести вред Англии, – заявлялось на страницах британской прессы. – Другими словами, Англия должна быть готова [к отражению агрессии] не только на море, но и на суше» [19].

В британские газеты наряду с планом Куропаткина тиражировалась информация о масштабных реформах англо-индийской армии, проходивших под строгим надзором Горация Герберта Китченера, виконта Хартум-

ского и Трансваальского, триумфатора реконкисты Судана (1896–1898) и второй Англо-бурской войны (1899–1902). Передовицы обнадеживали своих читателей тем, «что Военное министерство Великобритании владеет планом генерала Куропаткина и принимает меры против возможности доведения его до успешного завершения» [41].

Пресса, с одной стороны, проводила тождество между двумя полководцами, сравнивая их военную карьеру, прежде всего опыт участия в колониальных войнах, и нарекая генерала Куропаткина «Русским Китченером» [4, л. 8/об.]. Подобный знак равенства приобретал в представлении британского обывателя строго положительную коннотацию, поскольку лорд Китченер имел статус национального героя и являлся для жителей Туманного Альбиона олицетворением военного могущества Британской империи [10, с. 116]. На страницах периодических изданий Куропаткина и Китченера даже называли «два К», подчеркивая тем самым их профессиональную общность. «Оба строгие приверженцы дисциплины, настоящие солдаты, безропотно исполняющие свой “приказ” по зову долга, и между их характерами есть нечто большее, чем внешнее сходство», – писали в «Портсмут Ивнинг Ньюз» [30].

С другой стороны, отдельные издания прямо противопоставляли друг другу стратегические замыслы двух «К», сопровождая информационные блоки подобными комментариями: «Дерзкий план Куропаткина по вторжению в Индию сравним только с соизмеримым с кувалдой быстрым ответом Китченера» [14]. В высшей степени характерно, что на страницах британских газет обозреватели, комментируя реформаторские замыслы лорда Китченера, совершенно не скрывали источник «вдохновения» предстоявших военных преобразований: «Дивизии будут размещены в мирное время в стратегических пунктах Северной Индии, а основная часть новых войск будет прикрывать главные пути вторжения через Кандагар и Кабул. Эти два маршрута были выбраны генералом Куропаткиным для русского плана наступления в случае военных действий между Россией и Великобританией» [30].

Результат информационной кампании, центральной фигурой которой стал «великий

воин» генерал Куропаткин, не заставил себя долго ждать. Если первоначально проект военных реформ лорда Китченера был прохладно встречен юнионистским кабинетом А. Бальфура, то к концу лета 1904 г. риторика действующего правительства резко поменялась. Выступая перед палатой общин, 2 августа 1904 г. премьер-министр заявил: «Было время, когда русское вторжение в Индию было настоящим страхом, и страхом <...> самого безрассудного свойства, хотя некоторые из наших мудрейших предков находились под глубоким впечатлением от него. Но Россия, которой они боялись, <...> сильно отличается от сегодняшней России» [22, col. 622]. Как общал российский военный агент в Лондоне генерал-майор К.И. Вогак, уже в августе 1905 г. британское правительство под влиянием «русской угрозы» выделило дополнительные расходы в 20 млн ф. ст. на строительство новых линий железных дорог в Индии, которые являлись краеугольным камнем стратегических замыслов лорда Китченера [7, л. 110].

Однако по мере получения известий о череде поражений российской армии под командованием А.Н. Куропаткина образ «выдающегося военного ума» [29] в британской прессе постепенно сменился на портрет генерала, «которого преследуют неудачи» [27] и «который в этой войне не проявил никакого полководческого таланта в области стратегии» [32]. После Мукденского сражения 19 февраля – 10 марта 1905 г. упоминание имени русского полководца в британских газетах сопровождалось такими уничижительными эпитетами как «сломленный» [17], «беспомощный» [21] и «обреченный» [12]. Особенно резкой в своей критике была газета «Таймс». На ее страницах указывалось, что «задача генерала – добиваться успеха, а русский командующий потерпел неудачу». При этом редакция газеты выступала с осуждением тех периодических изданий, которые «осыпали Куропаткина лестью» на ранних этапах Русско-японской войны. По мнению обозревателей, генерал А.Н. Куропаткин так и не смог обеспечить себе место в пантеоне «бессмертных полководцев» подобно Суворову и Скобелеву [35]. «Он не обладает воображением, энергией или энтузиазмом, необходимыми для того, чтобы стать великим воином», – резюмировала «Таймс» [34].

Несмотря на развенчание образа «выдающегося стратега», в британском общественном сознании генерал Куропаткин сохранил на многие годы репутацию «пугала» и остался для жителей Туманного Альбиона в первую очередь олицетворением «русской угрозы Индии», даже спустя почти два десятилетия после обнародования нашедшего плана покорения «главной жемчужины». Об этом свидетельствует серия заметок в британской прессе уже периода Гражданской войны в России (1917 – 1922). В них сообщались ложные сведения о преждевременной смерти генерала. Довольно характерны и красноречивы заголовки газет, в которых публиковалась данная информация, якобы из «надежных» и «проверенных» источников: «Смерть Куропаткина, генерала, который планировал вторгнуться в Индию» [20].

Заключение (выводы). Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. В период обострения российско-британских отношений на фоне Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. генерал А.Н. Куропаткин предстал на страницах британских газет как талантливый полководец и грозный противник, что во многом отражало реальные представления о нем среди современников. В свою очередь парадигма восприятия образа главнокомандующего Маньчжурской армией укладывалась в традиционные «страхи» британской общественности перед жупелом «русской угрозы Индии», олицетворением которой для британцев и стал А.Н. Куропаткин, даже невзирая на поражение России в войне с Японией. Этот образ использовался правительством Великобритании во внешне- и внутривосточных целях.

Список литературы

1. Алпеев О. Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885 - 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX-XX вв. Т. 26: Россия и война: междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320-387.
2. Басханов М. К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86-126.
3. Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни: воспоминания А.Н. Куропаткина: в 3 томах. Т. 3. Челябинск: Авто Граф, 2023. 494 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 4963
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 283
6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 143
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970
8. Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны / отв. Ред. А. О. Чубарьян: в 3 т. Т. 2. Россия и союзники. М.: Международные отношения, 2020. 608 с.
9. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
10. Субботин В. А. Страницы английской имперской истории: Китченер // Восток. Афрo-азиатские общества: история и современность. 2001. № 2. С. 105–120
11. Шендыгаев Д.И. Военные реформы Кардуэлла и отмена патентов в британской армии // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №1. С. 164–171
12. Birmingham Daily Gazette, 10 March 1905
13. British Library: Maps Collection. DMO/7/13. Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1903, Together with Their Peace and War Strengths
14. Daily Malta Chronicle and Garrison Gazette, 16 July 1904
15. Daily News (Perth), 12 September 1904
16. Daily Telegraph, 3 February 1904
17. Daily Telegraph, 18 March 1905
18. Dundee Evening Post, 22 September 1904
19. Geraldton Express and Murchison and Yalgo Goldfields Chronicler, 30 December 1904
20. Gloucestershire Echo, 15 February 1921
21. Greenock Telegraph and Clyde Shipping Gazette, 13 March 1905

22. Hansard's Parliamentary Debates. 4th Series. 1904. Vol. 139
23. Herald (Melbourne), 23 August 1904
24. Illustrated London News, 4 June 1904
25. Illustrated London News, 25 June 1904
26. Illustrated London News, 16 July 1904
27. Illustrated London News, 18 March 1905
28. Leader (Melbourne), 3 September 1904
29. Lyttelton Times, 18 August 1904
30. Newcastle Morning Herald and Miners Advocate, 10 December 1904
31. Portsmouth Evening News, 8 July 1904
32. Spectator, 16 July 1904
33. Times, 17 February 1904
34. Times, 18 March 1905
35. Times, 20 March 1905
36. The National Archives, Kew, United Kingdom (TNA). Public Records Office: Foreign Office (FO) 106/9
37. TNA. FO 539/38
38. TNA. FO 539/78
39. TNA. FO 539/102
40. TNA. FO 539/106
41. West Australian, 2 September 1904

THE PERSONALITY OF THE GENERAL A.N. KUROPATKIN IN THE BRITISH PRESS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904-1905)

The article analyzes the process of formation of the image of the commander-in-chief of the Russian army in Manchuria General A.N. Kuropatkin in the British public during the Russo-Japanese War of 1904 - 1905 on the example of periodicals of Great Britain and its colonies. The study of this problematic touches socio-cultural aspects of the perception of the "other" and the issues of military-political and strategic nature, because A.N. Kuropatkin, who held the post of Minister of War of the Russian Empire in 1898 - 1904, determined the contours of the Russian military policy, which solved the problem of defending Russian interests in Central Asia and the Far East and countering British aspirations in these regions. The construction of a certain image of General Kuropatkin in the British press followed both the propagandistic purpose of manipulating public opinion and foreign policy goal, aimed at strengthening British influence in Persia and Afghanistan. In the course of this study, materials from periodicals of Great Britain and its colonies, as well as unpublished documents from Russian and British archives were used. The study concludes that during the Russo-Japanese War the image of General A.N. Kuropatkin underwent a transformation from a "great warrior" to a "bogeyman". Such a spread in the assessments of the personality of the Russian commander on the pages of British publications retained a single semantic field, within which General A.N. Kuropatkin represented the personification of the "Russian threat to India."

Keywords: A.N. Kuropatkin, the image of the "enemy", the British press, the Russo-Japanese War, the Great Game, the British Empire, the Russian Empire, an invasion of India.

References

1. Alpeev O.E. «Svyashchennyj ogon'» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiyu» voennym vedomstvom Rossii, 1885 – 1914 gg. // Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga, T. 26, [“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914 // *Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary*, Vol. 26], 2018, s. 320–387
2. Baskhanov M.K. Geratskij krizis 1885 g. i bor'ba idej vokrug strategii uprezhdeniya v Srednej Azii: Kuropatkin protiv Magregora // Mir politiki i sociologii [Herat Crisis of 1885 and the Struggle of Ideas around the Strategy of pre-emption in Central Asia: Kuropatkin against Magregore// *The World of Politics and Sociology*], 2018. No. 12. p. 86–126
3. Kuropatkin A.N. 70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina. T. 3 [70 years of my life: A.N. Kuropatkin. Vol. 3], Avto Graf publ, Chelyabinsk, 2023. 494 p.
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 165. Op. 1. D. 4963
5. RGVIA. F. 400. Op. 4. D. 283

6. RGVIA. F. 846. Op. 1. D. 143
7. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 970
8. Rossiya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny / otv. Red. A. O. CHubar'yan: v 3 t. T. 2. Rossiya i soyuzniki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya [Russia in the system of international relations on the eve and during the First World War / Ed. Ed. A. O. Chubar-yan: in 3 volumes. Vol. 2. Russia and the Allies. Moscow: International relations], 2020. 608 p.
9. Sergeev E.YU. Bol'shaya igra, 1856 – 1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii. Moskva [The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Moscow]. 2012. 454 p.
10. Subbotin V.A. Stranicy anglijskoj imperskoj istorii: Kitchener // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Pages of English Imperial History: Kitchener // *Oriens*], 2001. No. 2. C. 105–120
11. Shendygayev D.I. Voennye reformy Karduela i otmena patentov v britanskoj armii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [The Cardwell Reforms and Abolition of Purchase in British Army // *Bulletin of Bryansk State University*]. 2018. No. 1. p. 164–171
12. Birmingham Daily Gazette, 10 March 1905
13. British Library: Maps Collection. DMO/7/13. Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1903, Together with Their Peace and War Strengths
14. Daily Malta Chronicle and Garrison Gazette, 16 July 1904
15. Daily News (Perth), 12 September 1904
16. Daily Telegraph, 3 February 1904
17. Daily Telegraph, 18 March 1905
18. Dundee Evening Post, 22 September 1904
19. Geraldton Express and Murchison and Yalgo Goldfields Chronicler, 30 December 1904
20. Gloucestershire Echo, 15 February 1921
21. Greenock Telegraph and Clyde Shipping Gazette, 13 March 1905
22. Hansard's Parliamentary Debates. 4th Series. 1904. Vol. 139
23. Herald (Melbourne), 23 August 1904
24. Illustrated London News, 4 June 1904
25. Illustrated London News, 25 June 1904
26. Illustrated London News, 16 July 1904
27. Illustrated London News, 18 March 1905
28. Leader (Melbourne), 3 September 1904
29. Lyttelton Times, 18 August 1904
30. Newcastle Morning Herald and Miners Advocate, 10 December 1904
31. Portsmouth Evening News, 8 July 1904
32. Spectator, 16 July 1904
33. Times, 17 February 1904
34. Times, 18 March 1905
35. Times, 20 March 1905
36. The National Archives, Kew, United Kingdom (TNA). Public Records Office: Foreign Office (FO) 106/9
37. TNA. FO 539/38
38. TNA. FO 539/78
39. TNA. FO 539/102
40. TNA. FO 539/106
41. West Australian, 2 September 1904

Об авторе

Арбеков Александр Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Arbekov Alexander Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula Arms State Museum (Russia), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

УДК 9.94

Бирюкова К.В., кандидат исторических наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики (Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2020-2023 ГГ.)

Китай не перестает утверждать себя в качестве экономического и геополитического лидера. На фоне пандемии, властно вмешавшейся в нашу жизнь, кризиса в отношениях России с США и рядом европейских стран, постепенного перехода к многополярному политическому миру – русско-китайские взаимоотношения постоянно развиваются. Важность этого геостратегического партнерства подчеркивается представителями обеих стран на самом высоком уровне. И в новой экономической и геополитической реальности последних лет это партнерство обретает все большую актуальность. Исследование носит историографический характер. Автор рассматривает некоторые труды последних трех лет, посвященные Китаю, русско-китайским дипломатическим отношениям и внешней политике, геополитическим стратегиям и стратегическому партнерству двух стран. В поле исследования попадают также отдельные личности, значимые для развития русско-китайских отношений и распространения христианства в Китае (Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, российский дипломат и полномочный посол в Китае, и русский миссионер в Китае, участник 12 и Начальник 13 и 15 составов российской православной миссии в Пекине, ученый-синолог архимандрит Палладий (Кафаров), барон Ф.Р. Остен-Сакена, католический миссионер Матео Рипа). Автора интересуют также актуальные исследования, раскрывающие тему русско-китайских отношений в социокультурном и религиозном контексте. Под актуальными имеются в виду исследования последних трех лет (2020-2023 гг.). Исследование носит фрагментарный характер, поскольку рамки статьи не позволяют представить по всей полноте труды, посвященные русско-китайским отношениям в политическом, социо-культурном и религиозном контекстах.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, дипломатия, геополитика, Китай, Россия историография

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-24-31

Введение. Под актуальной историографией автор подразумевает исследования последних трех лет. Перемены, произошедшие в мире за этот период, хочется назвать «глобальными» из-за их масштаба: пандемия, существенно изменившая социальную жизнь и ускорившая процессы цифровизации, экономические и геополитические кризисы – мир изменился.

И в этом изменившемся мире продолжается укрепление и развитие русско-китайских отношений. Китай продолжает оставаться одним из ключевых партнеров России.

Русско-китайские связи касаются, пожалуй, всех или почти всех областей. В данной статье нас интересуют исследования, посвященные развитию Китая и русско-китайским связям области политики и геостратегического партнерства, социо-культурному взаимодействию, пересечениям в области религии (распространения христианства в Китае), значимым для русско-китайских связей персоналиям.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются исследования последних трех лет, посвященные Ки-

таю, его историческому, социальному, экономическому и геополитическому развитию. А также дипломатическим, геополитическим, социокультурным и религиозным взаимоотношениям России и Китая.

Используются историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. В 2023 г. опубликована монография Д.В. Буярова «Современный Китай на пути перемен (социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в последней четверти XX – начале XXI вв.)» [2]. Автор исследует развитие Китайской Народной Республики начиная с 1978 года и реформ Дэн Сяопина до современности (2000-го года). За это время Китай уверенно занял лидирующие позиции среди мировых держав и изучение китайской модели развития, оказавшейся столь эффективной, остается актуальным. В монографии исследуются сами реформы, развитие сельского хозяйства и промышленности. Проследивается влияние на развитие Китая таких факторов, как экономика, идеология, политика, процессы глобализации. Отдельная

глава посвящена развитию китайской культуры в хронологических рамках исследования. 1978 г. стал важной точкой в истории Китая: «При этом главными компонентами явились, безусловно, развитие и реформы: ведь именно провозглашенный руководством Китая в конце 1978 г. курс модернизации экономики страны и хозяйственной реформы положил начало современному этапу социально-экономического развития Китая» [2, с. 6].

Особое внимание уделено проблематике автономии в КНР и непосредственно ее развитию в Синьцзян-Уйгурском автономной районе. «СУАР играет очень важную роль во внутренней политике Китая. Это заключается в стратегическом и географическом положении Синьцзяна, благодаря которому границы КНР простираются до стран Среднего Востока. Так же СУАР служит буфером безопасности для внутренних провинций Китая, потому как он граничит с нестабильными государствами, такими, как Афганистан, Пакистан, Таджикистан. В СУАР располагается единственный в Китае ядерный полигон и большая часть его ядерных сил. Большую часть региона населяют представители этнических меньшинств, которые исповедуют ислам и считают китайцев колонизаторами, поэтому постоянные волнения являются фактором нестабильности в районе, а обвинения в притеснении меньшинств являются болевой точкой в отношении Китая со странами Запада» [2, с. 6]. Автор подчеркивает, что «Проблема сепаратизма в СУАР очень актуальна в настоящее время, потому что сепаратизм остается для Китая главным фактором нестабильности и несет в себе угрозу территориальной целостности страны. Многие группировки вышли за пределы СУАР, и тем самым несут глобальную опасность многим государствам» [2, с.6].

Историю Китая в XX веке исследует В. А. Глушаков [5]. Автор отмечает, что последние тридцать лет политика не является приоритетным направлением в развитии Китая, и в самом Китае обсуждения и размышления на тему определения общественного строя и избрания правильного пути развития китайского общества закрыли, избрав формулировку «Социализм с Китайской спецификой». «Начиная с 1989 года все внимание сконцен-

трировано исключительно на делах экономических» [5, с. 471].

Эта сосредоточенность на экономическом развитии позволила Китаю добиться впечатляющих результатов: «До начала 1950-х годов прошлого столетия – на пике развития индустриального общества – ВВП считали не в долларах, а в тоннах выплавленной стали, добытого угля, собранного зерна, миллионах киловатт выработанного электричества. В нашем постиндустриальном обществе такие расчеты никто не будет рассматривать всерьез, но стоит заметить, что в таком экономическом плане КНР превосходит США уже более чем в два раза. Америке пока что удастся удерживать лидерство в сфере высоких технологий, но вряд ли такое положение дел продлится даже одно десятилетие» [5, с. 472]. «Пекин занимает лидирующее место в мире в деле строительства транспортной инфраструктуры, достигнув в этом вопросе невероятных успехов... При условии бурного развития глобализации, КНР уже выиграла транспортную гонку у США. Пекин не только создал в стране одну из лучших транспортных инфраструктур на планете, но и активно развивает этот сегмент по всему миру» [5, с. 480]. «Правительственная программа «Один пояс – один путь» является крупнейшей инвестиционной программой в истории человечества» [5, с. 480]. Автор отмечает, что Китай прочно укрепился на африканском континенте (инвестиции, кредиты, военные займы, присутствие китайских специалистов и т.д.). Эти инвестиции более благосклонно встречаются здесь, чем западные, к беспокойству западных партнеров.

Внутренняя и внешняя политика Китая в контексте современных политических вызовов исследуется в коллективной монографии, подготовленной сотрудниками Пятигорского государственного университета [3]. Отдельная глава исследования посвящена развитию русско-китайских отношений [3, с.154- 221]. Обобщающий вывод авторов состоит в том, что, «несмотря на сохраняющиеся проблемы в двусторонней кооперации, высокий уровень доверия и взаимная долгосрочная стратегическая заинтересованность друг в друге позволяет купировать либо консервировать отдельные противоре-

чия» [3, с. 200]. «Внутренняя эволюция российско-китайского партнерства связана с координацией национальных стратегий безопасности двух стран, включая двусторонние и многосторонние (ООН, БРИКС, ШОС) повестки, региональное и приграничное сотрудничество, сотрудничество в сфере космической и кибербезопасности» [3, с. 200].

Геополитическое взаимодействие России и Китая на современном этапе исследует А.К. Назарова [10]. В исследовании рассмотрена история российско-китайских отношений на временном отрезке 1922 – 2000 гг., при этом автор предлагает собственную периодизацию, рассмотрены современные внешнеполитические доктрины обеих стран, прослеживаются пересечения их геополитических стратегий.

С точки зрения исследовательницы, «Объективно-обусловленным шагом в направлении повышения эффективности национальных геополитических стратегий является достижение договоренности между Россией и Китаем по принципу разделения сфер интересов и влияния, либо посредством сопряжения взаимных интересов по каждому конкретному геополитическому проекту. Исходя из множественности стран, сфер и направлений приложения геополитических усилий, а также наличия иных геополитических игроков, континентальное разделение сфер влияния представляется маловероятным. При этом история взаимодействия России и Китая объясняет сохраняющийся низкий уровень взаимного доверия, конкретно-исторический (ситуативный) характер интенсивного укрепления текущего геополитического взаимодействия до уровня «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». Это обстоятельство снижает перспективы институционализации «сопряжения» континентальных геополитических стратегий двух стран. Предложение России о выработке новых глобальных «правил игры» остаются без ответа со стороны коллективного Запада. Но Совместное заявление от 8 июня 2018 года положило начало выработке таких правил

между РФ и КНР, как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС, БРИКС, РИК, ВАС, Группы двадцати и АТЭС» [10, с. 99].

Геополитика интересует и китайского исследователя У Тин: в своей диссертации он рассматривает. «Геополитические проекты Китая в политическом дискурсе России» [13]. Автор исходит из того, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика – мировые державы, динамика отношений между которыми является одним из ключевых факторов влияния на формирование международной ситуации. России и Китаю приходится сталкиваться со сходными внешнеполитическими вызовами. Лидеры двух стран постоянно подчеркивают приоритетность стратегического взаимодействия [13, с.1]. Он обращает внимание на то, что «В официальной риторике постоянно прослеживается линия поворота России на Восток. Однако по содержанию наполнению это политики существует серьезная дискуссия» [13, с.1-2] (в какой степени реальный или декларативный характер это носит). Кроме того, исследователь высказывает мнение, что Россия и Китай воспринимаются «коллективным Западом» как общая угроза (генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что НАТО не должно рассматривать угрозу Китая отдельно от России. (автор ссылается на заявление представителя МИД КНР Ван Вэньбиня. РИА Новости. 22.10.2021.) [13, с.1].

Отношениям США и Китая посвящено исследование Ю.М. Галеновича¹ [4]. Автор подчеркивает высокую степень актуальности исследования: «Сегодня, в XXI веке, то, что касается Китая, взаимоотношений с Китаем, становится первостепенным практически для всех народов и стран. При этом возникает много вопросов и о том, что происходит в современном Китае, и о внешней политике Китая, и что это означает или будет означать для остального человечества» (4, аннотация). Автор собрал и проанализировал взгляды ведущих американских китайцев, опубликованные в 2028 г. Научная новизна исследования

¹ Юрий Михайлович Галенович, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Работал сотрудником посольства СССР в КНР, в секретариате ООН (в этой командировке в США исследовал состояние и перспективы американо-китайских отношений). Являлся заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, членом совета Московско—Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, первым вице-президентом Ассоциации китайцев РАН.

состоит в том, что впервые сопоставляются взгляды в России и в Америке на современный Китай. Особую ценность представляет анализ речи вице-президента США Майка Пенса (тогда вице-президента США), в которой изложен взгляд Дональда Трампа (тогда президента США) на политику Китая в отношении Америки. В главе «Общество» отдельно исследован вопрос о религии в Китае (Ю.М. Галенович подытоживает, что «Христианство так и осталось чужой религией, у которой нашлись верующие, однако ни они, ни их пастыри не играли существенной, решающей роли в Китае» [4, с. 422]

Американо-китайским взаимоотношениям посвящено также исследование Ю.В. Тавровского «Америка против Китая. Поднебесная сосредотачивается на фоне пандемии» [12]. Автор предполагает, что «Ускорение деглобализации после шока пандемии COVID 19 неизбежно ускорит распад нынешнего мирового порядка» [12, с.279]. «Пока непонятно, соединятся ли в конце концов параллели наших стратегических интересов» [12, с.279] - размышляет он о перспективах русско-китайских отношений. Ю.В. Тавровский показывает, как США используют пандемию для «сдерживания Китая» [12, с.28].

Известный востоковед В.Г. Дацышен в своей монографии прослеживает изучение истории Китая в России [6]. Хронологические рамки исследования – XVIII – нач. XX вв. Отдельный параграф отмечает вклад Пекинской миссии в становление отечественной синологии [6, с. 19-24]. В исследовательское поле попадают опубликованные и неопубликованные исследования по истории Китая, изучение Китая в целом и в отдельных научных и образовательных учреждениях, создавая целостную картину синологических исследований в России. «Место и роль России в развитии западной синологии являются важными, но противоречивыми. Обладая более ограниченными, в сравнении с ведущими странами Запада, ресурсами и более чем на сто лет позже встав на путь Великих географических открытий, Россия обычно отставала от них в области синологических исследований. Однако соседство с Китайской им-

перией и великодержавные устремления русской культуры создавали достаточные предпосылки не только для успешного «догоняющего» развития русской науки и образования, но обеспечивали выход российской синологии в разные периоды на лидирующие позиции в мире. В силу комплекса факторов отношение к истории Китая в русской культуре было принципиально таким же, как и в Западной Европе, но с некоторыми отличиями. Для отечественного востоковедения «История Китая» всегда была дисциплиной страноведческой, Европа же в XVIII-XIX вв. приняла Китай в историю лишь на правах «цивилизации» [6, с. 2-3]

Источником вдохновения для М.С. Кругловой [7] стал важнейший источник по истории христианства в Китае, «Джорнале» Маттео Рипы.¹ Автор выделяет три предпосылки актуальности своего исследования: 1. Характер описываемого исторического периода (Маттео Рипа стал свидетелем начала ожесточенного теологического спора между структурами Римско-католической церкви, повлекшим за собой дипломатический конфликт между Ватиканом и Китаем); 2. Актуальность исследования определяется характером знаний современной историографии о рассматриваемом периоде: основной пласт информации заимствован из источников, авторами которых были члены иезуитского ордена. Маттео Рипа представляет альтернативную точку зрения, поддерживая позицию Ватикана; 3. Более столетия текст воспоминаний Маттео Рипы был известен в том числе и широкому кругу историков в издании, подготовленном орденом иезуитов. Работа над публикацией оригинального текста начата сравнительно недавно. Сравнительное исследование иезуитского издания и оригинального текста позволяет сделать вывод, что иезуитами текст мемуаров был в значительной степени сфальсифицирован. Таким образом, введение в научный оборот оригинального текста является актуальной научной задачей. Кроме того, «Джорнале» Маттео Рипы является одним из наиболее подробных свидетельств христианских миссионеров того периода в императорском Китае [7, с. 3-4]. По

¹ Маттео Рипа (1682-1746) – итальянский священник, миссионер католической церкви в Китае.

мнению исследовательницы, «Пандемия коронавируса не привела к принципиальным изменениям в восприятии образа Китая в России. Фактор пандемии создавал напряжение во взаимоотношениях двух государств лишь кратковременно, в период наиболее острой фазы эпидемии коронавируса в России (март-апрель 2020 г.) [7, с.20].

Л.А. Афолина [1] обратилась в своем исследовании к трагическому эпизоду: восстанию ихэтуаней, в ходе которого пострадали в том числе и православные христиане, причисленные позже к лику святых Русской Православной Церкви (Архиерейским Собором 3 февраля 2010 года). Исследуя их судьбы, автор опирается на первоисточники, личные беседы с потомственными китайскими верующими и информацию из их семейных архивов. Книга вводит в научный оборот неизвестные ранее исторические документы, освещает малоизученные аспекты общественно-политической жизни Китая и двусторонних отношений на рубеже XIX – XX веков. Особую ценность представляет приводимая исследовательницей таблица, в которой она собрала сведения о 239 мучениках, пострадавших в ходе восстания. Исследовательница упоминает христиан-католиков, также пострадавших в ходе восстания. 1 октября 2000 г. были прославлены Ватиканом 120 католических священников и мирян (из них 87 китайцев), среди которых большинство пострадали в ходе восстания ихэтуаней, что вызвало жёсткую политическую реакцию Пекина. «Политизация этого события произошла в связи с назначением даты канонизации на день главного государственного праздника КНР. Второй причиной стало то, что составление списка для канонизации было поручено Епископской конференции католической церкви Тайваня, с которым Ватикан продолжает сохранять дипломатические отношения. В добавление к этому, канонизация мучеников произошла спустя ровно 100 лет после восстания ихэтуаней, в этот же год в КНР был торжественно отпразднован юбилей этого события» [1, с.176].

«Учитывая сложность темы и неоднозначный характер трактовок восстания ихэтуаней в современном Китае, православная Церковь никогда не давала ему политической оценки. Предметом её рассмотрения

всегда была только судьба пострадавших за веру» - обращает внимание исследовательница [1, с. 177].

С. В. Смирнов исследует русскую военную эмиграцию в Китае [11], от ее становления до исчезновения. Автор прослеживает эвакуацию частей Белой Армии в Китай в 1920 г., институционализацию военных эмигрантов в Китае, формирование ее военно-политических центров, консолидацию. Географические рамки исследования охватывают Маньчжурию, Шанхай, Северный Китай, Синьцзян. Уделяется внимание отдельным аспектам жизни эмигрантов и их участию в общественно-политических процессах исследуемого периода. «Участие в политике, как важнейшее условие общекорпоративной консолидации, оказывало непосредственное влияние на процесс социальной адаптации военных эмигрантов» - пишет автор [11, с. 622]. «Военная эмиграция больше, чем любой другой слой русского эмигрантского сообщества в Китае оказалась вовлечена во внутривнутриполитическую жизнь страны» [11, с. 623]. «Помимо исключительной роли в политической жизни русской эмиграции в Китае военные эмигранты занимали важное место в хозяйственной и культурной сферах эмигрантских колоний» [11, с. 624].

В 2023 г. увидела свет монография Эндрю Уолдера (американский политический социолог, специалист по Китаю) «Китай при Мао. Революция, пущенная под откос» [14]. Хронологические рамки исследования охватывают 1949-1976 гг.

«Эта эпоха несет на себе очевидный отпечаток личности Мао Цзэдуна, который являлся столь же мощной доминантой своего времени, как и все лидеры современной истории. Последние публикации, базирующиеся на новых источниках, выявили неоднозначные взаимоотношения и разногласия в китайском руководстве, неизменно возглавлявшемся Мао. Принимаемые в таких условиях решения часто оборачивались трагическими для народа Китая событиями» [14, с.7].

«Ключевую роль в этом сыграли две организации. Во-первых, аппарат Коммунистической партии Китая, который обеспечивал жесткий и порой жестокий контроль за членами партии и в особенности за ее руководителями – так называемыми «кадрами». Во-

вторых, позаимствованная у СССР модель социалистической экономики, которая принесла многим последовавшим ей странам существенные проблемы» [14, с.7-8].

Исследователь ставит своей целью «показать, что события эпохи Мао отражали специфику институтов, сформировавшихся в первое десятилетие правления КПК. Историю эпохи Мао я представляю, постоянно держа в уме эти институты» [14, 3]. Автор высказывает мнение, что «Ошибочно диагностируя болезнь Китая как капиталистическую реставрацию и прописывая в качестве решения продолжение классовой борьбы с воображаемыми врагами, Мао разрушил многое из того, что построил, и в итоге не дал разрушенному никакой жизнеспособной альтернативы» [14, из аннотации].

Существенную научную ценность представляет подборка дневниковых записей, опубликованная А.М. Куликовым под названием ««Ехали мы сюда с добрыми целями». Русско-китайские переговоры в Тяньцзине (по дневникам архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена 1857-1858 гг.)» [8]. Книга содержит дневниковые записи архимандрита Палладия (П.И. Кафарова, 1817-1878), возглавлявшего XIII Российскую духовную миссию в Пекине, а также малоизвестные дневники сотрудника азиатского департамента МИД барона Ф.Р. Остен-Сакена (1832-1916).

Дневник Владыки Палладия, «фрагменты его записок за 1858 г. впервые увидели свет на страницах журнала «Морской сборник» в 180 г. Второе издание Вышло более полувека спустя – в 1912 г. на страницах «Известия Министерства иностранных дел» [8, с.6]. «Два других публикуемых дневника составлены бароном Федором Романовичем Остен-Сакеном – дипломатом, ученым и путешественником, чей вклад в развитие русского востоковедения еще предстоит изучить. В полном виде оба текста публикуются и комментируются впервые» [8, с.6].

В 2020 г. вышло исследование Н. Моравчевича [9], посвященное личности графа Саввы Владиславича.¹ Автор использует художественный язык, приводит многочисленные документы, свидетельства современников.

Заключение (выводы). Данное исследование носит историографический характер: автор ставил своей целью проследить развитие научной мысли в направлении истории Китая и русско-китайских отношений за последние годы. Рассматриваются научные труды последних трех лет, поскольку сейчас мы являемся свидетелями глобальных перемен, смены геополитической парадигмы, напрямую затрагивающих интересы России и Китая и их стратегического партнерства.

Для более репрезентативной выборки автор подобрал научные труды разного формата: монографии (в том числе коллективные), статьи, публикации документов (снабженные научными комментариями), авторефераты диссертаций, научно-популярный художественный текст.

Рассмотренные труды можно условно разделить на несколько направлений: а) непосредственно о Китае, его историческом, социальном, экономическом развитии; б) о русско-китайских отношениях, политических и социокультурных, в) русско-китайские пересечения в области религии (распространение христианства в Китае), г) труды, связанные с личностями, значимыми для русско-китайских связей.

Тема русско-китайских связей остается актуальной. Тема многомерная, и исследователи рассматривают разные грани этих отношений, отдельные их элементы.

Заметно, что авторы рассмотренных трудов высоко оценивают развитие стратегического партнерства России и Китая, видя в нем большой потенциал и альтернативу ситуации охлаждения взаимоотношений России с США и рядом европейских стран.

Названия некоторых исследований прямо говорят о противопоставлении Китая и США.

Предметом особого интереса автора были труды, связанные с изучением распространения христианства в Китае и религиозным аспектом русско-китайских отношений.

Отрадно обратить внимание на то, что русско-китайские отношения и христианство в Китае становятся темой диссертационных исследований.

Не менее важным представляется то, что

¹ Савва Лукич Рагузинский-Владиславич (1669-1738), граф, действительный статский советник, дипломат, глава посольства в Китай и Полномочный посол России в империи Цин.

личности владыки Палладия (Кафарова), барона Ф.Р. Остен-Сакена, Матео Рипы, судьбы русских эмигрантов в Китае и китайских христиан-мучеников, пострадавших в ходе восстания ихэтуаней – не забыты и по-прежнему привлекают внимание исследователей.

Ценно, что важнейшие документы («Джорнале» Матео Рипы, дневниковые записи архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена) – изучаются и публикуются с непредвзятых позиций, в сопровождении научного анализа

Научным вкладом автора можно считать распространение в научном обороте сведений

об актуальных исследованиях в области русско-китайских отношений в политическом, социокультурном и религиозном контекстах.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что для исследователей остаются актуальными самые разные аспекты темы Китая: его историческое развитие, геополитика и русско-китайские отношения, христианство и православие в Китае, отдельные значимые личности. Возможно, растущий интерес к китаеведческим исследованиям связан с укреплением русско-китайских отношений, которое мы наблюдаем сегодня.

Список литературы

1. Афонина Л.А. Восстание ихэтуаней и православные мученики в Китае. Москва: Наука, 2021. 221 с.
2. Буюров Д.В. Современный Китай на пути перемен (социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в последней четверти XX – начале XXI вв.): монография. Москва: Русайнс (Ruscience), 2023. 160 с.
3. Внутренняя и внешняя политика Китая в контексте современных политических вызовов: [коллективная монография]. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного университета (ПГУ), 2022. 322 с.
4. Галенович Ю.М. Америка-Китай: глобальное противостояние. Москва: Русская панорама, 2020. 752 с.
5. Глушаков В.А. История Китая в XX веке. Москва: Энциклопедия, 2019. 478 с.
6. Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской Империи: монография. Москва: Проспект, 2019. 192 с.
7. Круглова М.С. "Джорнале" Матео Рипы как источник по истории деятельности христианских миссионеров в Китае в начале XVIII века: автореф. дисс.... канд. истор. наук. Москва, ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2019. 22 с.
8. Куликов А.М. «Ехали мы сюда с добрыми целями»: русско-китайские переговоры в Тяньцзине (по дневникам архимандрита Палладия (Кафарова) и барона Ф.Р. Остен-Сакена, 1857-1858 гг.). Москва: Институт востоковедения (И.В.) РАН, 2022. 353 с.
9. Моравчевич Н. Граф Сава Владиславич: [первый посол России в Китае]. Белград «Принц пресс», Санкт-Петербург «Алетейя». 2020. 304 стр.
10. Назарова А.К. Геополитическое взаимодействие России и Китая: монография. Москва: Русайнс (Ruscience), 2021. 116 с.
11. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 - конец 1940-х гг.). Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с.
12. Тавровски Ю.В. Америка против Китая: Поднебесная сосредотачивается на фоне пандемии. Москва: Книжный мир, 2020. 320 с.
13. У Тин. Геополитические проекты Китая в политическом дискурсе России: автореф. дисс.... канд. полит. наук. Москва, ФГАОУ ВО РУДН. 2022. 30 с.
14. Уолдер Э. Китай при Мао: революция, пущенная под откос. Бостон, Санкт-Петербург: Academic Studies Press, БиблиоРоссика, 2023. – 573 с.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS (2020-2023)

China never ceases to assert itself as an economic and geopolitical leader. Against the background of a pandemic that imperiously intervened in our lives, a crisis in relations between Russia and the United States and a number of European countries, a gradual transition to a multipolar political world, Russian-Chinese relations are constantly developing. The

study is historiographical in nature. The author considers some works of the last three years on China, Russian-Chinese diplomatic relations and foreign policy, geopolitical strategies and strategic partnership between the two countries. The field of study also includes individual persons significant for the development of Russian-Chinese relations and the spread of Christianity in China (Savva Lukich Vladislavich-Raguzinsky, Russian diplomat and plenipotentiary ambassador to China, and Russian missionary to China, participant 12 and Head of the 13th and 15th composition of the Russian Orthodox mission in Beijing, sinologist Archimandrite Palladium (Kafarov), Baron F.R. Osten Saquena, Catholic missionary Mateo Ripa). The author is also interested in topical studies that reveal the topic of Russian-Chinese relations in a socio-cultural and religious context. Relevant means research of the last three years (2020-2023). The study is fragmentary in nature, since the scope of the article does not allow for the full presentation of works on Russo-Chinese relations in political, socio-cultural and religious contexts.

Keywords: Russian-Chinese relations, diplomacy, geopolitics, China, Russia historiography

References

1. Afonina L.A. Rebellion of the Ihetuans and Orthodox martyrs in China. Moscow: Science, 2021. 221 pp.
2. Buyarov D.V. Modern China on the path of change (socio-economic, political and cultural development of the country in the last quarter of the 20th and early 21st centuries): monograph. Moscow: Ruscience, 2023. 160 pp.
3. China's domestic and foreign policy in the context of contemporary political challenges: [collective monograph]. Pyatigorsk: Publishing House of Pyatigorsk State University (PSU), 2022. 322 pp.
4. Galenovich Yu.M. America-China: global confrontation. Moscow: Russian Panorama, 2020. 752 pp.
5. Glushakov V.A. History of China in the twentieth century. Moscow: Encyclopedia, 2019. 478 pp.
6. Datsyshen V.G. Study of the history of China in the Russian Empire: monograph. Moscow: Prospect, 2019. 192 pp.
7. Kruglova M.S. "Jornale" Matteo Ripa as a source on the history of Christian missionaries in China at the beginning of the 18th century: author. diss.... cand. istor. sciences. Moscow, FSBIS Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. 22 pp.
8. Kulikov A.M. "We went here with good goals": Russian-Chinese negotiations in Tianjin (according to the diaries of Archimandrite Palladius (Kafarov) and Baron F.R. Osten-Saken, 1857-1858). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 353 pp.
9. Moravchevich N. Graf Sava Vladislavich: [the first Russian ambassador to China]. Belgrade: Prince Press, St. Petersburg: Aleteya, 2020. 304 pp.
10. Nazarova A.K. Geopolitical interaction between Russia and China: monograph. Moscow: Ruscience, 2021. 116 pp.
11. Smirnov S.V. Far Eastern dead end: Russian military emigration in China (1920 - late 1940s). Moscow: Litres: Samizdat, 2019. 712 pp.
12. Tavrovsky Yu.V. America against China: The Celestial Empire is focusing on the background of a pandemic. Moscow: Book World, 2020. 320 pp.
13. U. Tin. China's geopolitical projects in Russia's political discourse: autoref. diss.... cand. polite. sciences. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2022. 30 pp.
14. Walder A. China under Mao: a revolution derailed. Boston, St. Petersburg: Academic Studies Press, BiblioRossika, 2023. - 573 pp.

Об авторе

Бирюкова Кристина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики (Россия), E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

Biryukova Kristina Viktorovna - Candidate of Historical Sciences, (Russia), Moscow Technical University of Communications and Informatics, E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

УДК 944.04.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА В БОРЬБЕ С САМОУПРАВСТВОМ ТОЛПЫ

Во Франции Старого порядка недород хлеба и возникавшие на этой почве голодные бунты были частым явлением. В мифологизированном сознании масс существовала мысль о «пакте голода»- стремлении власть имущих уморить народ. Орудием этого «заговора» считались социальные группы, связанные с хлебными операциями: крупные фермеры, богатые торговцы, мельники, булочники. Развернувшиеся летом 1789г. революционные события знаменовали собой начало обрушения прежней власти и создавали у населения ощущение вседозволенности. Отсюда - самостийные расправы полуголодных толп над своими реальными, а чаще воображаемыми врагами. На первых порах еще политическая слабая революционная элита не решалась на серьезные меры противодействия народным бунтам и сопровождавшим их бессудным расправам. Но осенью 1789г. позиции Учредительного собрания окрепли, и к тому же оно опиралось на местные власти и национальную гвардию. Убийство толпой булочника Франсуа стало катализатором принятия декрета о военном положении. Данный закон, а еще больше разрешение продовольственного кризиса привели к установлению относительного общественного спокойствия, что облегчило законодателям проведение глубоких преобразований в различных сферах жизни общества и государства.

Ключевые слова: «голодный пакт», бесчинства толпы, убийство булочника Франсуа, Учредительное собрание, закон о военном положении, муниципалитеты, национальная гвардия, общественное спокойствие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-32-39

Революционные события июля 1789г. породили у множества французов ощущение того, что произошло «обрушение всех сил общественного порядка» [16, р. 9]. Это поощряло толпы к бессудным расправам, творимым в соответствии с жестокими нравами эпохи [4, с. 232-233; 6, с.18-19]. Их жертвами стали не только защитники Бастилии и отдельные ненавистные сановники Старого режима, но и те, кого называли скупщиками: богатые торговцы, крупные фермеры, мельники, булочники. Стремление придержать продукты, чтобы позднее нажиться на спекуляциях, в мифологизированном сознании масс воспринималось как «голодный пакт» с целью уморить людей, оставив их без хлеба. Линчевания, осуществлявшиеся «сборщиками», вызывали естественное возмущение подавляющего большинства депутатского корпуса. Но обрушить на бесчинствующие толпы репрессии законодатели не хотели, да и не могли. Поначалу их позиции в стране были относительно слабыми, и они отчаянно нуждались в широкой народной поддержке для противостояния адептам прежнего государственного устройства. Поэтому предложение умеренных «монархистов» решительно противодействовать эксцессам было в

июле 1789г. выхолощено и заменено формальной декларацией, сводившейся к простому порицанию бесчинств [2, с. 28].

Но к октябрю ситуация изменилась. Ассамблея во многом преуспела: она ввела гражданское равенство и политические свободы, уничтожила вопиющие пережитки феодализма, упразднила церковную десятину. Была принята судьбоносная «Декларация прав человека и гражданина», разрабатывался конституционный акт, ограничивались властные функции венценосца. Марш парижан на Версаль 5-6 октября вынудил Людовика санкционировать важнейшие решения Собрания, что еще больше увеличило политический вес последнего. Но нападение столичных санкюлотов на дворец, убийство двух его защитников - лейб-гвардейцев, глумление над их трупами, угрозы Марии-Антуанетте, фактически насильственное водворение монаршей семьи в Париж [3, с.35-36] шокировали и одновременно озадачили депутатов.

Все это никак не соответствовало принципам просвещенной революционной элиты: подчинению граждан Закону, обеспечению неприкосновенности личности и безопасности собственности. Ассамблея немедленно вотивала декрет о переносе своих заседаний в

столицу, срочно занявшись подысканием соответствующего здания. Одновременно она поручила наиболее влиятельному из своих комитетов – Конституционному подготовить декрет о военном положении, который содержал бы правовую базу для борьбы с незаконными собраниями. Схожее задание было дано и графу Мирабо, проявившему в первые месяцы работы Собрания необычайную политическую проницательность и выдающийся дар убеждать людей, в том числе, и за пределами законодательного корпуса.

14 октября он отчитался о проделанной работе, признав, что отталкивался от действовавшего английского закона. Но в отличие от британцев граф передавал право распоряжения военной силой для подавления нелегитимных собраний только членам избранных народом муниципалитетов. Толпе дозволялось при посредстве своих уполномоченных выработать требования и жалобы и передать их по назначению. Подчеркивалось также, что выступления недовольных не могут быть подавлены слишком поспешно и слишком сурово. В третьей статье декрета предусматривалось участие 12 деятелей муниципалитета в переговорах с толпой. Такое солидное представительство, на наш взгляд, способствовало большей демократичности происходившего и увеличивало шансы на его мирный исход. В других статьях проекта значительное внимание уделялось ответственности зачинщиков и участников волнений. Мера наказания зависела от количества манифестантов, от их готовности разойтись по требованию муниципальных властей и особенно от того, были ли они вооружены или нет. Предложения графа встретили аплодисментами и решили их напечатать [11, р. 442-443].

На следующий день, 15 октября, уже член Конституционного комитета Тарже докладывал Собранию проект закона о военном положении в версии этой структуры. Он отличался лаконичностью и касался почти исключительно процедуры объявления военного положения и репрессий против демонстрантов. И только в последней, 9 статье декрета очередь дошла до права собравшихся недовольных выдвинуть свои требования. В краткой преамбуле противопоставлялась распущенность, присущая участникам собраний, свободе, заключающейся в послушании

закону. Распущенность толпы, по словам Тарже, сделала невозможным обеспечение общественного порядка обычными средствами. Отсюда - необходимость использования силовых методов [11, р.452]. Сравнение двух проектов свидетельствовало о большей терпимости Мирабо к манифестантам.

После доклада Тарже о готовящемся законе высказался Петион, обратившийся к плану Мирабо, который успел изучить. Он напомнил, что изначально закон против собраний предназначался только для Парижа и его окрестностей, а не для большей части страны, к чему склонялся граф. Выступавший отмечал, что «крайности» - понятие неясное и растяжимое, которое не следует приравнивать к насилию и настаивать в этой связи на смертном приговоре, как и за помехи, чинимые представителям муниципальной власти и их помощникам. Он решительно отвергал сравнительно умеренные предложения Мирабо, называл их «бесчеловечными», просил отсрочить дискуссию, советовал новое углубленное рассмотрение вопроса [11, р. 452-453]. То не был призыв к «менее суровому закону», как посчитал современный исследователь Э. Левверс [15, р.139], а маневр с целью положить декрет в «долгий ящик».

Впрочем, репрессивного закона против широких «низов» не желали не только радикально настроенные политики, но в тот момент и такие уважаемые представители либерального большинства Ассамблеи, как герцог Ларошфуко. Последний согласился с отсрочкой дискуссии по закону о военном положении и даже потребовал немедленно записать в Конституцию статью о праве народа на собрания [11, с 453].

Таким образом, депутаты еще с прохладцей относились к мерам против нелегитимных обществ; многие не хотели ссориться с влиятельными в Париже активистами из санкюлотской среды, тем более, что законодателям предстояло срочно перебираться в столицу. Еще 6 октября Ассамблея декретировала, что «король и Национальное собрание неразделимы» [7, с. 429]. 9 октября из Версаля в Париж прибыли 6 комиссаров депутатского корпуса, которые через несколько дней доложили, что единственное удобное помещение для заседаний - зал Манежа Тюильри. Но пока его готовили для

законодателей и публики парламентариям пришлось разместиться в Архиепископстве, где они дебатировали с 19 октября по 7 ноября [12, р. 21] и где развернулись решающие споры, связанные с трагическими событиями 21 октября, резко ускорившими принятие закона о военном положении.

Все это было вызвано очередным обострением продовольственного кризиса. Не сбылись иллюзорные надежды парижан и парижанок, ликовавших по поводу того, что везут с собой из Версаля «булочника(короля), булочницу(королеву) и маленького пекаренка(дофина)». Чуда не произошло. Хлеба в столице по-прежнему не хватало. Это вылилось в возмущение толпы, которая всегда находила «крайнего».

Трагедия случилась 21 октября. О ней законодательный корпус известила депутация Парижской Коммуны. Все произошло утром. Перед муниципалитетом предстала толпа, приведшая булочника Дени Франсуа, обвиненного ею в сокрытии хлеба. Булочники - люди, непосредственно вступавшие в контакт с покупательской массой, а потому чаще всего становившиеся «козлами отпущения» [14, р. 14]. Муниципальные власти отнеслись к ситуации взвешенно: они учинили допрос торговцу, выслушали соседей - почтенных буржуа, хорошо отзывавшихся о нем. Но голодную разъяренную толпу невозможно было успокоить. Она отбила лавочника у национальных гвардейцев и повесила Франсуа на фонаре на Гревской площади. Докладывая о происшествии, депутация просила законодателей обеспечить снабжение Парижа и страны в целом хлебом и принять закон о военном положении, ибо без него коммуна и национальные гвардейцы не могут сдержать выступлений, которые становятся все более угрожающими [11, р. 472].

Ассамблее пришлось действовать в ускоренном режиме. Политически относившийся к ее правому флангу Фуко настаивал на издании постановления, «приказывавшего дистриктам и национальным гвардейцам применить все средства и силы, чтобы схватить виновников» указанного преступления, одновременно издать декрет о военном положении и в тот же день передать его королю для одобрения. Со своей стороны, один из лидеров левого крыла либерального большинства

парламента Барнав безапелляционно заявил, что парижский кризис не вызван голодом. Он прозрачно намекал на «маневры» и происки каких – то кругов, которые и являлись, по его мысли, подлинной причиной волнений. Но в необходимости введения закона о военном положении, причем на территории всей страны, а не одного столичного региона, выступавший нисколько не сомневался [11, р. 472].

Ассамблея оперативно выработала постановление, в котором на первом месте стояло принятие декрета о военном положении и одобрение его монархом. Произшедшие события и давление Коммуны резко ослабили сопротивление такому решению. Одновременно Собрание добавило к нему другие меры, важные для установления общественного спокойствия. По предложению Барнава, Комитет расследований законодательного корпуса [5, с. 73-74] совместно с полицейским комитетом муниципалитета обязывались собрать информацию о виновниках и зачинщиках произошедшего. Судить последних должен был специально создаваемый Трибунал, в ведение которого подпали так называемые преступления против Нации. Поскольку он еще отсутствовал, подобные дела на время передавались суду Шатле. Показательно, что последний пятый пункт постановления, вопреки мнению Барнава, признавал значимость разрешения продовольственного кризиса и возлагал на министров обязанность испросить у Ассамблеи недостающие им для этого средства и ресурсы. Парламент подчеркивал, что законы о снабжении королевства и особенно столицы должны действовать. В противном случае ответственность за их невыполнение ляжет на министров и других агентов исполнительной власти [11, р. 472].

После принятия постановления работа Собрания во второй раз оказалась прерванной приходом представителей Парижской Коммуны, просивших депутатов поторопиться с редактированием закона. Они оставили законодателям материалы совещания муниципалитета, в которых «умоляли» (sic!) Ассамблею немедленно вотировать закон против сборищ [11, р. 473]. Председатель Учредительного собрания Фрето обещал не закрывать заседания, не приняв соответствующего декрета.

После ухода депутации развернулась содержательная, но не продолжительная дискуссия. В ее ходе выступавшие фактически отталкивались от тем и решений, обнародованных в вышеупомянутом постановлении. В речах парламентариев прослеживались две магистральные линии. Одни ораторы ставили во главу угла продовольственный кризис и поиски срочного выхода из него; другие - рассуждали о заговорах и необходимости их разоблачения и осуждения посредством специально созданного или временного Трибунала.

В дискурсе о роли снабжения хлебом для прекращения сборищ и волнений тон задавал трибун революции. В выступлении Мирабо сострадание к голодным сочеталось с политической гибкостью, а расчет - со смелостью. Неожиданно для автора проекта декрета о военном положении он дал понять, что ни этот документ, ни создание Трибунала не успокоят страсти. Ведь на людей, страдающих от голода, обрушится еще и жестокий закон. «Какой монстр ответит ему(народу- С. Б.) ружейными залпами?» Не ставя под сомнение искренность чувств Мирабо, укажем также на его стремление укрепить свой авторитет и влияние в широких кругах жителей столицы. Первостепенным же средством против растущего недовольства являлось преодоление продовольственного кризиса. Выход из него предлагался графом, правда, банальный, уже прописанный в постановлении Собрании и едва ли эффективный: пусть министры сообщат, чего им не хватает для обеспечения продовольствием Парижа, предоставим им требуемые ресурсы, но с этого момента сделаем их ответственными [11, p.475].

Под видом незамысловатого решения оратор хотел «провернуть» свои честолюбивые планы, о которых наиболее удачно написал его биограф Р. де Кастр [8, с.282-297]. В своей речи Мирабо проговорился: «Исполнительная власть предвидела свое уничтожение» [11, p.475]. Спекулируя на консервативных позициях и непопулярности королевских министров, он сам собирался занять министерское кресло. Но, во-первых, принцип разделения властей понимался парламентариями как их полное обособление друг от друга, а, во-вторых, они боялись, что, став министром, граф обретет всемогущество. Отсюда - принятие Ассамблеей убийственной для

хитроумного политика формулы: «Ни один депутат не может состоять в правительстве во время нынешней сессии» [11, p.715-718].

«Снятие» продовольственного вопроса как ключ к разрешению проблемы толп и их бесчинств - эта линия проходила и в ряде других выступлений. Так, Ла Галисоньер предложил вызвать министров и потребовать от них чинить помехи скупке продовольствия, ее экспорту и, наоборот, способствовать внутренней циркуляции. Схожим оказалось и выступление Мильсана: «Призовите министров, чтобы они отчитались в том, что сделано для предотвращения голода в столице». Тема продовольствия и его роли для общественного спокойствия звучала в дискуссии весьма часто [11, p. 474-475].

Но в дискурсе радикалов и «крайне левой» преобладала другая тема. Отсутствие общественного мира и бунты «сборищ» связывались не с продовольственными трудностями, а с заговорами против революции. Речь шла об их разоблачении и наказании виновных с помощью особого суда, который вел бы соответствующие дела. В таком духе высказался Рикер: «Закон о военном положении недостаточен, могущественные люди найдут способ его избежать. Ловите момент, чтобы создать трибунал, который судил бы преступления против Нации». Другой радикал - Глезен заострил внимание на необходимости взаимодействия полицейского комитета парижского муниципалитета с Комитетом расследований Учредительного собрания для выявления участников подобных заговоров. «Крайне левый» Бюзо смещал акцент с закона о военном положении, направленного против бесчинств низов, на создание Трибунала, который карал бы пресловутых врагов граждан [11, p.474].

Робеспьер остановился на проблеме подробнее. Уже в начале политической карьеры он пытался сыграть роль ментора и даже пророка. По его словам, тот, кто следил за ходом революции, предвидел и нехватку продовольствия, и то, что законодатели станут принимать меры, которые погубят и их, и свободу. Он защищал «несчастный народ», который хочет хлеба, а против него направляют солдат.

В чем же причина создавшейся критической ситуации? Робеспьер связывал ее с заговорами. Как с ними бороться? Во-первых,

активизировать работу по их разоблачению, задействовав Комитет по докладам и Комитет по расследованию Учредительного собрания. Во-вторых, необходим Трибунал для наказания закулисных манипуляторов, преступников, занятых маневрами против революции. Робеспьер горячо настаивал, чтобы этот орган происходил непосредственно из Ассамблеи. Оратор понимал, что такой подход противоречил конституционному принципу разделения властей и, предвидя возражения, подготовил контраргумент: поскольку речь шла о преступлениях против Нации, то и карать их должны либо сама Нация, либо ее представители, то есть депутаты. Тогда удастся «раскрыть заговор, задушить заговор» [11, р. 474- 475].

Главным образом радикально настроенные депутаты пытались переключить внимание с толп и сборищ на неких заговорщиков, в происках которых следовало разобраться и подвергнуть этих лиц суду Трибунала. Особую сплоченность среди радикалов проявляли «крайне левые». Костяк последних составляли четыре адвоката: Робеспьер, Петион, Бюзю и Приер, взаимодействовавшие в рамках Собрания и Бретонского клуба [15, р.135]. Эти молодые политики решительно отстаивали принцип народного суверенитета, апеллировали к народу, с состраданием говорили о материальных трудностях низов. Они выгораживали участников насильственных действий. Самосуды и бесчинства оправдывались, с одной стороны, вековым угнетением и полуголодным существованием масс, с другой, - безупречным поведением их жертв. Одновременно «крайне левые» опирались на широкие народные слои в стремлении углубить революцию, а также постепенно потеснить в конкурентной борьбе новую либеральную элиту, овладевшую политическими высотами.

Самую последовательную позицию среди них занимал М. Робеспьер. В Ассамблее он избрал для себя неформальную роль цензора, «проверяя» коллег- депутатов на верность «священным принципам»- народному суверенитету и равенству. Участников волнений, нередко заканчивавшихся самосудами и линчеванием, законодатель защищал, а беспорядки относил на счет «заговорщиков». При этом его разоблачения вызывали

больше доверия, поскольку он имел репутацию «неподкупного» [13, р.221,225].

Обсуждение закона, пусть и острое, завершилось довольно быстро. Укрепление революционного порядка и необходимость широких преобразований властно требовали общественного спокойствия. Был срочно принят декрет о военном положении.

В его основу положили проект Конституционного комитета. Оттуда взяли даже преамбулу, противопоставлявшую распущенность бунтующих толп свободе, заключенной в повиновении законам. Это сопровождалось мыслью о том, что в кризисные времена для поддержания общественного спокойствия необходимы экстраординарные меры. В самом декрете подписывалась процедура введения военного положения с вывешиванием красного знамени из окна ратуши, на улицах и перекрестках. С восстановлением порядка красное знамя заменялось в течение 8 дней на белое. В окончательном тексте несколько смягчались репрессии против рядовых участников волнений, даже вооруженных [11, р. 475-476]. Накаленность ситуации в столице и давление ее муниципалитета диктовали законодателям небывалую оперативность. Председатель Собрания в тот же день отправился к королю, и Людовик немедленно утвердил декрет, ставший законом, о чем Фрето сообщил депутатам утром 22 октября.

С этим решением был увязан вопрос о Трибунале, в компетенцию которого входил разбор дел, связанных с нарушениями общественного спокойствия. Поправки социального порядка, совершенные зачинщиками и участниками сборищ, являлись одним из элементов преступлений против Нации, которые подлежали рассмотрению особой новой судебной структурой. В отсутствии таковой подобные криминогенные акты предлагалось разбирать в суде Шатле. Соответствующий декрет приняли и также немедленно передали на подпись монарху.

Волнения, будоражившие страну и тревожившие Учредительное собрание, вовсе не были особенностью одной только столицы. Бунты из-за нехватки хлеба происходили и в других городах. Представитель Комитета докладов Дефермон привлек внимание депутатов к событиям в Руане с целью предотвратить развитие беспорядков в этом городе

мануфактур и богатой торговли, к тому же лежавшем на пути снабжения Парижа продовольствием. Того же 21 октября законодатели проголосовали за декрет, организовывавший общественный порядок в Руане, а также поручавший Комитету расследований Ассамблеи собрать материалы об инициаторах и активистах противоправных деяний. И данный документ был передан королю для одобрения и превращения в закон [11, р. 476].

Закон о военном положении и связанные с ним мероприятия повлияли на ситуацию с поведением недовольных толп. Разбирательство убийства Д. Франсуа оказалось быстрым, взвешенным и эффективным. Проверив показания, судейские освободили невиновных женщину и мужчину, против которого свидетельствовал только один человек, находившийся с ним во враждебных отношениях. 9 лет высылки из столицы и штраф присудили золотильщику Ш. Адвенелю, обвиненному в том, что отрезал голову уже мертвому булочнику. Последнего повесил на фонаре 36-летний носильщик Ф. Блэн, которого приговорили к смертной казни, что и было исполнено 22 октября. Та же участь постигла и поденщика М. Адриана, казненного в тот же день за призывы к прохожим восстать в Сен-Марсельском предместьи [14, р.9; 10, с.40].

Протестующих впечатлили прописанные в декрете полномочия муниципалитетов и национальной гвардии, освобожденных от ответственности за гибель при разгоне манифестаций их участников. Выступления, правда, не в столице продолжались: 5 ноября произошли голодные волнения в Марселе [8, с. 291], а 7 января 1790г. в Версале восставшие стали самостийно снижать цены на хлеб. Весной 1790 в центре страны- в провинциях Ниверне и Бурбонне и в смежных с ними районах возникли беспорядки на продовольственной почве [1, с. 194]. Участники событий захватывали дома богачей, угощались их продуктами, кого-то даже высекли. Но подобные безобразия не сопровождались смертоубийствами. Зато осмелевшие национальные гвардейцы вместе с регулярными воинскими частями и жандармами стреляли по

бунтарям и убивали их. Так показательно менялось поведение сторон столкновений

Большее значение для борьбы с самоуправством низов имели благоприятные перемены природного характера и усилия властей по закупке хлеба за границей, транспортировке его в Париж и крупные города. Широкое поступление убранного в 1789г. зерна на рынки, последующая теплая зима, а затем превосходный урожай 1790г. заметно улучшили положение дел с продовольствием. К этому должно прибавить покупку за рубежом зерна и овощей на 73 млн. ливров, тогда как годом раньше их приобрели только на 13 млн. [10, с. 90]. Стоимость хлеба упала до 3 су за фунт [7, с. 430].

Результатом, по Дж. Рюде, стала ликвидация хлебного кризиса в ноябре 1789г. «и следующие полтора года были периодом сравнительного социального спокойствия» [9, с.121]. Это облегчило задачи левого большинства Учредительного собрания и позволило осуществить глубокие революционные преобразования в различных сферах жизни общества и государства.

Но относительный общественный мир установился на указанное время в Париже и касался, в основном, продовольственного вопроса. Страна же вовсе не избежала и на этом небольшом историческом отрезке серьезных потрясений. В 1790-1791гг. острые конфликты происходили на церковно- религиозной почве, охватывая, прежде всего, юг и запад Франции. Часто возобновлялись крестьянские жакерии, направленные против пережитков сеньориальной системы. В 1790г. вспыхнули солдатские бунты. Да и умиротворение на хлебном фронте оказалось недолгим. Летом 1791г противоречия продовольственного плана вновь стали обостряться, стимулируемые бумажными деньгами и инфляцией. а позднее начавшейся войной. Движение «низов», достигшее уже определенного уровня самоорганизации, будет все жестче и сильнее оказывать давление на политику новых властей, на весь ход революционного процесса.

Список литературы

- 1.Адо А.В.Крестьяне и Великая французская революция. М.,1987.
- 2.Блуменау С. Ф. Бесчинства толпы летом 1789года в восприятии депутатов

Учредительного собрания Франции // Вестник Брянского государственного университета. 2020. №3 (45).

3.Блуменау С Ф. Марш парижан на Версаль осенью 1789г.: голодный бунт или политическая акция? // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №2 (52).

4.Блуменау С.Ф. Насилие в переломную эпоху: Французская революция и террор // История: перекрестки и переломы. Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 14- 15 мая 2007 г. Волгоград, 2007.

5. Генифе П. Политика революционного террора: М., 2003.

6.Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.,2002.

7.Жорес Ж.Социалистическая история Французской революции.Т.1. Кн. 1.М.,1977.

8.Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008.

9.Рюде Дж. Народные низы в истории: 1730-1848. М., 1984.

10.Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции // Тарле Е. В. Сочинения Т.2. М. 1957.

11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. IX. P.,1977.

12. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.

13. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l' Empire. P., 2011.

14. Hayakava R. L' assassinat du boulanger Denis François le 21 octobre 1789 // Annales historiques de la Révolution française. 2003. №3(333).

15. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.

16. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).

THE CONSTITUENT ASSEMBLY OF THE FRENCH REVOLUTION OF THE LATE 18TH CENTURY IN THE FIGHT AGAINST THE MOB ARBITRARINESS

In France under the Old Regime crop failures and subsequent food riots were a frequent occurrence. In the mythologized consciousness of the masses, there was an idea of a "hunger pact" - the desire of those in power to kill the people. The social groups associated with grain operations - large farmers, wealthy merchants, millers, bakers - were considered the instrument of this "conspiracy". The revolutionary events unfolding in the summer of 1789 marked the beginning of the collapse of the former government and created a sense of permissiveness among the population. Hence the self-styled reprisals of half-starved crowds against their real, and more often imaginary enemies. At first, the still politically weak revolutionary elite did not dare to take serious measures to counter popular riots and the extrajudicial reprisals that accompanied them. But in the autumn of 1789 the position of the Constituent Assembly was strengthened, and besides, it relied on local authorities and the National Guard. The murder of the baker Francois by the mob was the catalyst for passing a martial law decree. This law, and even more the resolution of the food crisis, led to the establishment of relative public peace, which made it easier for the legislators to carry out profound changes in various social and political spheres. **Keywords:** "hunger pact", mob outrages, murder of the baker Francois, the Constituent Assembly, martial law decree, municipalities, the National Guard, public peace.

References

1. Ado A. V. Krestyane i Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya. M., 1987.

2. Blumenau S. F. Beschinstva tolpy letom 1789 goda v vospriyatii deputatov Uchreditelnogo sobraniya Frantsii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. 3 (45).

3. Blumenau S. F. Marsh parizhan na Versal osenyu 1789g. : golodnyj bunt ili politicheskaya aktsiya? // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. 2 (52).

4. Blumenau S. F. Nasilie v perelomnuyu epokhu: Frantsuzskaya revolyutsiya i terror // Istoriya: perekrestki i perelomy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Volgograd, 14- 15 maya 2007 g. Volgograd, 2007.

5. Genife P. Politika revolyutsionnogo terrora : M., 2003.

6. Darnton R. Velikoe koshache poboische i drugie epizody iz istorii frantsuzskoj kultury. M., 2002.

7. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoj revolyutsii. T.1. Kn. 1. M., 1977.

8. Kastr R. de. Mirabo. M., 2008.

9. Ryude Dzh. Narodnye nizy v istorii: 1730-1848. М., 1984.
10. Tarle E.V. Rabochij klass vo Frantsii v epokhu revolyutsii // Tarle E. V. Sochineniya .Т.2. М. 1957.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. IX. P., 1977.
12. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.
13. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l' Empire. P., 2011.
14. Hayakava R. L' assassinat du boulanger Denis François le 21 octobre 1789 // Annales historiques de la Révolution française. 2003. №3(333).
15. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.
16. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).

Об авторе

Блуменау Семен Федорович –доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru

Ватлин А.Ю., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ПОЛПРЕДСТВО АДОЛЬФА ИОФФЕ: КРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ В ИЮЛЕ 1918 Г.

В статье вводятся в научный оборот материалы советского полпредства в Берлине, которое было открыто согласно Брестскому мирному договору и действовало с апреля по ноябрь 1918 г. Отсутствие надежной телеграфной связи породило значительный объем переписки между полпредом Иоффе, и Лениным с Чичериным, которые определяли советскую внешнюю политику. В хаотическом процессе становления политического режима большевиков отношения между ними выходили за рамки ведомственной субординации, и отрезанный от Москвы Иоффе неоднократно был вынужден брать на себя принятие стратегических решений. Ввиду внешнеполитической блокады Советской России он не только выполнял обязанности дипломатического посланника, но и давал в своих докладах общий анализ хозяйственного и военного положения Германии, поддерживал тесные контакты с местными левыми социалистами и курировал советскую зарубежную пропаганду. После убийства 6 июля 1918 г. в Москве германского посла графа Мирбаха Иоффе сумел предотвратить острый политический кризис в советско-германских отношениях, который грозил возобновлением военных действий между двумя странами.

Ключевые слова: Адольф Абрамович Иоффе, Владимир Ильич Ленин, германский посол Вильгельм Мирбах, Первая мировая война, советско-германские отношения, большевики.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-40-45

Введение. Публикация документов советского полпредства в Берлине закрыла важную лауну в источниковой базе раннего этапа советской дипломатии [2]. На лето 1918 г. пришлась завершающая фаза «большого взрыва», в котором формировалась вселенная большевистского режима. В нем сосуществовали разные варианты внутренней и внешнеполитической стратегии, за которыми стояли конкретные имена, выстраивавшиеся в изменчивые группы и иерархии. Увлеченные горячкой момента, жившие «здесь и сейчас», большевики меньше всего думали о будущих историках.

Объект и методы исследования. Официальные документы и их комментарии, публиковавшиеся в центральной прессе, дают лишь минимальное представление о той реальной «кухне», на которой готовились принимаемые решения. Зачастую они не получали должного оформления и оставались в форме рекомендаций и пожеланий, что в полной мере соответствовало неформальному характеру отношений среди лидеров РКП(б). Очевидно одно (и об этом свидетельствует опубликованный сборник) - ни одно из них не проходило мимо внимания Ленина, обсуждалось с ним, визировалось и попадало под личный контроль вождя.

Составители одной из первых публикаций писем большевистских вождей

справедливо отмечают уникальность этого источника, который оставался практически недоступным для историков вплоть до конца 80-х годов. «Советские лидеры не вели дневников, а поэтому преимущественно из писем можно почерпнуть сведения о тех неформальных аспектах «большой политики» (личные отношения большевистских руководителей, их пристрастия и логика действий, порядок предварительного согласования решений и т.п.), которые отсутствуют в официальных документах. При исследовании жестко централизованной советской политической системы эти проблемы приобретают особое значение. Без их учета невозможно понять реальный механизм принятия решений и функционирования партийно-государственного аппарата» [3. С.5].

В полной мере это относится и к сфере международных отношений. В одном из писем июля 1918 г. нарком иностранных дел В. Г. Чичерин писал о треугольнике, принимавшем в Москве внешнеполитические решения: «У нас создались треугольные отношения: я за дипломатизирование, осторожность и смягчение углов, Троцкий за яркие выступления, Ленин любит бить в барабан, но сознательно ведет политику осторожности и перекидывается то туда, то сюда» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 104]. Документальная

публикация показывает в действии второй треугольник, без учета которого невозможно понять стратегию большевиков на исходе Первой мировой войны: наряду с Лениным и Чичериным его третьей вершиной являлся Адольф Иоффе.

Результаты исследования. Несмотря на то, что до прихода большевиков к власти он не входил в ближайшее окружение вождя, его претензии роль стратега имели под собой достаточное основание - в апреле 1918 г. Иоффе возглавил первую полноценную дипломатическую миссию Советской России, которая во исполнение положений Брестского мирного договора отправилась в Берлин. Столица Германии являлась на тот момент (если не считать скандинавские страны, находившиеся на периферии континента) единственным «окном в Европу» для Советской России, которое большевики использовали как для получения оперативной информации о внешнем мире, так и для трансляции туда благоприятного для себя образа Русской революции.

Их попытка перетолковать на марксистский манер традиции и правила «буржуазной дипломатии» нашла свое выражение не только в новой терминологии - посольство стало «полномочным представительством», а посол - полпредом. Ставка делалась на изменение самой сути дипломатической работы, которое было вызвано не теоретическими размышлениями и мировоззренческими утопиями, а острым дефицитом наличных ресурсов - военных, экспертных, кадровых. Вопреки мечтам о слаженной работе «колесиков и винтиков» пролетарской диктатуры, попытка ее практического запуска обернулась хаосом во всех сферах государственной деятельности. И внешнеполитический фронт не являлся здесь исключением. Внутрипартийная борьба вокруг подписания Брестского мира показала, что так дальше продолжаться не может.

Экспромты большевистского руководства продолжались и после Бреста, но они приобрели иную направленность - рассылка на места комиссаров с чрезвычайными полномочиями стала подразумевать гораздо большую самостоятельность в принятии решений, тем более что отдельные части огромной страны в тот момент были лишены надежной связи и транспортных коммуникаций. Не будет преувеличением сказать, что

одним из таких комиссаров (точнее, зарубежных эмиссаров) стал и сам Иоффе. Напутствуя его, Ленин дал полпреду широкие права, и впоследствии (в письме от 24 мая 1918 г.) выражал готовность к их уточнению: «Каким образом перенести центр тяжести в Берлин (я согласен помочь этому), об этом вы должны подумать и предложить очень тактичные (NB) и конкретно-практические меры для сего» [5. С.80].

На *carte blanche*, данный ему вождем еще в Москве, неоднократно ссылался в официальной переписке и сам Иоффе. В итоге на него свалился огромный объем работы, требовавший огромного и квалифицированного аппарата экспертов и помощников, которого у него не было. Профессиональному революционеру с дипломом врача, до того незнакомому с дипломатическим протоколом, пришлось налаживать контакты практически со всем спектром государственных деятелей и общественных сил кайзеровской Германии, от военного руководства и крупнейших банкиров до левых социалистов, считавших себя идейными союзниками большевиков.

Острый на язык Карл Радек, до декабря 1918 г. также работавший на внешнеполитическом поприще, признавался в одном из писем полпреду: «После того как Вы перенесли Комиссариат иностранных дел в Берлин, /мне/ нечего много сообщать Вам» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 996. Л. 63]. Это запрограммировало личный конфликт с Чичериным, набравший свою остроту на всем протяжении миссии Иоффе. Нарком иностранных дел, не отличавшийся большими организационными способностями, пытался выстроить бюрократическую вертикаль в своем ведомстве, в которую никак не вписывался строптивый берлинский полпред. Но даже на пике личного конфликта Чичерин признавал приоритет Иоффе в германской политике: «Наша линия по отношению к Германии Вам достаточно известна, так как Вы же ее формулировали» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 83].

Переписка Берлина и Москвы показывает, насколько спрессовано было время в момент «большого взрыва». Первоначально политическая коммуникация велась по старинке - через дикпурьеров, для отправки оперативной информации советскому полпреду приходилось использовать германскую военную

радиостанцию в Науэне, но даже радиogramмы достигали Москвы лишь через несколько дней, а шифровки, состоявшие из рядов цифр, лишь в редких случаях удавалось адекватно интерпретировать. Говорить в таких условиях о соблюдении пусть даже минимальной секретности в работе полпредства не приходилось.

Уже на десятый день своего пребывания в Берлине Иоффе указал Чичерину на то, что отправка нот напрямую в МИД Германии недопустима. «Прошу Вас, не сноситесь Вы с здешним правительством по радио: это путает карты; если что нужно, сноситесь через меня... Вы напрасно дали Мирбаху Юз, раз у меня нет. Я запросил их, но ответа еще не получил. Сегодня ни по Юзу, ни по Морзу с Вами сговориться не удалось» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 29-29об.].

В тот же день 2 мая, еще не получив этой записки, отправленной с диктатором, Чичерин поинтересовался, получает ли Иоффе копии радиogramм, адресованных германскому правительству с просьбой передать полпредству. В соответствии с дипломатическим этикетом нарком исходил из принципа взаимности: «Разумеется, в наших интересах, чтобы сношения с Вами были беспрепятственны, и поэтому мы стоим за самые либеральные отношения к требованиям Германской миссии здесь, лишь бы Вы пользовались полной взаимностью» Это важно для того, чтобы мы могли выстроить аналогичную систему в отношении германской миссии, подчеркнул нарком [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л.].

Ситуация радикально изменилась с появлением в здании советского полпредства на бульваре Унтер-ден-Линден собственного аппарата Юза. Авторы публикации фиксируют не только дату, но и время отправки и получения того или иного сообщения (тогда их называли «записками по Юзу»), обращая внимание читателей на то, что за одну ночь нарком и полпред могли обменяться десятками телеграмм, а сонные телеграфисты коверкали слова, наклеивали телеграфные ленты как попало, что превращало восстановление исходного текста в увлекательное занятие, сопоставимое со складыванием сложного пазла [2. С.25-27].

Первый сеанс связи, состоявшийся 13 июня 1918 г., касался судьбы Черноморского флота. Иоффе взял жесткий тон по

отношению к Ленину, транслируя тому позицию германского Главнокомандования: «Я серьезно говорю, Владимир Ильич, что всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения. Необходимо ни в коем случае не допускать до этого. Ультиматум /немцев - А.В./ до 15-го, несомненно, будет соблюден в точности... Дело можно будет уладить, но никакие военные действия с нашей стороны недопустимы и обязательно возвращение наших войск на прежние позиции» [6. С.556].

В ультиматуме германской стороны речь шла о немедленном возвращении судов Черноморского флота в Севастополь, оккупированный немцами. Трудно себе представить подобные «указания» в беседе дипломатического представителя с главой государства, однако в условиях, когда жизнь Советской России висела на волоске, было не до соблюдения бюрократической иерархии. Так или иначе, путем сложных компромиссов и затопления части флота в Цемесской бухте Новороссийска кризис был урегулирован.

Не стеснялся в выражениях и Ленин, благо что Иоффе, не имевший опыта работы в государственном аппарате, постоянно давал для этого различные поводы. Так, 22 июля он в обход Чичерина направил вождю развернутой меморандум с предложением затеять «большую игру» с Лондоном, передавая туда конфиденциальную информацию о положении дел в правящих кругах Берлина: «Нужно разъяснить англичанам, что я почти 3 месяца здесь, вращаюсь в самых разнообразных кругах Германии, информируюсь с различных сторон, имею самые тайные сведения и вообще лучше кого бы то ни было осведомлен в германских делах... Если англичане за все время войны так интересовались сообщениями о Германии любого корреспондента, то насколько же важнее должны быть для них сообщения мои, который занимает здесь определенное положение и может узнавать то, чего ни один корреспондент не узнает» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 49.].

В ответ на эту инициативу, столь неуместную в условиях расширявшейся антантовской интервенции на Севере России, Ленин разразился следующей тирадой: «Все, что Вы пишете в последних письмах,

несуразно до сверхъестественности. Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги – смешно. Нельзя же даму с ребеночком сделать опять невинной» [5. С.134]. На фоне такого накала страстей Чичерин выступал в роли интеллигентного медиатора, который неоднократно пытался примирить спорившие стороны.

2 августа он увещевал полпреда: «Вы не сознаете степень нашей военной слабости (о чем нельзя было Вас информировать) и катастрофичность нашего военного положения. Немцы знают нашу слабость... Вы Англии не знаете, как знаете Германию... Людендорфы дети перед Нортклифами. Англия идет на нас. А наше военное положение ужасно. Деятели же революции не должны покидать ее» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 7–8]. Об остроте дискуссий в дипломатической переписке Москвы и Берлина свидетельствуют публикуемые в сборнике документы - за полгода пребывания на посту Иоффе не менее десяти раз выдвигал требование об отставке и немедленном возвращении в Россию, используя этот аргумент прежде всего в спорах с Лениным.

Хладнокровие и выдержка полпреда сыграли важную роль в разрешении кризиса, вызванного убийством германского посла в Москве графа В. Мирбаха 6 июля 1918 г. К этому моменту советско-германские отношения перешли в стабильную фазу, Иоффе установил прочные контакты с рядом ведущих политиков и дипломатов, его ближайший помощник Л.Б. Красин встречался даже с самим генерал-квартирмейстером Э. Людендорфом. Главной проблемой для советского полпредства к началу июля была эпидемия «испанки» - свой доклад, датированный 1 июля, Иоффе отправил в Москву в виде рукописи, поскольку «у меня весь персонал лежит, я сам еле держусь на ногах» [2. С. 224].

Несмотря на это, сразу же после сообщения об удавшемся покушении левых эсеров на Мирбаха (с ним пришел в полпредство Р. Надольны - чиновник МИД, занимавшийся российскими делами) Иоффе облачился во фрак и отправился во внешнеполитическое ведомство, где был принят заместителем статс-секретаря В. Буше. Прямой провод с Москвой не функционировал, и полпред в кратком письме изложил свою оценку

произошедшего: убийство сыграет на руку сторонникам немедленной интервенции в Россию под предлогом того, что там наступила полная анархия. После переговоров с немецкими властями он пришел к выводу, что «здешние активисты» находятся в меньшинстве, и у Германии попросту нет сил для возобновления боевых действий. «Вы по этому, по моему мнению, не должны показывать слишком большой перепуганности по поводу этого убийства». Берлинская пресса, получившая необходимые инструкции, во всем «обвиняет Антанту, считает, что это прискорбное событие становится между Россией и Англией, а не Россией и Германией» [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 44. Л. 12].

Однако улаживанию кризиса стали мешать самовольные действия секретаря германского посольства К. Рицлера, который был свидетелем покушения и на время принял на себя обязанности посла. Он потребовал немедленной сатисфакции и обеспечения безопасности немецких дипломатов, настаивая на отправке в Москву из Германии пехотного батальона со всей амуницией. Принятие таких условий означало бы не просто нарушение государственного суверенитета России, но и превращение советского правительства в заложника кайзеровской военщины. Ленин отдавал себе отчет в том, что в этом случае конспирологическая версия о большевиках как «немецких шпионах» получит серьезную подпитку, и требовал от наркомата иностранных дел скорейшего разрешения очередного острого кризиса в советско-германских отношениях

Чичерин ежедневно сообщал Иоффе о том, что московскими властями приняты достаточные меры для обеспечения безопасности персонала и здания посольства. Битва шла буквально за каждый дом в Денежном переулке, который предстояло выселить для образования вокруг дипломатического представительства санитарной зоны: «Сейчас же после убийства Мирбаха на основании отзывов военных атташе Рицлер потребовал передачи под приют для германских военнопленных /они должны были охранять посольство - А.В./ соседнего доминирующего над миссией дома. Мы согласились, теперь идет выселение жильцов. Вдруг Муралов поднял скандал - это де опасный стратегический пункт. Против

Муралова двинули Ильича. Троцкий не поддержал Муралова, дом отдается под военнопленных» [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 81]. Уступки советской стороны только раззадорили Рицлера, и он заговорил с Чичериным языком ультиматумов.

В Берлине видели ситуацию иначе, отдавая себе отчет в том, что падение большевиков приведет к власти силы, ориентирующиеся на Антанту, и Германия окажется перед необходимостью восстановления Восточного фронта. Прагматические соображения требовали хотя бы условной демонстрации поддержки «режима максималистов», и 12 июля Иоффе был приглашен на долго откладывавшуюся встречу в рейхсканцлером Г. Гертлингом: «был очень любезно принят и мне было заявлено, что моя политика здесь всецело разделяется».

Однако Рицлер продолжал собственную игру, ежечасно повышая ставки и вопреки очевидным фактам информируя Берлин о том, что правительство большевиков «ввиду признания собственной слабости впало в апатию» [7. RZ 201/2005/73]. Чичерин всерьез принимал его угрозы, регулярно запрашивая Иоффе о том, готовы ли немцы двинуть войска и пойти на открытую интервенцию. В ответ тот потребовал от своего патрона «не впадать в панику», эмоционально заявив: «я ручаюсь Вам своей политической честью, что правильно оцениваю положение, и оно именно таково, как я писал в докладах. Никто нас сознательно не обманывает и готовит западни, борются различные тенденции, но большинство за мир с нами и за начатие мирных торговых сношений» [2. С. 255-256].

Именно твердость Иоффе побудила Ленина отвергнуть германское требование о вводе батальона на заседании ВЦИК, состоявшемся вечером 15 июля 1918 г. Всю ночь Чичерин бомбардировал полпреда просьбами получить хотя бы минимальные гарантии того, что интервенция не состоится, подчеркивая, что без этого речь вождя публиковаться не будет, так как может быть понята немцами как *casus belli*. «Дайте какие-нибудь указания», просил Чичерин в два часа ночи, а часом позже добавлял: «от публикации вчерашнего заявления /Ленина - А.В./ газеты удерживать поздно, но я только что телефонировал Свердлову, чтобы не приступали к разбрасыванию и

расклеиванию прокламаций. Я должен сказать, что Ленин и Троцкий в случае /любого/ инцидента обыкновенно сейчас же убеждены, что это сознательный маневр военной партии для наступления» на Советскую Россию [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 138].

16 июля после серии переговоров в берлинском МИД Иоффе подтвердил данные от своего имени гарантии: «Официально заявлено, что Германия войны с Россией ни в коем случае не желает, что просят правительство ни в коем случае этого требования так не рассматривать, что мое предложение принимается и что немедленно постараются добиться у военных отказа от требования относительно батальона... Нервничаньем миссии в Москве здесь очень недовольны» [2. С.258]. Отлегло от сердца и у Чичерина, который в тот же день вечером написал Иоффе письмо, которое можно интерпретировать как завуалированную попытку оправдать собственное «нервничанье»: «Кругом вихрь, рвут на части, безлюдье, не из кого слепить аппарат, а тут навыки Ленина и Троцкого, и я не имею авторитетности, нужной для их удержания от шагов вроде вчерашней декларации. Рицлер шантажирует. Это штуки его, а наши не имеют нужной выдержки... А вихрь бешено несется» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 100].

Заключение. Незнакомый с деталями дипломатического протокола, советский полпред в Берлине Адольф Иоффе освещал в своих докладах, адресованных Ленину и Чичерину, не только ключевые аспекты двусторонних отношений и различные военно-политические сюжеты, но и внутреннее положение Германии, потерявшее всякую стабильность на исходе мировой войны. Его усилия по сдерживанию немецкой оккупации в Центральной России, налаживанию экономических контактов двух стран, поддержке левых социалистов в самой Германии наглядно демонстрируют тесное переплетение судеб двух стран, которое будет принимать различные формы на протяжении всего прошедшего века – века войн и революций. В своей совокупности донесения Иоффе из Берлина весной-осенью 1918 г. занимают не меньшее место в истории советско-германских отношений, чем дипломатическая переписка накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа или обмен нотами, сопровождавший подготовку и

ратификацию «восточных договоров» 1970 г.

Список литературы

1. Архив внешней политики МИД Российской Федерации.
2. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы. Авторы-составители: А.Ю.Ватлин, Л.В.Ланник, Т.Пентер. - М., 2023.
3. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. - М., 1996.
4. Документы внешней политики СССР. Т.1. - М., 1957.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. - М., 1982.
6. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора: В 2 т. Т. 1: От Октябрьской революции до конца 1918 г. - М., 1968.
7. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.

**ADOLF IOFFE'S EMBASSY: CRISIS MANAGEMENT BETWEEN
MOSCOW AND BERLIN IN JULY 1918.**

The article puts into scientific use the materials of the Soviet Embassy in Berlin which was opened according to Brest peaceful treaty and operated since April till November 1918. Lack of reliable telegraph connection led to substantial volume of correspondence between A. Ioffe and V. Lenin together with G. Chicherin who determined the Soviet foreign policy. In the chaotic process of formation the Bolshevik political regime the relationship between them went far outside the framework of departmental subordination, and Ioffe cut off from Moscow had to repeatedly assume strategic decisions. Owing to diplomatic blockade of the Soviet Russia his activity fell outside the scope of his duties as an envoy, in his reports he gave the general analysis of German internal economic and military situation, supported close contacts with local left socialists and supervised Soviet foreign propaganda. After count Mirbach, German ambassador, was killed in Moscow 6 July 1918, it was Ioffe who was able to prevent violent political unrest in Soviet-German relationship which threatened to resume military operations between two countries.

Keywords: Adolf Ioffe, Vladimir Lenin, German ambassador Wilhelm Mirbach, First World War, Soviet-German relation, Russian Civil War, Bolsheviks.

References

1. Arhiv vneshnej politiki MID Rossijskoj Federacii.
2. Berlinskaya missiya polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty. Avtory-sostaviteli: A.YU.Vatlin, L.V.Lannik, T.Penter. - М., 2023.
3. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912-1927. Sbornik dokumentov. - М., 1996.
4. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T.1. - М., 1957.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 50. - М., 1982.
6. Sovetsko-germanskie otnosheniya ot Oktyabr'skoj revolyucii do zaklyucheniya Rapall'skogo dogovora: V 2 t. T. 1: Ot Oktyabr'skoj revolyucii do konca 1918 g. - М., 1968.
7. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.

Об авторе

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Vatlin Alexander Yurevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: vatlin_alex@mail.ru

УДК 241.13

Гавриленков А.Ф., доктор исторических наук, кандидат философских наук, доцент, Смоленская Православная Духовная семинария (Россия)

РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТЫ СКОПЦОВ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматриваются особенности хозяйственной деятельности секты скопцов в условиях ссылки в Якутскую область Сибири Российской империи. Отмечается, что религиозные нормы вероучения скопцов спровоцировали особенности их хозяйственной деятельности. Оскопление, особенно «царская печать», создавало условия для изоляции скопцов от российского общества. Хозяйственная деятельность скопцов, напротив, позволяла им вернуться в общество. Скопцы не могли рассчитывать на полную лояльность к себе со стороны общества, так как общество отторгало обряд оскопления. Тем не менее, в условиях ссылки скопцы внедряли капиталистические отношения, эксплуатируя местное население (якутов) и менее обеспеченных своих единоверцев. Рабочий день сельскохозяйственных наемных рабочих у скопцов длился по 19-20 часов в сутки. При этом следует иметь в виду, что процесс обогащения у скопцов существенно отличался от аналогичного процесса у европейских протестантов и русских старообрядцев. Протестанты создавали религиозные нормы, которые затем оказывали влияние на процесс обогащения, формируя специфическую хозяйственную этику капиталистических отношений. Старообрядцы через обогащение создавали условия для достижения праведной жизни. Скопцы стремились через обогащение и развитие капиталистических отношений выйти из изоляции, вернуться в общество.

Ключевые слова: Российская империя, Якутская область, вероучение скопцов, оскопление, «корабли», «духовные скопцы», ссылка, хозяйственная деятельность, обогащение скопцов.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-46-54

Введение. Проблема изучения скопчества берет свое начало в российской историографии XIX века. Структуру, вероучение, быт скопческих общин изучали светские и профессиональные исследователи - Т. Буткевич, К. Кутепов, Н. Надеждин, Е. Пеликан [2; 7; 8]. Хозяйственная деятельность скопцов, их правовое положение в обществе в условиях ссылки в Сибирь становились объектом изучения А. Бычкова и Н. Гурьева [3; 6]. Хозяйственную деятельность скопческих кораблей рассматривал советский историк Н.М. Никольский [9]. В постсоветский период проблемы вероучения, структуры, хозяйственной деятельности скопчества изучали А. Панченко, А.Г. Берман, И.Н. Носырев [1; 11; 17]. Из зарубежных исследователей следует отметить работу американской исследовательницы скопчества Л.Энгельштейн [23]. Автор данной статьи рассматривал скопчество с точки зрения государственно-церковных отношений, сложившихся в Российской империи [5, с. 274-280].

Предметом изучения данной статьи является рассмотрение проблемы влияния религиозных норм скопцов на их хозяйственную деятельность в условиях ссылки в

Якутской области во второй половине XIX-начале XX вв.

Скопчество в России брало свое идеологическое начало из строк главы 19:12 Евангелия от Матфея: «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» [10, с. 117]. Акт оскопления был связан со стремлением верующих в условиях противостояния Царства Божьего и Царства земного, Града Божьего и Града земного, где есть пороки, избежать влияния пороков общества на человека, Сам человек стремился уйти от пороков, нравственно преобразиться.

Скопцы трактовали новозаветные строки из Евангелия от Матфея в буквальном смысле слова, поэтому совершали физически обряд оскопления. Н.И. Надеждин приводит трактовку данного новозаветного фрагмента, которую предложил один из отцов церкви Ориген: «Истинный смысл этих слов очевиден из их связи. Они произнесены были по поводу беседы с Фарисеями о святости брака и незаконности развода, в объяснение недоумения Апостолов, которые, слыша от

Божественного Учителя, что *«иже аще пустит жену свою и оженится иною, прелюбы творит, и женяйся пущеницею, прелюбы деет»*, воскликнули в недоумении: *«аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не женитися!»*, на что Спаситель ответил им, что *«не вси вмещают словеси сего, но име же дано есть»*, то-есть: «не всякий может выдержать отречение от брака, а только те, которых предрасполагают к тому особые обстоятельства»; и затем вычислил тех, коим можно решаться на такое воздержание, именно: людей «от природы неспособных» к наслаждению супружескою жизнью (*иже из чрева матери родишася тако*), людей «насильственно скопленных» другими людьми (*иже скопишася от человек*), и наконец людей «оскопивших себя-самих», не телесно, но «духовно», чрез нравственное умерщвление плоти силою воли (*иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго*); в заключение-же присовокупил: *могий вместити, да вместит!»*, то-есть: «кто принадлежит к трем поименованным разрядам людей, способным выдержать добровольное отречение от брака, тот пусть не женится!». Следовательно, тут нет и тени одобрения не только самооскоплению физическому, но и вообще отвращению от естественных влечений природы, удовлетворяемых супружеством: напротив, уклонение от брака представляется только дозволительным в виде исключения» [8, с. 39-40].

Объект и методы исследования. Объектом исследования является религиозные нормы и хозяйственная деятельность секты скопцов в России во второй половине XIX - начале XX веков. В исследовании были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специальные исторические методы (историко-типологический, проблемно-хронологический). Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, признания причинно-следственных связей событий и явлений.

Результаты и их обсуждение. Именно данный обряд отталкивал от скопцов общество. Представить массовое оскопление, которое станет нормой в обществе сложно и противоестественно для человека. Скопцы создавали собственное общество - «корабли», которые были замкнуты в себе. По

выражению Е. Пеликана, общество скопцов представляло собой «стройное целое» [22, с. 76]. Верхушку, основу скопческого «корабля» составляли кормщик, кормщица («богородица»), помощник кормщика и помощница кормщицы. Каждый из них выполнял определенные возложенные на него функции, имел отношение к иерархии скопчества. Кроме указанных лиц «корабли» включали «братьев-корабельщиков»: ангелов, архангелов, апостолов, проповедников, пророков, пророчиц, которые подчинялись кормщику и кормщице [7, с. 440-441]. Скопческие «корабли» не подчинялись какой-то общей структуре. Каждый «корабль» был самостоятельным, что сближало его с общиной христиан первых веков своего существования.

Складывалась парадоксальная ситуация. Общество и государство отторгали скопческие практики, особенно в той их части, когда скопцы ставили «царскую печать». Практика показывала, что не все христиане были способны устоять перед «прелестями» Града земного, отступали от норм, не следовали им. И если одни люди могли самостоятельно бороться с употреблением мяса в пищу, с курением и жеванием табака, употреблением алкоголя, с сексуальным влечением, то другим это было делать сложно. Мысленное оскопление скопцы в России приводили в реальное действие только потому, что духовных сил было недостаточно противостоять напору страстей и похотей. При этом сами скопцы предполагали, что смогут привлечь в свои ряды значительное количество людей. Результаты пропаганды скопцами своего учения были малоубедительны - массового оскопления в местах постоянного проживания скопцов не было, как не было случаев оскопления среди населения в местах ссылки скопцов в Сибири. Тем не менее, Н.Надеждин, исследователь скопчества первой половины XIX века, отмечал, что скопцы были представлены всеми сословиями Российской империи – крестьянством, городскими обывателями, купечеством, духовенством и дворянством [8, с. 327-328]. Опираясь на собственные подсчеты, включавшие официальные данные, судебные процессы против скопцов, относя к скопческой секте и тех, кто ещё не совершил обряд оскопления, исследователь называет цифру – 340000 скопцов [8, с. 334]. Надо полагать, что в условиях,

когда многие скопцы, все же не признавались в принадлежности к секте, пытались уйти от уголовной ответственности, нам представляется, что цифры, данные о скопцах совместно с хлыстами в «Статистических таблицах Российской империи», изданных в 1863 году, представляются завышенными – 110000 человек [21, с. 237]. Ссылка скопцов в Якутскую область развеяла миф о завышенных цифрах.

В конце XIX века было зафиксировано появление «духовных скопцов» (новоскопчество), которые уже начинали сомневаться в необходимости совершения обряда оскотления и трансформировали вероучение скопчества [2, с. 184-190]. Так, в «Сибирском Торгово-промышленном календаре», изданном в 1898 году, отмечалось следующее: «Признаками падения учений скопцов должно считать появление в их среде нескольких толков, один из которых, так называемые «духовные скопцы», - в корне подрывают все учение старых скопцов, отрицая необходимость „плотского“ оскотления. Толки эти быстро растут и множатся; споры и несогласия усиливаются между ними и скопцы даже в ссылке представляют из себя сбор непонимающих и ненавидящих друг друга людей, чуждых всякой идейной подкладки» [18, с. 280]. Однако, на 3-ем всероссийском миссионерском съезде в Казани, проходившем с 22 июня по 6 августа 1897 года, была отмечена особенность учения секты «духовных скопцов», появившихся в ряде губерний Российской империи, - оскотление все же практиковалось у членов секты на склоне лет, в возрасте примерно 60 лет [19, с. 117-119].

Изначально скопцов ссылали на Аландские острова в Балтийском море. Однако, государственная власть, в дальнейшем стремясь уединить скопцов от общества и отделить от него, определила их на постоянное место жительства в Якутской области. 21 февраля 1856 года был издан документ следующего содержания: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по положению Комитета Гг. Министров, в 21 день Февраля 1856 г., между прочим, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: впредь до издания новых правил для поселения Скопцов, Министру Юстиции о приведении в исполнение приговоров судебных мест о сих людях входить в сношение с Министром Внутренних Дел, которому и предоставить

назначение мест поселения» [20 с. 510].

В октябре 1861 последовало распоряжение о поселении скопцов в Якутскую область: «Комитет Министров, журналом, удостоенным 24 Октября 1861 г. ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения, положил: в видах сокращения переписки и в предупреждение напрасного содержания в тюрьмах скопцов, о которых уже состоялись приговоры судебных мест, предоставить Министру Юстиции сделать распоряжение, чтобы судебные инстанции приговоры о скопцах, присуждаемых, на точном основании примечания к 217 ст. Улож. о Наказ., по IV прод. № 2, к ссылке в Восточную Сибирь, приводили в исполнение на общем основании; а Генерал-Губернатору Восточной Сибири поручить поселять таких скопцов в Якутскую область, где признано будет удобнее, с тем, если впоследствии, по местным обстоятельствам, распоряжение это будет найдено по чему либо неудобным, то сообщил бы о том Министерству Внутренних Дел, для назначения другого места поселения» [20, с. 585]. При этом МВД дало обоснования высылки скопцов: «III. При избрании мест для поселения скопцов, следует иметь преимущественно такие места, которые по климатическим условиям и качествам почвы могли-бы вознаградить земледельческий труд, к которому преимущественно перед другими занятиями желательно было-бы приохотить скопцов, так как ремесленные занятия заставляют иметь более или менее частые сношения с соседями, способствующие пропаганде» [3, с. 11].

В Якутской области скопцы попали в такие климатические условия, в которых они должны были выживать по причине своих религиозных взглядов. Так, температурные колебания в области были от +45С летом до – 65С зимой [3, с. 3]. Автор книги «Очерки Якутской области. II. Скопцы в ссылке» А. Бычков перечисляет систематические случаи похолодания летом в разные годы: 1881 год – в Олекминском округе в июле хлеб был прибит градом и смыт наводнением; в Вилюйском округе – в июле выпал снег; 1885 год – во всех округах холодная весна, засушливое лето, ранние заморозки с инеем; 1886 год – выпадение инея и замораживание хлеба; 1887 год – засуха в конце мая, иней на 1 июля и как следствие даже посредственный

урожай оказался под угрозой, дожди в конце июля - в августе; 1888 год – в июле выпал град; 1889 год – в конце июля выпал снег [2, с. 43-44]. Государство создало специально жесткие условия с тем, чтобы сектанты страдали и отказывались от своих религиозных взглядов. В условиях полной обреченности, когда скопцы осознавали, что возможности вернуться в Европейскую часть России нет, они начинали активно заниматься хозяйственной деятельностью. Вместе с тем, историк Никольский Н.М. утверждал, что сектант, который совершал обряд оскпления «должен был оставлять тяжелый земледельческий труд» [9, с. 416].

В Якутской области скопцы, как и старообрядцы, жившие в Павловске (в 19 верстах от Якутска – А.Г.), выращивали свеклу (белую и красную), морковь, пастернак, перец стручковый, анис сладкий, репу, редьку, укроп, редис, мак, баклажаны, огурцы, капусту, дыню, тыкву, арбуз, подсолнечник,

картофель и лук [3, с. 62]. Севернее выращивать овощи не представлялось возможным исходя из климатических условий.

Однако, следует заметить, что занятие хозяйственной деятельностью могло происходить и в Европейской части России, даже если скопцов не высылали в Сибирь, в рамках создаваемых ими «кораблей».

Переселенные в Якутскую область скопцы проживали компактно только в трех округах – Вилюйском, Олекминском и Якутском (См.: Таблица 1). При этом, чем севернее находился округ, тем меньше проживало на его территории скопцов. В тоже время, очевидным становится факт того, что государственная власть сумела переломить действия скопцов – среди якутов, эвенков и чукчей скопцы не могли найти последователей. Численность скопцов к началу XX века уменьшилась [12, с. 32; 13, с. 54; 14, с. 50-51; 15, с. 28; 16, с. 43; 18, с. 289]:

Таблица 1

Количественный состав последователей секты скопцов в Якутской области в конце XIX – начале XX вв.

Год	Название округа	Количество скопцов		Итого	Всего
		м.п.	ж.п.		
1881	Верхоянский	данных нет		4	1213
	Вилюйский	данных нет		62	
	Колымский	данных нет		3	
	Олекминский	данных нет		394	
	Якутский	данных нет		850	
1885	Верхоянский	данных нет		-	1325
	Вилюйский	данных нет		59	
	Колымский	данных нет		-	
	Олекминский	данных нет		343	
	Якутский	данных нет		925	
1886	Верхоянский	-	-	-	1228
	Вилюйский	39	20	59	
	Колымский	3	-	3	
	Олекминский	235	95	330	
	Якутский	473	363	836	
1890	Верхоянский	-	-	-	1301
	Вилюйский	36	21	57	
	Колымский	-	-	-	
	Олекминский	240	123	363	
	Якутский	482	399	881	
1894	Верхоянский	-	-	-	1329
	Вилюйский	34	21	55	
	Колымский	-	-	-	
	Олекминский	238	135	373	

	Якутский	494	407	901	
1897	Верхоянский	1	-	1	1277
	Вилуйский	26	20	46	
	Колымский	1	-	1	
	Олекминский	236	140	378	
	Якутский	453	398	851	
1903	Верхоянский	-	-	-	1131
	Вилуйский	29	15	44	
	Колымский	2	-	2	
	Олекминский	188	118	306	
	Якутский	426	353	779	
1905	Верхоянский	-	-	-	1098
	Вилуйский	25	15	40	
	Колымский	2	-	2	
	Олекминский	179	111	290	
	Якутский	424	342	766	

Влияние религиозных норм на хозяйственную деятельность на примере протестантизма обосновал М. Вебер. В одной из своих ключевых работ он писал: «Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли также и религиозное влияние - в какой степени - определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию» [4, с. 106].

Очевидно, что аналогичные процессы происходили не только в протестантизме, но и в православии, а также в сектах, вышедших из православия. В хозяйственной деятельности секты скопцов это так же находит специфическое отражение. Хозяйственная деятельность скопцов была тесным образом связана с их вероучительной деятельностью. Она была следствием применения сектантами системы оскотления. Кастрация создавала условия для обособления членов общины скопцов от общества в целом. Если с идеологической точки зрения этого удавалось достичь, то с экономической - скопцы не могли уединиться от общества, оставаясь людьми с земными потребностями. Они быстро становились представителями промышленного и ссудного капитала. В этом скопцы были похожи на старообрядцев. Но за счет того, что проводили операции по кастрации, скопцы не могли рассчитывать на значительное расширение численности секты. Происходило обогащение скопцов, которые становились

купцами и фабрикантами. А.Берман в качестве примера о скопцах-купцах упоминает алатырских купцов Милютинских [1, с.12]. Американская исследовательница скопчества Л. Энгельштейн указывает, что скопцы в Якутской области были держателями ленточной фабрики, конного завода, меняльной лавки, нескольких фотостудий [23, с. 184].

В Якутской области, в найме у скопцов были, прежде всего, бедные скопцы, но в то же время среди наемных рабочих на полевых работах было и местное население - якуты [3, с. 28, 47, 48]. При этом следует заметить, что богатые скопцы заставляли работать бедных скопцов и якутов с четырех часов утра до десяти-одиннадцати часов вечера. Таким образом, рабочий день наемных рабочих у скопцов длился по 19-20 часов [3, с. 48].

Н.А. Гурьев, говоря об экономической деятельности скопцов, отмечал следующее: «Большинство скопцов (более 100 дворов) (в селении Марха - А.Г.) широко пользуются наемными силами поселенцев, якутов и своей бедноты – скопцов. По данным той же подворной описи, в 1894 году, мархинскими скопцами было издержано на наем рабочих 27276 руб., так что считая среднюю годовую плату рабочему в 120 р., мы увидим, что каждый двор Мархинских скопцов имел до 2-х годовых рабочих» [18, с. 302].

Однако, характер обогащения скопцов был иным, нежели у русских старообрядцев или протестантов в Западной Европе (при формальном факте получения прибыли). Так, если для протестантов обогащение – это

средство подтверждения собственной праведности, а накопление богатства – цель жизни, то для русских старообрядцев обогащение – это орудие или средство для достижения праведной жизни.

Процесс накопления капитала в скопческих кораблях наиболее ярко описывается в «Сибирском Торгово-промышленном календаре» [16]. Накапливаемый капитал богатый скопец передавал более молодому по возрасту скопцу, в рамках «корабля», которого богатый скопец сам же и выбирал. Таким образом, накопленный капитал после смерти богатого скопца оставался «на корабле». Это свидетельствовало об экономической замкнутости скопческого общества. В тоже время, как было сказано выше, часть скопцов - «духовные скопцы», стремились трансформировать собственное учение, открыться российскому обществу.

Как представляется автору статьи, обогащение скопцов, их экономическая деятельность, были стремлением примирить свои идеологические позиции с отношением к ним со стороны общества. Через экономическую деятельность секта скопцов стремилась частично или полностью адаптироваться в российское общество, сохранив собственные нормы и ценности. Через экономическую деятельность скопцы стремились вернуться в общество, создать условия для того, чтобы общество их не отвергло, при этом не акцентируя внимание на актах кастрации. Заметим, И.Н. Носырев объясняет обогащение скопцов психологическим характером [11, с. 164].

Экономическая деятельность скопчества

становилась средством социализации членов секты в обществе, в определенном смысле каналом социализации. Вместе с тем, экономическая деятельность скопцов была способом выживания в окружающем их мире безнравственности и порочности. Для скопцов успешность экономической деятельности становилась основанием для сохранения жизнеспособности собственных идей при идеологической замкнутости.

Заключение (выводы). Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Характер хозяйственной деятельности скопцов был иным, чем у европейских протестантов или русских старообрядцев. Скопцам не было необходимости отстаивать стремление к аскетизму наподобие того, как это происходило в протестантизме. Если для первых протестантов аскетизм был обязательным условием их хозяйственной деятельности, то у скопцов аскетизм был другим по характеру. Для скопцов аскетизм был сопутствующим условием вхождения в капиталистические отношения.

Стремление к обогащению у скопцов было важной жизненной необходимостью, без которой невозможно было вернуться в российское общество. Стремление создать общество на собственных идеологических основаниях у скопцов не увенчалось успехом. Единственный путь, который помогал им вернуться в российское общество, это возможность воспользоваться развитием капиталистических отношений во второй половине XIX века. Успешность экономической деятельности для скопцов становилась основанием для сохранения жизнеспособности собственных идей.

Список литературы

1. Берман А. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 24.00.01 – теория и история культуры. Саранск, 2006. 19 с.
2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского Правления, 1910.
3. Бычков А. Очерки Якутской области. II. Скопцы в ссылке (К вопросу о развитии земледелия в Якутской области). Иркутск: паровая типо-литография Н.И. Макушина, 1902.
4. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с. - (Социологич. мысль Запада).
5. Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721-1917гг.; сущность, принципы, эволюция. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. - М., 2010. 790 с.
6. Гурьев Н.А. Сибирские скопцы, их экономическое и правовое положение. Томск:

Орлов, 1900.

7. Кутепов К. Издание второе. СПб., 1900.
8. Надеждин Н. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845.
9. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - 604 с. [4 с.].
10. Новый завет. Восстановительный перевод. - Анахайм: Живой поток, 1998.
11. Носырев И.Н. Русский раскол XVII века как миллениаристское движение (на примере старообрядчества беспоповских и хлыстовских общин). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: Специальность - 07.009.07 Этнография, этнология и антропология. М., 2015. 201 с.
12. Обзор Якутской области за 1886 год. Якутск: Типография Якутского Областного Правления, 1887.
13. Обзор Якутской области за 1890 год. Якутск: Типография Якутского Областного Правления, 1891.
14. Обзор Якутской области за 1897 год. Якутск: Типография Якутского Областного Правления, 1898.
15. Обзор Якутской области за 1903 год. Якутск: Типография Якутского Областного Правления, 1904.
16. Обзор Якутской области за 1905 год. Якутск: Типография Якутского Областного Правления, 1906.
17. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сек. – М.: ОГИ, 2002.
18. Сибирский Торгово-промышленный календарь, изд. Ф.И. Романова. Томск, 1898.
19. Скворцов В.М. Деяния 3-го Всероссийского Миссионерского Съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосектантства, с приложениями. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1897.
20. Собрание постановлений по части раскола. СПб.: Печатано в типографии министерства внутренних дел, 1875.
21. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел, Центральным статистическим комитетом. Выпуск второй. СПб.: В типографии К. Вульфа, 1863.
22. Судебно-медицинские исследования скопчества с краткими историческими сведениями Евгения Пеликана. Второе дополненное и исправленное издание. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875.
23. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство небесное: Скопческий путь к искуплению. Авториз. пер. с английского В. Михайлина, при участии Е. Филипповой и Е. Левинтовой. - М.: Новое литературное обозрение, 2002. - 336 с., ил.

RELIGIOUS NORMS AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE SECT OF THE EUNUCHS IN RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES.)

The article discusses the features of the economic activity of the sect of the Scopians in the conditions of exile in the Yakut region of Siberia of the Russian Empire. It is noted that the religious norms of the faith of the Scopians provoked the peculiarities of their economic activity. Castration, especially the "royal seal", created conditions for the isolation of the Scopians from Russian society. The economic activity of the Scopians, on the contrary, allowed them to return to society. The Scopians could not count on full loyalty to themselves from society, since society rejected the rite of castration. Nevertheless, in the conditions of exile, the Scopians introduced capitalist relations, exploiting the local population (Yakuts) and their less well-off co-religionists. The working day of agricultural salaried workers at the Skoptsy lasted 19-20 hours a day. It should be borne in mind that the process of enrichment among the Scopians was significantly different from the similar process among European Protestants and Russian Old Believers. Protestants created religious norms, which then influenced the process of enrichment, forming a specific economic ethics of capitalist relations. The Old Believers, through enrichment, created conditions for achieving a righteous life. The Scopians sought to get out of isolation and return to society through the enrichment and development of capitalist relations.

Keywords: The Russian Empire, the Yakut region, the doctrine of the eunuchs, castration, «ships», «spiritual eunuchs», exile, economic activity, enrichment of the Eunuchs

References

1. Berman A. Mystical sectarianism in the Middle Volga region in the XIX – first half of the XX centuries. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: 24.00.01 – theory and history of culture. Saransk, 2006. 19 p.
2. Butkevich T.I. Review of Russian sects and their interpretations. Kharkiv: Printing House of the Provincial Government, 1910.
3. Bychkov A. Essays of the Yakut region. II. The Scopians in exile (To the question of the development of agriculture in the Yakut region). Irkutsk: steam typo-lithography by N.I. Makushin, 1902.
4. Weber M. Selected works: Translated from German/Comp., general ed. and afterword by Yu. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko. - M.: Progress, 1990. - 808 p. - (Sociologich. the thought of the West).
5. Gavrilentov A.F. The policy of the state power of the Russian Empire in relation to the Orthodox Church, non-Orthodox confessions and Abrahamic (non-Christian) faiths in 1721-1917; essence, principles, evolution. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. - M., 2010. 790 p.
6. Guryev N.A. Siberian Scopians, their economic and legal status. Tomsk: Orlov, 1900.
7. Kutepov K. Second edition. St. Petersburg, 1900.
8. Nadezhdin N. Research on the Catholic heresy. St. Petersburg, 1845.
9. Nikolsky N.M. History of the Russian Church. Moscow: LLC "AST Publishing House", 2004. - 604 p. [4 p.].
10. The New Testament. Recovery transfer. - Anaheim: Zhivoy Potok, 1998.
11. Nosyrev I.N. The Russian Split of the XVII century as a Millenarian movement (on the example of the Old Believers of the Bespop and Khlystov communities). Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: Specialty - 07.009.07 Ethnography, Ethnology and anthropology. M., 2015. 201 p.
12. Review of the Yakut region for 1886. Yakutsk: Printing House of the Yakut Regional Government, 1887.
13. Overview of the Yakut region for 1890. Yakutsk: Printing House of the Yakut Regional Government, 1891.
14. Overview of the Yakut region for 1897. Yakutsk: Printing House of the Yakut Regional Government, 1898.
15. Overview of the Yakut region for 1903. Yakutsk: Printing House of the Yakut Regional Board, 1904.
16. Overview of the Yakut region for 1905. Yakutsk: Printing House of the Yakutsk Regional Board, 1906.
17. Panchenko A.A. Christovschina and the Flock: folklore and traditional culture of Russian mystical sects. – Moscow: OGI, 2002.
18. Siberian Commercial and Industrial Calendar, ed. by F.I. Romanov. Tomsk, 1898.
19. Skvortsov V.M. Acts of the 3rd All-Russian Missionary Congress in Kazan, on internal mission and Sectarianism, with appendices. Kiev: I.I. Chokolov's Printing house, 1897.
20. Collection of resolutions on the split. St. Petersburg: Printed in the printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1875.
21. Statistical tables of the Russian Empire, issued by order of the Minister of Internal Affairs, by the Central Statistical Committee. Issue two. St. Petersburg: In the printing house of K. Wulf, 1863.
22. Forensic medical studies of the flock with brief historical information of Eugene Pelikan. The second expanded and corrected edition. St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich, 1875.
23. Engelstein L. The Scopians and the Kingdom of Heaven: The Scopian Way to Redemption. Author's translation from English by V.Mikhaylin, with the participation of E. Filippova and E. Levintova. - M.: New Literary Review, 2002. - 336 p., ill.

Об авторе

Гавриленков Алексей Федорович – доктор исторических наук, кандидат философских наук, проректор по научной работе Смоленской Православной Духовной семинарии (Россия), E-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Gavrilenkov Alexey Fyodorovich – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Smolensk Orthodox Theological Seminary (Russia), E-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Гоц Д.И., аспирант Кафедры всеобщей истории, исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия).

ВЛИЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л. БРУНИ НА ТВОРЧЕСТВО ВЕНЕЦИАНСКОГО ИСТОРИКА МАРКАНТОНИО САБЕЛЛИКО (КОНЕЦ XV В.)

В статье на основе актуальных исследований в области истории памяти рассматривается генезис приемов и практик конструирования образов прошлого в трудах гуманистов Флоренции и Венеции XV в. Данная тематика сегодня имеет значительный научный потенциал, так как дает возможность изучить развитие концепций исторического знания, понять региональные особенности формирования культуры памяти в Италии, выделить идеологические функции исторических нарративов в социально-политическом контексте городов-государств. Понимание локальных особенностей в восприятии новых взглядов на общественные изменения и социальную динамику расширяет представления о тенденциях обмена знаниями в эпоху раннего Нового времени и особенностях перцепции сведений региональными интеллектуальными элитами Италии. Автор статьи демонстрирует формирование подходов к анализу и репрезентации прошлого на примере «Истории флорентийского народа» знаменитого гуманиста Леонардо Бруни (также известного как Леонардо Аретино). Основным объектом исследования оказываются как философские, политические и социальные взгляды Бруни, так и его подходы к критике текстов и использованию источников. Автор отмечает, что подходы и практики, выдвинутые Бруни, были восприняты венецианским гуманистом Маркантонио Сабеллико, использовавшим их с учетом венецианской традиции хронистики.

Ключевые слова: история памяти, гуманизм, культурная рецепция, региональные интеллектуальные элиты, Флоренция, Венеция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-55-65

Введение. Итальянские, и особенно флорентийские гуманисты, оставили значительное творческое наследие в сфере анализа исторических событий и их репрезентации. Влияние трудов Леонардо Бруни (Аретино Бруни) и Никколо Макиавелли на перцепцию прошлого является предметом активных исследований уже почти двести лет, начиная от Якоба Буркхардта [3, с. 147] и заканчивая исследованиями Марка Аркадьевича Юсима [6, с. 43 – 53] и Кристофера Челенцы [11, pp. 71 – 94]. Допустимо предположить, что анализ трудов гуманистов в контексте современных подходов, выработанных в поле изучения исторической памяти, может расширить представления о влиянии флорентийских культурных нововведений на другие регионы Италии, и их восприятие и переосмысление интеллектуалами. Кроме того, данные исследования дают возможность более детально проанализировать новое для своего времени течение общественной мысли, влиявшее на механизмы формирования исторической памяти характерные для того периода.

Одним из вопросов, вызывающих интерес у современных исследователей, является степень влияния флорентийской традиции

историописания на взгляды и представления авторов о прошлом из других регионов Италии. В частности, Гэри Янзита [24, р. 308] и Щербан Марин [26, pp. 158 – 159] отмечают влияние «Истории Флорентийского народа» Л. Бруни (1370 – 1444) на становление и развитие гуманистической историографии в Венеции XV в.

Одним из первых исторических трудов по истории Венеции, созданных в стилистике гуманизма, был текст Маркантонио Сабеллико в конце XV в. [7, р. 99]. В связи с этим, можно поставить исследовательскую задачу, заключающуюся в анализе влияния историко-философского наследия Л. Бруни, которое содержится в его главном труде - «Истории Флорентийского народа», на гуманистическое содержание и стилистику творчества Маркантонио Сабеллико в представлении прошлого Венеции.

Для проведения исследования необходимо ответить на несколько промежуточных вопросов. Во-первых, понять в контексте труда Бруни его взгляд на историю, ее функцию и роль в обществе. Во-вторых, рассмотреть те идеи, принципы и доктрины, которые Сабеллико мог заимствовать для создания труда по истории Венеции.

Объекты и методы исследования. В статье рассматриваются исторические труды флорентийского и венецианского гуманистов, освещавших прошлое двух республик. Нарративные источники анализируются в контексте представлений авторов о движущих силах общественных изменений, их понимания природы причинно-следственных связей, культурного влияния гуманизма в период кватроченто, а также их политических пристрастий и целей. Понимание данных аспектов дает возможность увидеть приемы и практики конструирования исторической памяти в культурно-политических центрах Италии. Кроме того, можно проследить, как успешные модели репрезентации прошлого переходили из одной интеллектуальной столицы в другую, формируя новые творческие запросы и ориентиры. Методология исследования основывается на подходах, выработанных в рамках изучения истории памяти. Общие положения и принципы строятся на основе работ Яна [2, с. 36 – 44] и Алейды Асман [1, с. 17 – 42]. Используются их наблюдения о коммуникационной среде и передаче образных концепций из поколения в поколение. Более частные вопросы, к примеру, распространение перспективных форм и приемов передачи исторических сведений исследовались с помощью выводов, сделанных Л.П. Репиной [5, с. 9 – 37].

Результаты. Э. Кокрейн полагает, что одним из фундаментальных аспектов гуманистического взгляда Л. Бруни на исторический процесс является представление о превосходстве активной жизненной позиции над созерцательной [14, р. 19]. В «Истории» относительно природы человека Аретино приводит следующие слова: «Человеческая природа такова, что когда путь к величию и почестям открыт, люди готовы улучшить себя <...>» [8, р. 48]. В философском смысле идеи гуманиста отражали новый взгляд на место индивида в окружающем мире. Бруни, хотя и чаще всего латентно, подчеркивал, что социальная реальность является не выражением иерархического порядка, установленного высшими силами, а результатом сознательной активности отдельных людей или их групп [29, р. 331]. Подобный взгляд на общественное развитие предполагал формирование новой системы аргументации в контексте

логики развития общественных отношений и политических институтов, в рамках которой опора на непререкаемый трансцендентальный авторитет сменялась на более конкретные и рационально-прагматичные исторические аргументы [ibid, р. 334]. Флорентийский автор, в частности, так описывал военные и политические решения римского полководца Стилихона (365–408): «Опираясь на свое знание военного дела, он [Стилихон] часто окружал, отрезал и изматывал их [готов]. Он бы полностью победил их, если бы его намерения были разумными. Однако он сам давно желал стать императором и хотел способствовать бедствиям Италии» [8, р. 66]. Данное описание подтверждает мысль о том, что Бруни рассматривал именно реальных людей с их желаниями, навыками и конкретными решениями, как главных акторов исторического процесса. То есть политическая сфера является областью светской жизни, где успех человека зависел от его опыта и умений [18].

Изменения в представлениях о генезисе социально-политических процессов формировали перед авторами исторических трудов новые идеологические задачи. Аретино полагал, что главной целью его «Истории» является: «<...> то насколько большую мудрость может дать нам история, если мы внимательно ее прочитаем! Ибо там могут быть рассмотрены дела и решения многих веков; из этих страниц мы можем легко узнать, какому поведению нам следует подражать и чего избегать, в то время как слава, завоеванная великими людьми, <...> вдохновляет нас на совершение добродетельных поступков» [8, р. 2]. В своем произведении Бруни стремился показать современникам и потомкам, в первую очередь элите Флоренции, образцы и стратегии поведения, которые могли быть избраны в качестве ориентиров для успешной деятельности на политическом поприще. Именно положительный или отрицательный исход исторического события и его влияние на общее благополучие флорентийских граждан должен был являться главным критерием истинности для читателей «Истории» [21].

Необходимо отметить, что Бруни имел достаточно определенные политические пристрастия. Начиная седьмую книгу, где описываются события 1340 г., Аретино приводит следующие сведения: «<...> как только город

заявил о своем праве на самоуправление, свободный народ заново основал государственные учреждения» [9, р. 284]. Гуманист подчеркивает важность независимости и самостоятельности Флоренции от внешнеполитических сил, строящейся на основе активной позиции свободных людей. В это же время автор указывает и еще один факт: «<...> вопреки примеру прежних времен, [было решено] открыть доступ аристократам [дать возможность избираться] в эту и другие магистратуры республики» [ibid, р. 284]. Не феодальная и рыцарская знать стояла во главе коммуны. Неслучайно далее приводится описание конфликта населения с патрициатом, который закончился отстранением нобилей от власти. По мнению Бруни, родовое высокомерие и эгоизм, проявление жестокости по отношению к другим группам населения во многом ослабляли позиции аристократов в борьбе за власть [ibid, р. 288]. Также Аретино негативно оценивает ситуации, когда власть оказывается в руках низов, характеризуя следующим образом последствия восстания чомпи в 1378 г.: «Такое положение дел может служить вечным примером и предупреждением для главных граждан города о том, что нельзя допускать гражданских беспорядков и применения вооруженной силы по прихоти толпы. Ибо ее невозможно обуздать, как только она начнет выхватывать бразды правления и осознает, что она более могущественна, будучи более многочисленной» [10, р. 8]. Правление плебса могло легко перерасти в охлократию, где не действовали никакие законы. Джеймс Хэнкинс подчеркивает, что в восприятии Бруни Флоренция могла достигнуть политического развития и процветания только тогда, когда в выборных учреждениях главенствующую позицию занимала элита торгово-ремесленных кругов (пополо) города [22, р. 374]. Политические предпочтения автора можно объяснить тем, что именно представители пополо проводили наиболее рациональные и взвешенные решения, не беспокоясь о родовых предрассудках или стремлении преступно обогатиться за счет других. Можно сделать вывод, что средние слои формировали во Флоренции атмосферу мира и взаимного согласия, поддерживая справедливость и равенство. Для сохранения коллективного благополучия пополаны умели хорошо властвовать и

подчиняться, только в случае необходимости прибегали к силе и были умеренными в своих желаниях, когда этого требовала политическая конъюнктура [21].

Гэри Янзити отмечает, что Бруни, создавая «Историю» с 1416 по 1442 гг., не вносил существенных изменений в свой текст даже тогда, когда власть в городе перешла в руки рода Медичи в 1434 г. Гуманист, публикуя последующие части своей работы, добавлял лишь некоторые детали, подчеркивавшие заслуги пришедших к власти сеньоров. Новые правители, не проводившие коренных преобразований властных институтов республики, высоко ценили труд Аретино, давая автору значительные привилегии и способствуя распространению «Истории» [23, pp. 2 – 10].

Рассмотрев идеологические воззрения Бруни, необходимо отметить те приемы и стратегии, которые помогали ему легитимизировать и аргументировать справедливость сложившихся социально-политических отношений.

Во-первых, Бруни, несмотря на все перипетии и политические конфликты, отмечал, что во Флоренции сформировались совершенные социально-политические институты. Подтверждение данного факта могут служить его слова относительно общественной ситуации в 1440 гг.: «Таким образом, после бурных времен <...>, наконец, наступил период процветания и радости, и город вознесся к великой славе» [10, р. 396].

Во-вторых, Аретино был знатоком философии Аристотеля и интерпретировал ее в русле собственных политических целей и задач. К примеру, гуманист старался показать, что именно флорентийские пополаны больше всего адаптированы для властной деятельности. События, связанные с привлечением аристократии к управлению государством в 1340 гг., трактовались как стремление, направленное на достижение общественной гармонии и мира, чтобы ни одна часть населения не была лишена почестей [9, pp. 284 – 286]. Вероятно, данное сообщение отражает концепцию Аристотеля, что власть должна действовать в интересах всего общества и стараться учитывать интересы всех социальных слоев [21]. Однако, как было показано выше, удовлетворение требований нобилей стало причиной новых гражданских потрясений. Видя расхождение политической теории

с практикой, Бруни пересматривает постулат Аристотеля, опираясь на исторический опыт Флоренции, показывая, что в конкретных условиях лучшим решением проблем будет поддержание исключительных интересов торгово-ремесленных слоев.

В-третьих, автор «Истории» подчеркивает величие и важность исторических событий, связанных с Флоренцией, говоря, что «были совершены подвиги, не менее запоминающиеся и важные, чем те великие деяния, о которых мы читаем и которыми так восхищаемся в древние времена» [8, р. 2]. Данное рассуждение дополняется прямым сравнением борьбы Флоренции и Пизы с противостоянием Рима и Карфагена. Историческое значение столицы Тосканы, по мысли Бруни, сопоставимо с величием главного политического центра древности. Кроме того, автор не строит сложные родословные великих предков подобно Джованни Виллани [4, с. 8 – 13], а подчеркивает самостоятельную значимость и ценность отдаленного и недавнего прошлого города.

В-четвертых, Бруни, в отличие от своих предшественников, не объясняет победы или поражения, успехи или неудачи высшим промыслом или действием каких-либо сверхъестественных сил, как Виллани демонстрирует в своей хронике [там же, с. 77]. Аретино объясняет генезис явлений либо превратностями фортуны [8, р. 64], либо непосредственными умениями и навыками участников исторических событий [ibid, р. 66]. Ответственность или соответствующие ситуации действия индивидов становятся первопричинами положительных результатов. Освоение пополами важных уроков истории, то есть дидактических примеров из прошлого, должно было стать ключом к политическим и военным победам в настоящем.

В-пятых, Бруни считал большим несчастьем и опасностью как периоды беззакония или войны всех против всех [10, р. 8], так и бремя тирании [9, р. 284], ставившей под вопрос независимость Флоренции. Свободный народ должен был всеми возможными способами защищать свою политическую целостность и бороться за сохранение новоприобретенных территорий, расширявших влияние города-государства. Гуманист дает следующую характеристику войне Флоренции с

миланским герцогом Джан Галеаццо Висконти в 1390 гг.: «Миланская война, которую я сейчас собираюсь описать, велась флорентийским народом с такими большими затратами, таким духом и энергией, что, без сомнения, она должна считаться величайшей из всех войн, которые когда-либо вел этот народ» [10, р. 106]. Суверенитет и его главное выражение - общественный патриотизм, становятся одними из главных тематических направлений в изложении «Истории».

В-шестых, Бруни использует широкое разнообразие риторико-филологических практик для представления фактов в выгодном свете. Г. Янзити указывает следующие приемы, которые использовались Аретино для создания положительного реноме Медичи. Автор применяет умолчание, чтобы не освещать порочащие род сведения [23, р. 6]. Также гуманист мог представлять предков новых правителей в качестве поборников общего блага флорентийцев и спасителей отечества в трудные времена [ibid, р. 7]. Бруни, развивая критические подходы к тексту, пересматривал оценки хронистов с помощью архивных документов [ibid, р. 8]. В описании обороны крепости Скарперия в 1351 г. Аретино следующим образом характеризует действия Джованни де Медичи: «<...> муж впоследствии знаменитый, рискнул стать добровольцем. Он полагал, что для него было бы бесчестным слоняться в безопасности и свободе, не отдавая должной службы своему государству в момент нужды, когда его сограждане были в ловушке и опасности» [9, р. 359]. С помощью архивных источников гуманист установил, что данные территории находились во владении Медичи. Данный факт давал весомые основания предполагать, что Джованни принимал активное участие в обороне родовых земель. Кроме того, эта версия подтверждалась материалами о награждении полководца, который якобы боролся с особым усердием с врагами исключительно ради интересов Флоренции, хотя, скорее всего, отпрыск Медичи лишь защищал родовые земли [23, р. 8]. Замалчивание реальных мотивов событий позволяло Бруни делать акцент на героизме своих новых господ с опорой на рациональные факты, не прибегая к подлогу.

Можно предположить, что изменение взглядов и представлений о роли человека в

контексте социальной реальности влияли на развитие новых аргументационных практик для репрезентации исторической памяти. Новаторская работа Бруни демонстрирует актуализацию идей, связанных с опорой на здравый смысл и опыт, за которыми активнее всего следовала новая элита из торгово-ремесленных кругов. Подтверждением убедительности, логичности и идеологической гибкости данной системы доказательств было то, что даже пришедшие к власти Медичи продолжали распространять и поддерживать взгляды Аретино, которые были надежным обоснованием, как внутривнутриполитических отношений, так и внешнеполитических завоеваний. Люди верили в отраженные Бруни идеи и были готовы защищать их.

Интерес к новым подходам в интерпретации политики и их обоснованность в понимании современников, восприимчивых к гуманистической культуре, распространили концепции Бруни и в другие регионы Италии. К примеру, венецианские интеллектуалы были заинтересованы в создании схожих исторических работ о прошлом своего региона.

В XV в. в Венеции завершается юридическое оформление городского патрициата. Система учета патрилинейного родства у аристократов после постановлений 1414 и 1430 гг. стала основным условием доступа к выборам во властные учреждения Республики. По мнению С. Чойнацки, в культурном плане данные акты были связаны с конструированием политического дискурса, направленного на формирование и легитимацию в обществе исключительной идентичности элиты, связанной с ее особым благородством и чистотой происхождения [12, pp. 344 – 347]. М. Кинг также указывает, что отличительной чертой самовосприятия венецианского патрициата была вера в свою исключительность в связи с наследованием знатности и достоинства [25, p. 180]. Вероятно, подобный взгляд проистекал из концепции, что Венецианская республика и ее институты создавались под покровительством Бога и св. Марка [16, p. 10], возвышая Серениссиму в сравнении с прочими державами. Д. Грабб отмечает, что для аристократов первостепенное значение имела коллективная самоидентификация, являвшаяся краеугольным камнем политической жизни островного города-

государства [20, pp. 375 – 387]. Очевидно, что Венеция в культурно-политическом отношении была достаточно консервативна, апеллируя в своей идеологии в первую очередь к метафизическим авторитетам.

Однако патриции, общавшиеся с гуманистами и интересовавшиеся их творчеством, хотели использовать «*studia humanitatis*» для прославления прошлого Венеции. Лодовико Барбаро в 50 – 60 гг. XV в. стремился привлечь знаменитого гуманиста Флавио Бьондо для создания фундаментального труда, посвященного истории Венеции, пытаясь, но тщетно, добиться его назначения на должность официального историографа Республики [27, p. 119]. Исследования Ф. Гилберта показывают, что данный пост появился только с назначением в 1516 г. Андреа Наваджеро [19, pp. 282 – 285]. Однако Ш. Марин отмечает, что неформально говорить о формировании традиции официальной историографии в Венеции можно и ранее, так как Андреа Наваджеро было поручено продолжать историческую работу Маркантонио Сабеллико. Следовательно, уже после смерти в 1506 г. Сабеллико был признан первым республиканским историографом [26, p. 176].

Сабеллико (1436-1506), получивший образование в духе гуманизма в Риме, начал трудиться в Венеции как преподаватель риторики в 1484 г. Маркантонио был вхож в аристократические круги республики и имел многих влиятельных покровителей. Свой исторический труд Сабеллико создал чуть больше чем за один год (1485 – 1486), и книга была уже напечатана и издана в 1487 г. В ней автор выразил свою сильную привязанность к новой родине, облагодетельствовавшей его [ibid, pp. 136 – 140]. Ш. Марин отмечает, что хвалебный стиль гуманиста по отношению к Венеции и ее политическим институтам, нашел широкое признание среди элиты [ibid, pp. 160-161]. Можно предположить, что данные факты подчеркивают скорее политико-идеологическую направленность работы Маркантонио.

Ш. Марин подчеркивает, что в плане формы преподнесения материала труд Сабеллико имел много общего с «Историей» Бруни [ibid, pp. 158-159]. Допустимо утверждать, что Аретино давал венецианскому гуманисту и другие ориентиры. Маркантонио, также как и Аретино о Флоренции, утверждал, что

Венеция является совершенной Республикой, постулируя данный факт с еще большим пафосом. Гуманист отмечал, что в чистоте законов, справедливости правосудия и добродетельности Серениссима превосходит даже Древний Рим [28, р. 3]. Оба автора эпохи Возрождения, следуя за Титом Ливием [26, pp. 158 – 159], приходят к выводу, что прошлое их держав и особенно настоящее, является более великим, даже чем достижения главного государства прошлого. Труд и деятельность государственных мужей, которые были современниками гуманистов, рассматривались в качестве одного из главных источников процветания республик. Подобный образ, подчеркивающий совершенство социальных отношений и вклад в это развитие правящей группы, был эффективным инструментом для конструирования положительного реноме элиты. Следующие слова Маркантонио аргументируют данное утверждение: «Наоборот, это были благородные люди великой добродетели, которые основали Венецию. Они, желая позаботиться, чтобы свобода, в которой родился город, была бы вечной, с помощью развития образа жизни и справедливости, равных для всех, построили жилища и крепости своего города из святых установлений и законов» [28, р. 3]. Слава труда Бруни [24, р. 308], могла показать Сабеллико достойный пример для создания своего текста.

Маркантонио высоко оценивал благородство и религиозность первых переселенцев [28, р. 5], подчеркивая достоинство тех людей, которые стали основоположниками нового государства и справедливых общественных отношений. Вероятно, данное описание выделяло особые заслуги членов элиты, демонстрируя их предназначение к управлению республикой в интересах общего блага, подтверждаемого многими веками процветания и благополучия Венеции. Бруни, как говорилось выше, считал, что пополо лучше всего подходит для управления, так как представители данного общественного слоя являются самыми активными в реализации общественно значимых дел и теми, кто не ставил во главу всего собственные эгоистические интересы или допускал полное бездействие законов. Для Аретино более важной является личная деятельность, от которой проистекает право власти. Сабеллико же

отмечал не столько активность, сколько добродетельность нравов, которая способствовала становлению совершенного социума. Именно эта наследственная черта, по мнению Маркантонио, сделала Венецию первой среди современных держав. Кроме того, обращенность в прошлое объяснялась еще и апелляцией Сабеллико к роли высших сил: «Как мы мудро с любовью веруем и твердо исповедуем, что Божественное с человеческим сопряжено, и что вечная непостижимая тайна с тленным и постижимым одновременно сопряжена и связана» [ibid, р. 6]. Подобным образом рассуждал венецианский гуманист, повествуя об основании города. Можно предположить, что Маркантонио учитывал логику Бруни, подчеркивая важность именно людей, составляющих элиту, их моральных качеств. Однако, находясь в обществе, где были распространены более консервативные представления о социальном устройстве, венецианский гуманист стремился инкорпорировать новые политические идеи в традиционный контекст. То есть Сабеллико мог учитывать гуманистический дискурс легитимации власти, выработанный Аретино, следуя за идеологическими установками, распространенными в политической традиции Серениссимы.

Еще одним примером, показывающим определенное сходство в аргументах Бруни и Сабеллико, была боязнь беззакония, которая могла наступить, когда властью овладевали народные низы и их представители. Маркантонио приводит следующие рассуждения о заговоре дожа Марино Фальера 1355 г., который хотел стать узурпатором с помощью своих незнатных союзников: «И наконец, Фальер стал бы называться уже не дожем, а сеньором. Некоторые говорят, что они [заговорщики] обещали, убив нобилей, отдать власть в руки народа. Но, действительно, хорошо устроенная республика всегда была дорога Богу; тем более, когда она управлялась с большей справедливостью; так что из всех других источников земных владений, конечно, нет лучше того, который называется Аристократией, который не может получить господство только одного, как сказал Платон <...>» [ibid, р. 108]. Автор поддерживает сложившиеся властные отношения, апеллируя не только к Божественному авторитету, но и

пытаясь использовать аргументацию греческих философов, более ориентированных на политическую практику. Можно предположить, что Маркантонио, как и Бруни, видел долг господствующей социальной группы в поддержании правления, обеспечивающего в наибольшей степени общественное благо.

Рассматривая риторические и аналитические подходы Сабеллико, отчетливо прослеживается их общность с приемами и практиками гуманистической литературы, которые активно использовал и Аретино. Маркантонио в отображении событий 1355 г., когда Венеция терпела тяжелые поражения от Генуи, не упоминал данные факты, переходя сразу к описанию заключения мира [ibid, p. 109]. Хотя его предшественники, к примеру, анонимный автор хроники, текст который приписывается в историографической традиции перу некоего Энрико Дандоло, демонстрировали тяжесть невзгод и бедствий, которыми данное противостояние обернулось для Серениссимы [15, pp. 138 – 145]. События войны оканчиваются следующим образом в описании Маркантонио: «<...> в день Марии Магдалины они [вернувшиеся из плена] шли вместе со всеми в ее церковь, с зажженными факелами, это новое зрелище пробудило в людях религиозные чувства, так что этот день стал праздничным <...>» [28, p. 109]. Венецианский гуманист оставляет в забвении неприятные факты, концентрируя внимание читателей на сведениях о празднике, подчеркивая положительный исход трудных испытаний для города-государства. Сабеллико, как и Бруни для создания положительного образа Медичи, использует приемы умолчания и переключения внимания для формирования представлений об успехах Венеции, находящейся под опекой мудрой аристократии.

Маркантонио, повествуя о военном походе сына Карла Великого-Пипина на Венецию в 810 г., приводил более реалистические причины, из-за которых возник конфликт, чем предшественники хронисты. Если в средневековых текстах была распространена версия о личной обиде императора на жителей Венеции, не желавших пустить его в город [17, pp. 105-106; 13, pp. 52-57], то Сабеллико указывает следующие основания противостояния: «<...> между одной и другой империями возникли разногласия из-за

Далмации. Когда венецианцы открыто продемонстрировали свою приверженность Никифору [византийскому императору], так как они помогали Никите, его военному командиру на море и суше. Тогда Пипин так разгневался на венецианцев, что начал вести против них войну с еще большим рвением, чем прежде» [28, p. 14]. Во взгляде гуманиста отражалась более реалистическая картина причин конфликта. Скорее всего, к такому выводу автору помогло прийти использование источников и более критический взгляд на факты в сравнении с хронистами. Сабеллико ставил под сомнение самые невероятные легенды. В частности, Сабеллико полагал, что старая женщина едва ли могла давать Пипину советы о строительстве моста для штурма острова Риальто. Маркантонио сделал следующую ремарку относительно данного события: «Во что я с трудом позволяю себе поверить» [ibid, p. 14], – то есть историк-гуманист шел дальше своих предшественников, активнее опираясь на рациональные первопричины. Новые интерпретации событий становились основанием для формирования иной перцепции прошлого у читателей, менее наивной и более комплексной в сравнении с предыдущими объяснительными концепциями. Однако Сабеллико далее указывал на важность победы Венеции над Пипином, отмечая, что данный успех сопоставим с великими достижениями древних римлян. Маркантонио придерживался новых для своего времени подходов в демонстрации причинно-следственных связей исторических событий, дававших автору возможность строить аргументацию о совершенстве венецианского общества и отношений, которые существуют в нем, опираясь на рационализм и сведения о конкретных успехах политиков Серениссимы. Логическая обоснованность и практические результаты стали основой для конструирования современных коннотаций социально-значимых мифов. Можно предположить, что Сабеллико, как и Бруни, с помощью материалов источников или хорошо продуманной подтасовки фактов создавал наиболее выгодный образ Венецианской республики для нобилей.

Концентрируя в сжатом виде отличительные черты взглядов гуманистов на структуру общественной жизни, в сравнении с

предыдущими периодами, можно сказать, что человек и его намерения, мысли и чувства становились главными объектами интереса авторов. Кроме того, основными критериями анализа исторических событий становились не абстрактные авторитеты, а успешный результат деятельности людей, направленной на достижение цели.

Заключение. Проведенные исследования показывают, что венецианская элита XV в. поощряла создание исторических трудов, основанных на гуманистической направленности и стилистике. Образованные патриции видели потенциал новой литературной традиции, которая по внешней форме, изысканной латыни, и содержанию, более ориентированному на практическую деятельность и опыт людей, давала возможности конструировать представления о прошлом в духе времени. Более строгий критический анализ исторических сведений, который чаще всего использовался для обоснования политических взглядов, и рассмотрение индивида в качестве главного актора

исторического процесса предоставляли широкий спектр возможностей для морализующей дидактики, обосновывающей существующие общественные отношения, закамуфлированные в патетику общего блага.

Флоренция, являвшаяся центром гуманизма, задавала тон новой политической риторики. Одним из главных выразителей новых доктрин был Леонардо Бруни. Убедительность логики и аргументов Аретино сделали его труд по истории Флоренции примером для подражания. В частности, за его манерой рассуждений последовал и венецианский автор, Маркантонио Сабеллико, беря на вооружение эффективные приемы и практики конструирования исторической памяти. Богатая традиция венецианской хронистики, распространенная в культурном контексте Республики, заставляла гуманиста учитывать локальные особенности. Новая литературная традиция Флоренции приобретала местный колорит, имплементируясь в творчество венецианских авторов.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 324 с.
2. Ассман Я. Культурная память / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.
4. Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции / пер. с итал. М. А. Юсим. СПб.: Наука, 2019. 614 с.
5. Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 9-37.
6. Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / отв. ред. М.А. Юсим. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2020. С. 43-53.
7. Batolo M. La storiografia umanistica // Archivio Storico Italiano. 1988. Vol. 146. № 1 (535). P. 95-104.
8. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 520 p.
9. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 584 p.
10. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 477 p.
11. Celenza C. The Intellectual World of the Italian Renaissance. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. 438 p.
12. Chojnacki S. Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata // Renaissance Studies. 1994. Vol. 8. № 4. P. 341-358.
13. Chronicon Venetum quod vulgo dicunt Altinate // Monumenta Germaniae historica. T. XIV / ed. H. Simonsfeld. Hanoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1883. P. 1-69.

14. Cochrane E. *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London: The university of Chicago, 1981. 649 p.
15. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / a cura di R. Pesce*. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna», 2010. 185 p.
16. Dandolo A. *Chronicon Venetum // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna: Nicolo Zanichelli, 1900. 405 p.
17. Diacono G. *La cronaca veneziana di Giovanni Diacono / versione e commento del testo a cura di M. Biasi*. Venezia: Ateneo Veneto, 1986. T. 1. 113 p.
18. Fubini R. *Umanesimo e Rinascimento*. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2 (дата обращения: 08.05.2023).
19. Gilbert F. *Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography // Florelegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale*. Toronto: University of Toronto Press, 1971. P. 275-293.
20. Grubb J. S. *Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze // Renaissance Studies*. 1994. Vol. 8. № 4. P. 375-387.
21. Hankins J. *A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People*. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 08.05.2023).
22. Hankins J. *Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // Le cronache volgari in Italia / ed. G. Francesconi, M. Miglio*. Perugia: «Pliniana», 2017. P. 373-395.
23. Ianziti G. *Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // Journal of the History of Ideas*. 2008. Vol. 69. № 1. P. 1-22.
24. Ianziti G. *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2012. 418 p.
25. King M. L. *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento*. Roma: Il Veltro editrice, 1989. Vol. 1. 354 p.
26. Marin Ş. *Marcantonio Sabellico's Rerum Venetarum and "the Definitive History of Venice". The Beginnings of the Official Historiography in Venice? // Revista archivelor*. Bucarest: Arhivele Nationale ale Romaniei, 2013. Vol. 1-2. P. 134-177.
27. Marin Ş. *Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice // Revista istorică*. 2014. T. XXV. № 1-2. P. 101-121.
28. Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. Venezia: Curtio Troiano Navò, 1544. 293 p.
29. Yoran H. *Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // History and Theory*. 2007. Vol. 46. № 3. P. 326-344.

THE INFLUENCE OF L. BRUNI'S HUMANISTIC IDEAS ON THE VENETIAN HISTORIAN MARCANTONIO SABELLICO (LATE 15TH CENTURY).

The article examines the genesis of the methods and practices of constructing images of the past in the works of humanists in Florence and Venice in the 15th century on the basis of current research in the field of memory studies. The topic has considerable scientific potential today, as it makes it possible to trace the genesis of new concepts of historical knowledge, understand the regional features of memory culture formation in Italy, and study the ideological functions of historical narratives in the socio-political context of the city-states. The study of the reception of new perspectives on social changes and dynamics broadens the understanding of knowledge exchange in the Early Modern period as well as the perception of information by local intellectual elites. The author demonstrates the formation of new approaches to the analysis and representation of the past using the example of the "History of the Florentine People" by the famous humanist Leonardo Bruni (also known as Leonardo Aretino). The main focus of the study is Bruni's new philosophical, political, and social views, as well as his approaches to textual criticism and the use of sources. The author notes that the approaches and practises put forward by Bruni were adopted by the Venetian humanist Marcantonio Sabellico, who used them with reference to the Venetian chronicle-writing tradition.

Keywords: memory studies, humanism, cultural reception, regional intellectual elites, Florence, Venice.

References

1. Assmann A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo [Long Shadow of the Past]*. Per. s nem. B. Hlebnikova [translation from German B. Khlebnikov]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 324 s.
2. Assmann J. (2004). *Kul'turnaya pamyat' [Cultural Memory]*. Per. s nem. M. M. Sokol'skoj

- [translation from German M. M. Sokolovsky]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 368 s.
3. Burckhardt J. (1996). *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii* [The Civilization of the Renaissance in Italy]. M.: Yurist. 591 s.
 4. Villani G. (2019). *Novaya hronika, ili istoriya Florencii* [New Chronicle or History of Florence]. Per. s ital. M. A. Yusim [translation from Italian M. A. Youssim]. SPb.: Nauka. 614 s.
 5. Repina L. P. (2020). *Istoricheskaya pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: «praktika istorii na sluzhbe pamyati»* [Historical memory and national narratives of identity: “the practice of history in the service of memory”] // *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present: History / Memory and Narratives of National Identity]. M.: Aquilo. S. 9 – 37.
 6. Youssim M.A. (2020). *Velikie florentincy i evolyuciya istoricheskogo znaniya v Evrope* [The great Florentines and the Evolution of Historical Knowledge in Europe] // *Gvichhardini i Makiavelli u istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni. [Guicciardini and Machiavelli at the Origins of the Historical Knowledge of Modern History]*, M.: Institut vseobshchei istorii RAN. S. 43–53.
 7. Batolo M. (1988). *La storiografia umanistica* [Humanistic Historiography] // *Archivio Storico Italiano*. Vol. 146. № 1 (535). P. 95 – 104.
 8. Bruni L. (2001). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 520 p.
 9. Bruni L. (2004). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 584 p.
 10. Bruni L. (2007). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 477 p.
 11. Celenza C. (2018). *The Intellectual World of the Italian Renaissance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 438 p.
 12. Chojnacki S. (1994). *Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata* // *Renaissance Studies*. Vol. 8. № 4. P. 341-358.
 13. *Chronicon Venetum quod vulgo dicunt Altinate* [Venetian Chronicle, which commonly called Altinate]. (1883) // *Monumenta Germaniae historica*. T. XIV / ed. H. Simonsfeld. Hanoverae: Impensis bibliopolii hahniani. P. 1-69.
 14. Cochrane E. (1981). *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London: The University of Chicago. 649 p.
 15. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362)* [Chronicle of Venice known as the Chronicle of Enrico Dandolo (origins - 1362)]. (2010) / ed. R. Pesce. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna». 185 p.
 16. Dandolo A. (1900). *Chronicon Venetum* [Venetian Chronicle] // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna: Nicolo Zanichelli. 405 p.
 17. Diacono G. (1986). *La cronaca veneziana di Giovanni Diacono* [Venetian Chronicle of Giovanni Diacono] / ed. M. Biasi. Venezia: Ateneo Veneto. T. 1. 113 p.
 18. Fubini R. (2013). *Umanesimo e Rinascimento* [Humanism and Renaissance]. Retrieved 08 May, 2023 from https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2
 19. Gilbert F. (1971). *Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography* // *Florilegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson* / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale. Toronto: University of Toronto Press. P. 275-293.
 20. Grubb J. S. (1994). *Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze* // *Renaissance Studies*. Vol. 8. № 4. P. 375-387.
 21. Hankins J. (2007). *A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People*. Retrieved 08 May, 2023 from <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221>
 22. Hankins J. (2017). *Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History* // *Le cronache volgari in Italia* / ed. G. Francesconi, M. Miglio. Perugia: «Pliniana». P. 373-395.
 23. Ianziti G. (2008). *Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 69. № 1. P. 1-22.
 24. Ianziti G. (2012). *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge: Harvard Univ. Press. 418 p.

25. King M. L. (1989). *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento* [Humanism and the Patriciate in Venice at the 15th Century]. Roma: Il Veltro editrice. Vol. 1. 354 p.
26. Marin Ș. (2013). Marcantonio Sabellico's *Rerum Venetarum* and "the Definitive History of Venice". *The Beginnings of the Official Historiography in Venice? // Revista arhivelor*. Bucarest: Arhivele Nationale ale României. Vol. 1-2. P. 134-177.
27. Marin Ș. (2014). Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice // *Revista istorică*. T. XXV. № 1-2. P. 101-121.
28. Sabellico M. (1544). *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico* [Venetian stories of Marco Antonio Sabellico]. Venezia: Curtio Troiano Navò. 293 p.
29. Yoran H. (2007). *Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // History and Theory*. Vol. 46. No. 3. P. 326-344.

Об авторе

Гоц Дмитрий Игоревич – аспирант Кафедры всеобщей истории, исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия), E-mail: idgots@gmail.com

Gots Dmitry Igorevich – postgraduate student of the Department of World History on the historical faculty of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia), E-mail: idgots@gmail.com

УДК 933(477)"2000/2023"

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

УКРАИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО ПОВОДУ КНИГИ А. ПАЛИЯ «КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ УКРАИНЫ») ¹

В статье рассматривается содержание книги А.Палия «Краткий курс истории Украины». Палий является автором ряда книг об Украине. Его «Краткий курс» адресован широкому кругу читателей. В 2018 г. вышло третье издание этой работы. Книга А. Палия состоит из 80 очерков. В книге нет новых фактов, новых идей. В очерках отдельные темы освещены очень подробно, другим неправомерно уделено гораздо меньшее внимание автора. Освещая историю Украины, А. Палий не использует фальсификацию. Он предпочитает прием умолчания, при котором читатель узнает частичную правду, удобную для автора. Неполная, но достоверная информация выглядит убедительно для читателя, но узнать подлинную историю он не может. Важной чертой А. Палия как исследователя является стремление выдвигать великих предков украинского народа, упрощенно связывая происхождение и достижения этого народа с разными иными древними народами. В книге нередко проводится сравнение Украины с Россией и всегда Россия представлена страной отсталой, ее народ менее талантливым, чем украинцы. Унижая Россию, автор прославляет Украину. Россия показана в книге как страна, постоянно враждебная Украине.

Ключевые слова: история Украины, научная мысль, А. Палий, книга «Краткий курс истории Украины», Россия.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-66-74

Введение. В 2013 г. в большой и интересной работе «Украинская историография: концептуальная история» И.И. Колесник писала о том, что ныне создаётся новый социокультурный облик исторической науки на Украине. В рамках этого образа развитие украинского историописания включено в духовно-интеллектуальный контекст эпохи как смена стиля мышления историка, методологических установок, совершенствование схем и концепций украинской истории [5, с.88]. В этой же книге автор писала об облике украинского историка, однако рассмотрела только типы украинских историков советского периода, не исследовав тех, кто представляет постсоветскую историческую науку на Украине. Поэтому особенно интересно проанализировать главные (концептуальные) идеи, приёмы исследования, которые формулируют и используют некоторые украинские историки. Идеиная позиция, профессиональный уровень – это то, что должно выделиться в результате анализа вышедшей продукции и поможет сконструировать тип или определённую разновидность историка современной Украины. Прошло время – десять лет – с той поры, как книга И.И. Колесник вышла из печати, а после судьбоносного

1991-го, освободившего историков от обязательного марксизма, ещё больше – 32 года!. За эти годы оформился (не мог не оформиться!) тот тип историка, который и является предметом настоящего исследования. Отстоялись проповедуемые им идеи. Настоящая работа и посвящена, с одной стороны, миру идей, а с другой, – миру людей украинской науки.

Тема имеет свою историографию. Берём наиболее серьёзный и достаточно подробный труд. В отечественной науке теме создания исторических трудов об Украине посвящена книга А.С. Коревина «Сумерки невежества, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины» [6]. В ней автор отметил значительные ошибки в трудах и российских историков, и историков, писателей, публицистов, которые живут на Украине и выступают о проблемах её прошлого в газетах и по национальному радио. А.С. Коревин признал долю правоты у тех авторов, которые предъявляют претензии к исторической науке советской поры. «Были тогда и белые пятна, и запретные темы для исследователей. Были замалчивания отдельных исторических фигур и событий. И фальсификации тоже были», – писал он [6, с.85]. И с

¹ Исследовательская работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда №3 -28 -00281 "Украинская историография Древней Руси конца XX - начала XXI веков: концепции, источники, тенденции".

© Дубровский А.М.

© Dubrovskii A.M.

этим нельзя не согласиться. Без такого признания не может быть взвешенного подхода к рассмотрению историографического процесса в целом и каждой работы в отдельности. В то же время автор рассматриваемой книги указывает на то, что в выступлениях по радио и в печати современных (постсоветских) авторов тоже прослеживаются умолчания, передержки, искажения фактов. Мимоходом А.С. Коревин упомянул А. Палия, о котором пойдёт речь в настоящей статье. Однако особого внимания названный автор к этой фигуре не проявил. Палий ещё не был оценен должным образом.

Объект исследования. В 2018 г. в Киеве было опубликовано на русском языке третье (!) издание его книги «Краткий курс истории Украины». Эта работа вышла в свет по заказу Министерства информационной политики Украины тиражом в 2 000 экземпляров и распространялась бесплатно с целью оказать влияние на возможно больший круг читателей. Таким образом, перед нами труд, признанный играть важную роль в духовной жизни нации. Уже это обстоятельство обязывает внимательно отнестись к книге Палия.

Александр Андреевич Палий является кандидатом политических наук (учёная степень присвоена в 2006 г.), он считается экспертом-политологом, политическим консультантом. С 2005 г. он стал выпускать книги по истории Украины, причем это не конкретно-исторические исследования, а труды, претендующие на концептуальное осмысление всей истории его родины, о чём красноречиво свидетельствуют названия работ: «Ключ до історії України» (2005), «Історія України (2010, 2015), «Революція Гідності¹ 2013-2014 рр. та агресія Росії проти України» (2015), «25 перемог² України» (2015), «Короткий курс історії України» (2017), «Історія України. Від княжої доби до Революції Гідності» (2017). Приведённый список, наверняка устаревший и неполный к настоящему времени, убеждает в плодovitости автора, поддержке, которую он имеет со стороны власти, наводит на предположение о широте его читательской аудитории. Перед

нами немаловажный в духовной жизни современной Украины историографический факт, который нуждается в осмыслении.

Результаты и их обсуждение. И.И. Колесник, которая остановилась перед проблемой облика современного украинского историка, как бы поставила вопрос о существенных чертах этого облика. Она предложила очень широкий спектр вопросов, который нужно решить для получения исчерпывающей характеристики. Это мотивы, содержание и направления творческой деятельности исследователя, его научные приоритеты, отношение к источникам, историческому труду (собираание фактов, художественное изложение истории, исторический анализ или синтез) и др. И.И. Колесник указала на то, что существуют разные типы историков – мыслитель, который философски осмысливает события и факты, художник, который художественно изображает прошлое, исследователь, имеющий вкус к поиску источников, выявлению фактов [5, с.90-91]. Думается, решение проблемы облика современного украинского историка может быть продвинуто на основе анализа идейного содержания книги А.А. Палия.

Рассматриваемая работа состоит из ряда небольших очерков, всего их ровно 80. Каждый сопровождается иллюстрацией. Перед читателем не систематическое изложение истории Украины, а скорее избранные страницы её истории. Одним событиям или даже историческим периодам отведено большое место, другим – незначительное. Так, истории казачества в XV-XVIII вв. (особенно в XVII в.) посвящено 17 очерков (около 90 страниц книги, более пятой части её объёма), советскому периоду (после гражданской войны и до 1939 г.) – только два – «Советский режим» и «Голодомор 1932-1933 гг.» (14 страниц из 459), послевоенному СССР – один очерк (10 страниц из 459).

Внимание к истории казачества для украинской исторической науки традиционно. Период XVII в. насыщен важными событиями, поворотными для судьбы Украины. Обострённое внимание к нему так же естественно для украинских исследователей, как для отечественных историков внимание к

¹ Достоинства

² Побед

событиям 1917 г. или Великой Отечественной войны. Можно по-разному относиться к советскому периоду истории той или иной части СССР, критически или позитивно оценивать те или иные стороны истории СССР. Но это не значит, что освещение межвоенного периода, насыщенного значительными и глубокими изменениями в жизни Украины, как и других республик Союза, правомерно сводить к двум с половиной десятков страниц текста. Как ни оценивать глубокую ломку основ жизни крестьянства в советский период истории и рывок в индустриализации страны, события эти столь значительны, что отделяться умолчанием или беглыми высказываниями по поводу этих процессов было бы для историка легкомысленно и неправомерно. В то же время история киммерийцев и скифов в рассматриваемой книге изложена на 18 страницах (3 очерка), история сарматов, готов и гуннов – на 14 (3 очерка).

Итак, при всём естественном значении темы истории казачества для украинского народа такая доля в объёме книги по всей истории Украины выглядит каким-то раздувшимся флюсом, особенно в сопоставлении с тем объёмом книги, который содержит освещение истории Украины в XIX в., особенно второй половины столетия, (автор шагнул от отмены крепостного права к Первой мировой войне), да и советского периода. Таким образом, внимание автора к истории Украины следует признать очень избирательным, что наводит на мысль о тенденциозности А. Палия как историка. Это по меньшей мере. Преувеличивая значение одних периодов и уменьшая значение других, вряд ли можно соответствовать фразе, приведённой в аннотации к книге: «Исчерпывающе (!) представлены важнейшие события украинской истории». А, например, коллективизация крестьянства, составлявшего большинство населения Украины, – не «важнейшее событие украинской истории»?

В приёмах освещения истории А. Палий широко использует метод умолчания. Опасность этого метода для неподготовленного читателя заключается в том, что автор не использует прямой фальсификации, в чём его можно было бы более или менее легко уличить. Применяя метод умолчания, историк сообщает только часть вполне

доброкачественной исторической информации и тем самым вызывает доверие у читателя. А другая часть остаётся, так сказать, за кадром. Неполнота информации даёт искажённую картину и вместе с тем внешне, на первый взгляд, вполне убедительную.

Так, рассказывая в очерке о князьях варяжского происхождения, о захвате Киева Аскольдом и Диром, а позже Олегом, А. Палий указывает только на то, что они появились из Скандинавии [10, с.86]. В этом очерке абсолютно ничего не говорится о Новгороде, о том, что именно там первоначально появилась варяжская династия, которая потом перенесла столицу своего государства в Киев. Только дойдя в своём рассказе до XII в. и рассматривая применение современниками той поры слова «Русь», автор мимоходом наконец упомянул Новгород.

При князе Владимире, по уверению А. Палия, «закон на Украине стал письменным, как в остальных цивилизованных странах» [10, с.96]. Какой закон? Где текст? И при этом загадочном заявлении ни слова не говорится о Русской Правде, которая была основана на судебных приговорах, вынесенных Ярославом Мудрым в период его правления опять-таки в Новгороде. Оттуда, из нецивилизованных, по мнению Палия, мест и пришло в Киев письменное право, которое сменило собою бытовавшее ранее обычное право, нигде, никогда и никем не записанное. Из историков этого никто ни в какие времена не отрицал.

Перейдём к освещению в книге отдельных тем. Типичной чертой духовной жизни малых государств или государств с имперской идеологией является культивирование представления о своих великих предках, о грандиозных достижениях в прошлом. Это позволяет воспитывать национальную гордость и возвращать непросвещённый (полуобразованный) патриотизм. Такая черта свойственна и мышлению А. Палия. Наличие великих предков, их успехи, наследниками которых являются современные украинцы, – вот одна из главных идей книги.

По мнению автора рассматриваемого произведения, одним из истоков украинской культуры была трипольская культура, памятники которой были найдены на Киевщине. А трипольцы являлись предками украинцев.

«Трипольское общество по уровню развития было похоже на ранние цивилизации Древнего Востока. Наибольшие посёлки трипольской культуры расположены в Черкасской области... В них насчитывалось по 3 тысячи жилищ, население составляло около 20 тысяч человек, то есть больше, чем в обычном средневековом городе. Многие дома в этих "протогодах" имели два жилых этажа. Вероятно, в то время это были самые большие в мире населённые пункты» [10, с.29, 30]. Эти строки создают у читателя впечатление мирового центра культуры, который располагался в древности на территории Украины. На самом деле, как известно, трипольская культура являлась вовсе не центром, а окраинным региональным вариантом той большой археологической культуры, огромного очага земледельческо-скотоводческих культур, который охватывал Балканский полуостров, часть Аппенинского, Подунавье, Молдавию и Правобережную Украину. Собственно трипольская культура располагалась на территории не только Украины, но и Молдавии и части Румынии. Приоритетным названием этой культуры является термин «кукутеньская культура», как её обозначил первооткрыватель – румынский археолог Т. Бурада. Смещение угла зрения, точнее, его сужение до национально-украинского исказило истинную картину прошлого. Преувеличение А. Палием роли своего региона в истории не отменяет того, что какое-то наследие трипольцев, например, в виде материальных предметов могло достаться украинцам. Вопрос об этом наследии усложняется тем, что непосредственными предками индоевропейских народов (в том числе славян, следовательно, и украинцев) было другое население – носители среднестоговской культуры (и Палий это признаёт). Они смешивались с трипольцами, передвигались на территорию Европы и в той же степени были прародителями иных народов, как и украинцев. Это известные факты.

Далее великими предками украинцев А. Палий назвал скифов [10, с.42]. Утверждая преемственность между скифами и украинцами, автор заметил: «Великая Скифия по данным античных современников, имела чёткие границы от Дуная до Дона, практически совпадая с современной территорией

Украины» [10, с.42]. Высоко оценивая этот аргумент в пользу преемственности украинской и скифской культур, А. Палий обратил внимание на причёски скифов, их шаровары – «всё это у украинцев от скифов» [10, с.48]. В книге приведён, казалось бы, очень убедительный аргумент – изображение побратимства у скифов на золотой пластине. Оба скифа пьют из одной чаши. Лицами они повернуты к зрителю, и легко можно видеть постриженные кружком волосы. Но если посмотреть на изображения скифов, сделанные в профиль, то картина получается другая: сзади у скифов были длинные волосы, падавшие до плеч и спины. Это можно увидеть на тех изображениях скифов, которые помещены в книге украинского археолога Б.М. Мозолевого «Скіфський степ» [8]. В науке давно известно сообщение источников о том, что скифы «носили длинные волосы и бороды» [14, с.17]. Подобных причёсок на Украине не было. Таким образом, представление о преемственности причёсок, выдвинутое Палием, не выдерживает критики при обращении не к единичному источнику, а к нескольким вполне достоверным и более богатым информацией источникам, в частности, изученным украинскими археологами.

Хотя сведений о скифском языке у исследователей почти нет, А.А. Палий смело заявил, что и язык скифов кое-что дал украинскому языку. В реальности о наследии скифов, об оставленных ими следах, некоторых элементах в культуре народов средневековья и нового времени можно определённо говорить только применительно к нартскому (богатырскому) эпосу, бытующему у ряда народов Северного Кавказа. Именно в этот регион откочевала какая-то часть скифов, и именно народы этого края в гораздо большей степени могут считать скифов одним из своих предков, чем украинцы.

А. Палий поместил в своей книге отдельный очерк о греческих городах в Причерноморье. И они оказались причастны к истории Украины: «Родовым знаком великих киевских князей и скандинавской династии Рюриковичей и нынешним гербом Украины стал трезубец, распространённый в Боспорском царстве» [10, с.57-58].

Далее А. Палий упоминает сарматов, готов. Естественно, что и эти народы какие-

то элементы своих культурных достижений оставляли на территории современной Украины. Автор отметил, что и сарматы носили широкие шаровары, «которые впоследствии стали элементом национальной одежды украинцев» [10, с.62]. Путаясь в штанах, которые взялись то ли от скифов, то ли от сарматов, Палий оказывается в плену представлений об определяющей роли внешних влияний на тот или иной народ. Такие влияния могут быть освоены, если только имеются внутренние предпосылки для их усвоения. Одомашнивание лошади – вот главное условие для того, чтобы в мужской одежде появились штаны вне зависимости от внешних влияний. Сам автор говорит, что ещё в IV тысячелетии до н.э. (задолго до прихода скифов) «на территории Украины были приручены лошади» [10, с.34]. Кем? Об этом автор не говорит ничего. Причём освоение лошади было присуще населению среднестоговской культуры, которое, как говорилось выше, имело прямое отношение к происхождению индоевропейских народов, а от них через славян к происхождению украинцев.

Подводя итог рассмотрению «великого прошлого», нужно сказать, что весь этот сложный по составу процесс продвижения разных народов по территории современной Украины не означал неуклонного прогрессивного накопления тех или иных элементов культуры. Одно оставалось, другое безвозвратно было уничтожено в ходе военных столкновений и иных обстоятельств, третьё отмирало естественным образом. Палий не выказывает понимания этой сложности в историческом процессе. Судя по его книге, история представляла собой лишь накопление полезных достижений без потерь. Однако от скифов, сарматов, готов до образования собственно украинского народа было ещё далеко. И то, о чём писал А. Палий, является, по сути, отдалённой предысторией или даже введением в предисторию украинского народа. Культурное воздействие на современную Украину указанных выше народов по значению, по охвату разных сторон жизни общества несопоставимо, например, с влиянием принятого в Киевской Руси христианства. К боевым успехам и результатам государственного строительства древних народов украинцы не имели никакого отношения.

Таким образом, такая важная концептуальная идея книги как мысль о выдающихся предках, о великом прошлом, которое имеет определяющее влияние на культуру украинцев, их язык, будущие военные победы имеет довольно шаткое основание.

Далее. Обычно историк освещает прошлое своей страны, не ограничиваясь картиной её внутреннего развития. Он уделяет какое-то внимание внешнеполитической обстановке, контактам с соседями, порой сравнивает историю своей страны с прошлым других стран и народов. Последнее необходимо для определения стадии развития, выяснения общего и особенного в вариантах исторического пути. В разное время территория современной Украины составляла часть Киевской Руси, Литвы, Речи Посполитой, Российского (Московского) государства, Российской империи, Советского Союза. Исследователь был обязан для выяснения общего и особенного сопоставлять состояние и развитие этой части с другими частями каждого из названных государственных образований. В таком случае анализ был бы исчерпывающим, как было обещано в аннотации. Однако автор предпочёл систематически проводить сопоставление только с Россией, с русским народом. Таким путём книга обрела ещё одну стержневую (концептуальную) идею. Заметим, что А. Палий тут не оригинален. В литературе уже отмечено, что в современных украинских учебниках практически ничего не говорится о связях Украины и украинского народа с Белоруссией и белорусским народом [12, с.202].

В чём же заключается ещё одна концептуальная идея разбираемой книги? Её содержание угадывается уже в одном из первых очерков под названием «Неолитическая революция». В этой части своей работы А. Палий указал на то, что в ту пору, когда территория современной Украины переживала указанную революцию – переход к земледелию, рождение производства, – «на территории Центральной России каменный век продолжался на 3-5 тысяч лет дольше, до середины I тысячелетия н.э., а местами – до II тысячелетия н.э.» [10, с.26, с.46].

Ссылаясь на Геродота, Палий писал, что в современной Центральной России при жизни «отца истории» жили людоеды. Автор

признавал, что это не славяне, не русские, но главное не в этом. Важно было указать на то, что эта земля отмечена таким страшным явлением как людоедство, и этим как бы наложить на неё позорящую печать. Между тем, земля людоедов (андрофагов), по представлениям современной науки, находилась как раз на территории современной Украины. Комментаторы произведения Геродота писали следующее: «Северную границу Скифской области можно определить лишь приблизительно. На западе страны скифов начинается область агафирсов, затем шла область невров, далее область так называемых андрофагов до Днепра, выше современного Днепропетровска» [1, с.533].

Рассказывая о завоевании территории современной Украины Литвой, А. Палий не мог не заметить, что «в Московии монгольское иго длилось втрое дольше, чем на Украине» [10, с.160]. Автор как-то упустил из виду, что освобождение от уплаты ордынской дани предки украинцев добились не в ходе освободительной борьбы, что могло бы составлять предмет гордости, а в результате покорения их земли другим захватчиком.

«Живая речь утвердилась в украинской литературе несколькими десятилетиями раньше, чем это произошло в литературе русской», – замечает автор книги, говоря о литературе в XIX в., и это тоже призвано возвысить Украину и принизить Россию [10, с.318]. На каких фактах основано такое заявление – неясно, так как автор именно фактов и не привёл. А «живая речь» в русских литературных памятниках заметна и в письмах Ивана Грозного (XVI в.), и в «Житии» протопопа Аввакума (XVII в.). И вдобавок к сказанному автор писал: «В XIX в. на Украине... была создана собственная великая литература» [10, с.318]. Но почему-то автор не стал сравнивать эту литературу с литературой русской, не назвал ни одного имени из великих украинских писателей того времени, ни одного произведения.

Таким образом, вторая концептуальная идея книги – характеристика России как страны, отстававшей в своём развитии по сравнению с Украиной, как исконно враждебной силы для украинского народа. Население этой части Восточной Европы искони было менее развито и талантливо, чем

украинцы.

Автор упустил из виду то обстоятельство, что развитие любого народа идёт неравномерно. Оно то ускоряется благодаря, например, влиянию социально и культурно более зрелого народа или энергичной деятельности государства, то затормаживается из-за различных неблагоприятных условий. Конструируя свою концептуальную идею, вырывая факты из разных периодов в истории народа, не рассматривая их вписанными в динамику исторических процессов, А. Палий отказывается от систематичности в своём анализе. Систематичность и последовательность требовали бы продолжения сопоставлений России и Украины до конца. Однако это не всегда ведёт к выводам, которые нужны Палию, подрывает его концепцию.

Третья концептуальная идея работы А. Палия заключалась в том, что Россия являлась всегда силой, враждебной Украине. «Московские цари даже в своих указах прямо заявляли, что целью политики Московии на Украине было исчезновение украинцев как народа», – таково наблюдение историка [10, с.258]. Откуда эта враждебность? Чем она объясняется? Ответов на эти вопросы книга А. Палия не содержит.

Свободолюбивая Украина противопоставлялась А. Палием Московии, в которой царили бесправие и тирания. Русско-польская война в сочетании с казачьим движением («освободительной войной») рисовалась А. Палием как попытка покорения Россией Украины. Принимая мысль о том, что у московского правительства были свои корыстные интересы по поводу украинских земель, тем не менее, трудно согласиться с представлением будто «целью политики Московии на Украине было исчезновение украинцев как народа» [10, с.258]. На каком историческом источнике основано такое наблюдение? Автор источника не указывает.

Говоря о жестокостях, проявлявшихся при подавлении движения гайдамов Палий писал о том, что «Россия решила расправиться с восстанием», то есть злое клеймо автор ставил не на правительство страны, не на исполнителей его воли, а на всю Россию. Автор неоднократно писал о наступлении царского правительства на вольности украинских казаков, но не

указывал, что такое же наступление шло на свободы казаков донских, яицких и других, не имевших отношения к Украине. Правительство стремилось укрепить иррегулярные войска казачества, подчинить их большей дисциплине, насадить ненавистное казачеству «регулярство». Развитие военного дела входило в противоречие с традиционным казачьим образом жизни, с военной организацией и дисциплиной. А у Паляя получилась картина именно антиукраинской политики российского правительства.

Это представление развивалось и далее в истолковании А. Паляя. О русификаторской политике в XIX и начале XX в. рассказывал очерк «Борьба империи против украинской самобытности». Кирилло-Мефодиевское братство в изложении А. Паляя было чисто украинским объединением, направленным против «оккупантов» - врагов «свободолюбивых украинцев». При этом замалчивалось, что целью этого объединения было создание всеславянской федерации, куда наряду с Украиной и иными странами должна была войти и Россия. В документах общества содержались обращения к «братьям украинцам», «братьям россиянам и полякам». Вряд ли к оккупанту обращаются со словом «брат».

В связи с освещением Первой мировой войны Паляй заявил, что Россия «мечтала захватить Галичину, чтобы репрессиями прекратить там украинское движение» [10, с.324]. Будто именно это, а не черноморские проливы и другие территории было главной целью российского правительства и экономически господствующих кругов в войне.

Смена политического строя в России и приход к власти большевиков привели к войне России и Украины. Эту борьбу А. Паляй преподносил как борьбу единой по устремлениям Украины. Никого из сочувствующих большевикам на Украине он не увидел в ту пору. Период 1917-1923 гг. автор назвал временем «Освободительной борьбы» (с заглавной буквы как название исторического события). При всей жестокости гражданской войны все же трудно согласиться с автором в том, что «целью большевиков было уничтожение каких-либо возможностей для национального самоопределения украинского народа. Реализация этой цели

предусматривала немедленную ликвидацию национально сознательной части населения» [10, 356]. Автор считает, что образование Украинской республики, определение ее территории не имели никакого отношения к национальному самоопределению украинцев. Готова ли тогда была Украина к совершенно самостоятельному государственному существованию? Этот вопрос автор и не ставил.

А. Палей писал о терроре против рядовых граждан Украины и ничего не говорил о том же явлении по отношению к другим национальностям Советского Союза. Естественно, что отдельный очерк был посвящён голодомору 1932-1933 гг. Голодомор трактовался как геноцид, направленный против украинского народа. При этом ничего не говорилось, например, о трагедии Казахстана, о последствиях коллективизации для других народов СССР.

Во время Великой Отечественной войны, по мнению Паляя, СССР и нацистская Германия были заинтересованы во взаимном ослаблении украинского и польского народов» (386). «Сталин в беседах с советскими руководителями называл Украину «враждебной страной»». После войны, в 1946-1947 гг. «на всей украинской территории, кроме западных областей, начался новый Голодомор. Власть организовала голод, чтобы морально сломить людей, заставить тех, кто во время войны видел другую жизнь в Европе, забыть о ней» [10, 390]. Между тем автор молчит о том, что и на территории России был голод из-за засухи 1946 г. [9].

Говоря об исконной и постоянной враждебности России по отношению к Украине, автор ничего не говорил о выступлении русских ученых и прогрессивной русской печати в защиту украинского языка, об их противостоянии с правительством по этому поводу, о развитии украинской периодической печати после 1905 г., о поддержке украинской культуры центрами, расположенными не только в украинских городах, но и в Петербурге и Москве [4, 409]. Все эти неудобные для А. Паляя факты противоречат одной из его основных идей.

Четвёртая концептуальная идея – это идея о вековой борьбе украинцев против России. Это, по мысли А. Паляя, проявилось в событиях середины-второй половины XVII в., в

движении украинских повстанцев – гайдамаков в XVIII в., когда с этими повстанцами боролись и польские власти и российское правительство: «Россия помогала Польше против украинских гайдамаков» [10, с.266].

В XVIII в. на Слобожанщине прошло восстание крестьян и бывших казаков, которых превращали в военных поселенцев. В XIX в. «украинские крестьяне сопротивлялись крепостному праву, пополняя отряды повстанцев» [10, с.278]. Автор упомянул восстание под предводительством У. Кармелюка.

После окончания Второй мировой войны «украинский народ более десяти лет противостоял одной из самых могущественных стран мира, в то время как другие народы СССР и Европы не решались сопротивляться тоталитаризму» [10, с.388].

Наконец, в 1991 г. «страна восстановила свою государственность и место в мире, а

украинский народ стал хозяином на своей земле» [10, с.404]. Однако зависимость верховности власти от России еще сохранялась. События 2013 г. покончили с этой зависимостью.

Таким образом, в освещении А. Палия, с XVII в. по настоящее время украинская история была наполнена борьбой с Россией. Этому факту полностью противоречит, например, такое наблюдение исследователей как сложившийся к XIX в. (если не ранее) «тип "малоросса", который объединял симпатию к Украине, к ее природе, песням и т.д. с лояльностью к Российской империи». Ярчайшим представителем этого типа был Н.В. Гоголь [4, с.377].

Итак, Украина, имевшая великих предков, более развитая и талантливая, чем Россия, была ею оккупирована с целью уничтожения украинского народа и постоянно боролась со своим завоевателем. В этом концептуальный смысл книги А. Палия.

Список литературы

1. Геродот. История в девяти книгах. М., 2004 – 638 с.
2. Дубровский А.М. К истории создания национальных историй в советских республиках (1940-е гг.): корректировка концептуальных построений // «Прошлое»: теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах. Казань, 2019. С.155-165.
3. История Украины. Краткий курс. Киев, 1948 – 836 с.
4. История Украины. Научно-популярные очерки. Киев, 2008 – 1070 с.
5. Колесник І.І. Українська історіографія: концептуальна історія. К., 2013 – 566 с.
6. Каревин А.С. Сумерки невежества, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. М., 2016 – 415 с.
7. Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С.33-80.
8. Мозолевський Б.М. Скіфський степ. Київ, 1983 – 190 с.
9. Назин В.Ю. Голод 1946-1947 гг. на территории Брянской области // Брянский краеведческий вестник. 2021. № 1. С.59-73.
10. Палий А. Краткий курс истории Украины. Киев, 2018 – 459 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т.2 Ипатьевская летопись. Спб, 1908 – 638 с.
12. Рузская С.Б. Как пишут историю на постсоветском пространстве (на примере анализа ряда учебников по истории Украины и Казахстана // Наше отечество. Страницы истории. сб. науч. трудов. Вып.2. М., 2005. С.197-218.
13. Семененко В.И., Радченко Л.А. История Украины с древнейших времён до наших дней. Харьков, 1999 – 480 с.
14. Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2 000 лет назад. М., 1975 – 185 с.

UKRAINIAN HISTORICAL THOUGHT AT THE PRESENT STAGE (ABOUT A. PALIA'S BOOK «A SHORT COURSE IN THE HISTORY OF UKRAINE»)

The article discusses the content of A. Palia's book "A Short course in the History of Ukraine". Paliiy is the author of a number of books about Ukraine. His "Short Course" is addressed to a wide range of readers. In 2018, the third edition of this work was published. A. Palia's book consists of 80 essays. There are no new facts, new ideas in the book. In the essays, certain topics are covered in great detail, others are wrongfully given much less attention by the author. Covering the history of Ukraine, A. Paliiy does not use falsification. He prefers the method of silence, in which the reader learns a partial truth that is convenient for the author. Incomplete but reliable information looks convincing to the reader, but he cannot find out the true story. An important feature of A. Palia as a researcher is the desire to put forward the great

ancestors of the Ukrainian people, simplistically linking the origin and achievements of this people with various other ancient peoples. The book often compares Ukraine with Russia, and Russia is always represented as a backward country, its people are less talented than Ukrainians. Humiliating Russia, the author glorifies Ukraine. Russia is shown in the book as a country that is constantly hostile to Ukraine.

Keywords: history of Ukraine, scientific thought, A. Paliy, the book "A short course in the history of Ukraine", Russia.

References

1. Herodotus. History in nine books. M., 2004 – 638 p.
2. Dubrovsky A.M. On the history of the creation of national histories in the Soviet republics (1940s): adjustment of conceptual structures // “The Past”: theory and practice of (de)construction in scientific and political discourses. Kazan, 2019. pp. 155-165.
3. History of Ukraine. Short course. Kyiv, 1948 – 836 p.
4. History of Ukraine. Popular science essays. Kyiv, 2008 – 1070 p.
5. Kolesnik I.I. Ukrainian historiography: conceptual history. K., 2013 – 566 p.
6. Karevin A.S. Twilight of ignorance, or 75 essays about the modern falsification of the history of Ukraine. M., 2016 – 415 p.
7. Kostomarov N.I. Two Russian nationalities // *Osnova*. 1861. No. 3. P.33-80.
8. Mozolevsky B.M. Scythian steppe. Kiev, 1983 – 190 p.
9. Nazin V.Yu. Famine 1946-1947 on the territory of the Bryansk region // *Bryansk Regional History Bulletin*. 2021. No. 1. P.59-73.
10. Paliy A. A short course in the history of Ukraine. Kyiv, 2018 – 459 p.
11. Complete collection of Russian chronicles. T.2 Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908 – 638 p.
12. Ruzskaya S.B. How history is written in the post-Soviet space (using the example of an analysis of a number of textbooks on the history of Ukraine and Kazakhstan // *Our Fatherland*. Pages of history. collection of scientific works. Issue 2. M., 2005. pp. 197-218.
13. Semenenko V.I., Radchenko L.A. History of Ukraine from ancient times to the present day. Kharkov, 1999 – 480 p.
14. Shelov D.B. Northern Black Sea region 2,000 years ago. M., 1975 – 185 p.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 930 (091)

Жибоедов В.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РАБОТЫ Н.М. ДРУЖИНИНА О ДЕКАБРИСТАХ В 1940-1950-е гг.

Развитие исторической науки на современном ее этапе неразрывно связано с использованием достижений предшествовавших поколений историков. Жизнь и творчество выдающихся ученых всегда будут привлекать к себе внимание тех, кто хочет понять историю науки и оценить тот вклад, который они внесли своим исследовательским трудом в дальнейшее развитие исторической науки. Проблема изучения научного сообщества в лице видных ее представителей является актуальной для современной науки. Важной и нерешённой пока задачей является решение вопроса о том, что научно ценного содержится в их наследии, а что является данью времени и уже потеряло свое научное значение. Эту задачу необходимо решать, рассматривая отдельно наследие того или иного деятеля науки, прослеживая эволюцию его взглядов на протяжении всей творческой жизни. В статье освещаются малоизученные факты научной биографии Н.М. Дружинина. Научное наследие академика Н.М. Дружинина в большей степени включает в себя труды в области социально-экономической истории России. После защиты кандидатской диссертации и выхода в свет монографии, посвященной Никите Муравьеву, творчество историка было сосредоточено на исследовании крестьянского вопроса и жизни русской пореформенной деревни. На основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов, рассматриваются новые страницы в научном творчестве ученого. Прослеживается процесс сохранения историком научного интереса к теме декабризма, анализируются концептуальные особенности понимания Н.М. Дружининым декабристского движения.

Ключевые слова: концепция декабристского движения, доклад Н.М. Дружинина, методология исследования, направления в советском декабристоведении.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-75-82

Введение. В 1940-1950-е гг., научная биография Н.М. Дружинина была связана с изучением реформы П.Д. Киселева, процесса разложения феодально-крепостнической системы, формирования в России капиталистических отношений, периодизации капиталистического развития страны. Исследование ряда работ и докладов ученого в области декабристоведения позволяет прийти к выводу, что в это время Н.М. Дружинин продолжал свои размышления о деятельности отдельных участников декабристского движения, а также стремился охарактеризовать активные действия радикально настроенных декабристов Северного общества в целом. В итоге ему удалось сформировать собственные умозаключения относительно революционности многих декабристов.

Объект и методы исследования. В статье рассматривается процесс развития исторической науки в 1940-1950-е гг., на основе опубликованных и неопубликованных трудов Н.М. Дружинина. В статье был использован комплекс методов: биографический, сравнительно-исторический, периодизации и исторического анализа. В ходе исследования применялся конкретно-исторический подход к

поиску социальных закономерностей и нахождению новых биографических фактов. Необходимые условия использования этого подхода можно сформулировать следующим образом: изучение социальных явлений необходимо начинать с определения их причин, исследовать социальные факты нужно в их взаимодействии друг с другом, необходимо учитывать роль и интересы всех социальных слоев в обществе.

Результаты и их обсуждение. В отечественной науке очень мало обращалось внимания на работы Н.М. Дружинина о декабристах [...]. При этом совершенно обойдены вниманием те труды о декабристах, которые историк создал после выхода своей книги «Декабрист Н. Муравьев». Настоящая статья посвящена именно этим произведениям.

После защиты кандидатской диссертации в 1929 г. и выхода монографии в 1933 г., посвященной Никите Муравьеву, творчество Дружинина было сосредоточено главным образом на исследовании крестьянства в XIX в. Однако он не оставил темы истории декабристов и в дальнейшем посвятил ей несколько работ. Они позволяют судить о развитии воззрений историка. Дружинин не мог не знать,

что в 1940-1950-е гг. Нечкина готовила большой обобщающий труд о движении декабристов, поэтому у него не возникало и мысли о широкой разработке этой темы. Она была как бы закреплена за другим специалистом.

В 1941 г. была опубликована статья Дружинина «Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа», в которой автор характеризовал просветительскую деятельность и размышления бывшего участника декабристского движения в ссылке. Находясь в ссылке, в г. Ялуторовске, Якушкин продолжил заниматься самообразованием и совершенствовал свои знания в разных областях: «Он не отказывался от чтения иностранной публицистики, живо интересовался вопросами истории и политической жизни, но его главное внимание поглощали точные науки и естествознание» [3, с. 387]. Дружинин, внимательно изучив философскую записку Якушкина, сохранившуюся в его черновых бумагах, пришёл к выводу об изменениях в сознании автора записки в сторону ухода от традиционного религиозного мировоззрения: «В противоположность многим декабристам, Якушкин ищет ответа на основные жизненные проблемы не в догмах религиозного откровения, а в выводах современного естествознания» [3, с. 388]. Находясь в Сибири, в условиях полусвободного существования, Якушкин почувствовал необходимость в осмысленной общественной работе. В 1836-1837 гг. им был разработан план создания церковно-приходских училищ и широкого применения ланкастерского метода обучения [3, с. 395]. В основе этого метода содержалась идея привлечения к преподавательской работе наиболее способных и развитых учащихся с целью «элементарного обучения и религиозно-нравственного воспитания подрастающих поколений» [3, с. 398]. В итоге при активном участии Якушкина в 1842 г. было открыто первое ялуторовское церковноприходское училище, а в 1846 г. была открыта школа для девочек, которая пользовалась особым успехом в условиях отсутствия специального женского образования в Сибири.

Наблюдения и выводы Дружинина касались не только просветительской деятельности Якушкина в ссылке, но также были посвящены изменениям в идеологии и тактике декабристов. Характеризуя политическую

активность декабриста в «Союзе благоденствия» (а он вызвался участвовать в убийстве царя), Дружинин прослеживает эволюцию политической позиции Якушкина от революционной к гораздо более умеренной. «После образования Северного общества он не принимает активного участия в политической жизни, живет вдали от столицы, в уединении своего смоленского имения, старается насаждать рациональное хозяйство, основывает сельскую школу, хлопочет об освобождении своих крестьян – вначале без земли. В сущности, участие Якушкина в московских беседах 1825 г. было случайным и осложнилось революционными замыслами также неожиданно и мимолетно, как московский вызов на царубийство в зимние дни 1817 г.» [3, с. 390]. Позднее Якушкин и вовсе выступает сторонником конституционной монархии, а «Петербургское восстание 1825 г. представляется ему заранее обреченным и бесплодным предприятием» [3, с. 391]. Таким образом, Дружинин остается верным своим выводам, относительно внутренней эволюции, которую испытывали многие участники декабристского движения. Автор указывал на глубокую двойственность в «философских, и в социально-политических взглядах Якушкина» [3, с. 392].

От частных выводов, историк приходит к общим теоретическим положениям в оценке идейных взглядов и тактических действий декабристов: «Декабристы явились и действовали в условиях разлагающейся феодально-крепостнической системы; исходя из идей Французской буржуазной революции, они восставали против существующего социально-политического порядка. Но они принадлежали к помещичьей барской среде, и отсюда – неустранимые внутренние противоречия, которые пронизывали собой их мировоззрение и практическую деятельность» [3, с. 393]. Выводы историка, можно рассматривать как последовательно складывающуюся концепцию в понимании декабристского движения, которую он будет продолжать в следующих работах и выступлениях, посвященных декабризму.

Следует обратить внимание, что умозаключения Дружинина находят свою актуальность и в современных исследованиях. В.М.

Бокова подтверждает наблюдения Дружинина. В книге «Эпоха тайных обществ» она писала: «На практике, члены тайных обществ, став помещиками, вполне довольствовались ролью "добротного барина"»: отпускали на волю дворовых людей, уменьшали господскую запашку, отменяли ряд отяготительных для крестьян поборов, открывали школы для крестьянских детей», но не освобождали своих крестьян от крепостной неволи [2, с. 337-339].

В декабре 1947 г. была опубликована рецензия Дружинина на монографию Нечкиной «А.С. Грибоедов и декабристы» [4, с. 101-106]. Он обратил внимание на широкое использование Нечкиной не только опубликованных, но и неизданных источников, проливающих свет как на историю декабристского движения, так и на жизнь Грибоедова. Документы судебного следствия, многочисленные воспоминания, письма, сочинения самого Грибоедова в книге Нечкиной подвергаются предварительному и тщательному источниковедческому анализу. Все это рассматривалось Дружининым как важное достоинство работы.

Обратим внимание на замечания историка, которые касаются декабристского движения в целом. Дружинин считал обоснованными и вполне убедительными выводы Нечкиной относительно факторов, повлиявших на мировоззрение будущих декабристов, в частности Грибоедова: «Отечественная война 1812 г. расширила и углубила его молодые запросы; в противовес установившейся традиции о "гусарском" времяпрепровождении Грибоедова М. В. Нечкина сосредоточивает внимание на других, более скрытых, но и более важных фактах – на влиянии национального подъема, на впечатлениях от народной жизни, на беседах о политических событиях в России и Западной Европе. Ещё важнее оказывается следующий петербургский период в жизни Грибоедова (1818- 1834 гг.), обыкновенно освещавшийся биографами как время литературных и театральных увлечений писателя и его веселого "прожигания жизни". М. В. Нечкина и здесь переносит центр тяжести на идеологическую атмосферу эпохи, раскрывая широкие и многосторонние связи Грибоедова с активными участниками Союза спасения и Союза благоденствия» [4, с. 101].

В своих дальнейших размышлениях историк обращает внимание на наличие глубоких противоречий в декабристском движении между буржуазно-революционными стремлениями и реакционно-феодальными пережитками в сознании и поведении декабристов. «Если Грибоедов был представителем декабристского поколения, художественным выразителем его революционных идей, то он не мог не разделять отличительных особенностей первого этапа нашего освободительного движения. К сожалению, эта существенная сторона проблемы выпала из монографии М. В. Нечкиной» [4, с. 103]. Сравнивая аграрные проекты Муравьева и Грибоедова, ученый считает, что аналогия между ними, выдвинутая Нечкиной, требует уточнений и исправлений, но у декабриста Н. Муравьева «свободные капиталистические отношения осложнялись феодальными пережитками, а у сочувствующего декабристам Грибоедова суровые методы феодальной эксплуатации были прикрыты видимостью личной свободы» [4, с. 104]. Таким образом, Дружинин в соответствии со своей точкой зрения указывал на необходимость отражения в работе комплекса противоречий между прогрессивной идеологией декабризма с феодально-дворянскими пережитками представителей передового сословия. Отсутствие подобных положений рассматривались Дружининым как очень существенный недостаток в работе Нечкиной, он справедливо указывал на «одностороннюю и несколько идеализированную» [4, с. 105] позицию Нечкиной в оценке декабристов как дворянских революционеров.

В декабре 1950 г. на объединенной сессии истории, философии и литературы Академии наук СССР Дружинин выступил с докладом «Программа северных декабристов» [5, с. 34-45].

Автор считал, что в России в первой половине XIX в. процесс формирования капитализма происходил в рамках сохранения феодальных отношений, что способствовало появлению в обществе радикальных, буржуазно-революционных идей. События 1825 года рассматривались историком как первая попытка «применить эти буржуазно-революционные идеи в жизни» [5, с. 35]. Ученый относил декабристов к представителям передового дворянства, но в то же время считал, что

их мировоззрение было прочно связано с феодализмом, и преодолеть его они не смогли. Проявлялись эти противоречия в подготовке программы Северного общества, в которой наблюдались расхождения его участников как в теоретических положениях, так и в последующих практических действиях. Дружинин указывал на наличие радикальных, республиканских взглядов у группы К. Ф. Рыльева и сторонников умеренного, монархического течения в лице Г. С. Батенькова, К. П. Торсона и других. «Однако и рылеевская группа дворянских революционеров, вышедших из мелкопоместной среды, слабо связанная с верхами крупного дворянства, была не способна до конца изжить дворянские феодальные пережитки, и она раздиралась внутренними противоречиями, и её участники непрерывно колебались, в конце концов оказались в зависимости от того самого умеренного течения, против которого они выступили» [5, с. 43].

Дружинин считал, что в ходе подготовки к восстанию рылеевская группа осознавала свое бессилие и сознательно шла на сотрудничество с прогрессивным дворянством, которое стремилось к реализации тактики Н. Муравьева. Именно поэтому руководителем восстания был избран С. Трубецкой – единомышленник Муравьева и сторонник «легального» переворота. Именно его план стал основой восстания, предполагалось воспользоваться междуцарствием, обратиться к Сенату с требованием, что ввиду того, что один наследник отрекается от престола, а другой отказывается от него, необходимо созвать представителей народа для определения дальнейшей формы правления. «Таким образом, апелляция к Сенату, который должен был опубликовать революционный манифест, апелляция к Государственному совету, который должен был присоединиться к этому манифесту, и апелляция к Синоду, который должен был освятить совершенный акт присягой новому правительству, – вот что лежало в основе этой тактики» [5, с. 43].

Историк обратил внимание на то, что накануне переворота Трубецкой и Рылеев составили документ, который должен быть предложен Сенату для утверждения. Часть этой программы была взята из положений

группы Рыльева. Проект манифеста предполагал равенство сословий, введение принципа сословного представительства в Великом соборе, но с преобладанием дворянства. Важным является то, что «манифест умалчивал об уничтожении крепостного состояния». Историк делал очень важный концептуальный вывод: «Речь идет об уничтожении рабовладельческого нароста на крепостном праве, а не об уничтожении феодальной зависимости» [5, с. 44].

Таким образом, в оценке событий 14 декабря 1825 г. Дружинин пришёл к убедительному выводу о том, что большинство представителей декабристского движения оставались носителями феодально-крепостнических пережитков и так и не смогли их преодолеть. Эти соображения Дружинина свидетельствовали о дальнейшем развитии его представлений в области истории декабризма. Автор стремился учесть «все нюансы борьбы в тайном обществе накануне переворота, осветить сложный и противоречивый процесс выработки основных решений и представить само выступление с разных точек зрения...» [9, с. 61].

5 января 1951 г. на заседании Научного Совета Центрального государственного исторического архива, которое было посвящено 125-летию со дня восстания декабристов, Н.М. Дружинин выступил с докладом на тему: «Новейший этап советского декабристосведения» [1].

Доклад имел историографический характер. Важно отметить, что в 1951 г. еще не была опубликована фундаментальная работа М.В. Нечкиной с историографическим введением. Поэтому доклад Н.М. Дружинина был вполне оправданным, нес в себе несомненный элемент новизны. Для настоящей работы ценность доклада заключается в том, что в нём проступают черты концепции декабризма, принадлежавшей самому докладчику.

По мнению историка, научное исследование движения декабристов включает в себя ряд этапов. Первый этап (1825-1905 гг.) характеризуется ограниченностью источников: «в распоряжении исследователей находился очень узкий круг материалов, - преимущественно, правительственные документы, которые искаженно рисовали события; после

1861 г. к ним прибавились субъективные мемуары участников движения» [1, л. 9]. Именно по этой причине на этом этапе у исследователей не было возможности дать ясное и четкое представление о декабристском движении. Среди работ этого периода ученый выделяет реакционную книгу М.А. Корфа» [7], «который пытался оправдать Николая I, клеветнически изобразив декабристов и их движение» [1, л. 9], и монографию А.Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I» [8], которая была проникнута сочувствием к декабристам и давала «либеральное, искажающее толкование их движению» [1, л. 9].

Второй этап (1905-1917 гг.) в изучении истории декабристского движения связан с появлением широкого круга ранее не доступных архивных материалов, прежде всего следственных дел декабристов и программных документов Н. Муравьева и П. Пестеля. На основе опубликованных и архивных источников появляется целый ряд новых, более прогрессивных исследований. Среди них Н.М. Дружинин выделяет работы М.В. Донвар-Запольского, П.Е. Щеголева и В.И. Семевского [8], но главная для ученого особенность этого периода заключалась в том, что «в это время зазвучало и слово Ленина: в ряде его статей, появившихся после 1905 г., мы уже имели определенную, совершенно ясную и точную характеристику декабристского движения с позиций революционного марксизма-ленинизма. К сожалению, эти суждения Ленина в то время не были поняты и осмыслены...» [1, л. 10].

Наступление нового третьего этапа (1917-1935 гг.) в изучении обозначенной темы, по мнению Н.М. Дружинина, было связано с октябрьскими революционными событиями. В этот период темы, связанные с критикой и тем более с открытым выступлением против самодержавной власти, поддерживались большевиками, которым было необходимо показать закономерность и значимость произошедших в государстве перемен. Н.М. Дружинин обращает внимание на появление новых источников, широкую открытость государственных архивов для исследователей. Это давало возможность поставить «новые» проблемы, которые представляли ценность для марксистской ме-

тодологии «впервые была сделана попытка показать социально-экономическую базу движения декабристов, доказать его органическую связь с русской жизнью...понять всю сложность движения дворянских революционеров, понять, каким трудным и длительным был процесс формирования буржуазно-революционной идеологии декабристов...» [1, л. 11-12]. В то же время, с точки зрения Н.М. Дружинина, этот период декабристоведения характеризуется влиянием со стороны неправильной концепции М.Н. Покровского. Как считал ученый, М.Н. Покровский исходил из неверных методологических основ, упрощенно объясняя движение декабристов: «Попытка непосредственно, примитивно связать движение декабристов и их восстание с экономическими процессами эпохи, в частности, с движением хлебных цен и с кризисом 1820-х годов, привела Покровского и его последователей к неверной оценке движения декабристов» [1, л. 12].

С 1935 г., как считал Н.М. Дружинин, начинается процесс освобождения советской исторической науки от неправильной, упрощенной и антиленинской методологии понимания декабристского движения. Именно в 1935 г. берет свое начало последний, четвертый, этап декабристоведения и продолжается до современного на тот момент времени. Главные особенности этого этапа заключались в критике и опровержении исторических взглядов М.Н. Покровского и в активном внедрении в науку «нового» ленинского тезиса о декабристах, как дворянских революционерах.

Далее Н.М. Дружинин останавливается на объяснении основных принципов ленинской концепции декабризма, в которой декабристы - это дворянские революционеры, стремившиеся к свержению самодержавия и преодолению феодальной формации. Главная причина поражения декабристов заключалась в их неспособности избавиться от дворянской идеологии: «неспособность дворянских революционеров стать революционерами недворянскими, т.е. сбросить с себя тормозящее бремя прошлого – объясняет нам причины неудачи самого восстания» [1, л. 14]. Таким образом, важнейшая черта в истории движения декабристов заключалась в процессе освобождения взглядов декабристов от феодальных пережитков.

Н.М. Дружинин слишком резко (в духе времени) отмежевал один период изучения декабристов от другого. При всех упрощениях и раздувании экономических причин выступления декабристов М.Н. Покровский все же был марксистом, и его общие подходы к истолкованию декабризма оставались в исторической науке. В частности, его определение декабристов как дворянских революционеров оставалось незыблемым для более поздних исследователей.

Следующая часть доклада была посвящена характеристике основных направлений в развитии современного декабристоведа. Дружинин выделил три таких направления, исходя из тех тем, которые разрабатывали историки. Целью первого было формирование представлений о декабристах как революционерах. Исследователи старались раскрыть революционные стороны декабристского движения и «вместе с тем дать анализ взаимной борьбы течений под углом зрения неравномерного изживания феодально-дворянских пережитков, которые несли в себе дворянские революционеры» [1, л. 16].

Второе направление было посвящено раскрытию влияния политических взглядов декабристов на другие сферы идеологии, на культурную жизнь российского общества. «Экономические вопросы, вопросы исторической методологии, вопросы военного дела, вопросы литературы и искусства – были подвергнуты анализу исследователей, имевших специальную подготовку в соответствующей области» [1, л. 16]. Изучение этих вопросов позволило по-новому взглянуть на понимание всей широты идеологического влияния декабристов на развитие русской культуры XIX в.

Третье направление поставило «самую главную, самую важную проблему... взаимоотношений дворянских революционеров и народа. Был заново пересмотрен вопрос о революционной тактике декабристов» [1, л. 16-17].

Такой подход к историографическому материалу создавал впечатление полного единства среди советских историков в восприятии декабристского движения. В реальности это было не совсем так. Достаточно указать на то, что Н.М. Дружинин и М.В. Нечкина по-разному воспринимали декабристов, каждый из них иначе оценивал степень их революци-

онности. Так, например, анализируя диссертационные исследования Н.М. Лебедева и К.В. Пигарева, посвященные левому крылу Северного общества, возглавлявшееся К.Ф. Рылеевым, Дружинин обратил внимание слушателей доклада, что авторам удалось выяснить, как происходила смена течений в недрах Северного общества, «как с приходом Рылеева повеяло новым духом в Северном обществе,... как вокруг Рылеева смыкается группа единомышленников, формируются взгляды, в которых не сказываются в такой степени феодально-дворянские пережитки, как у представителей умеренного течения» [1, л. 20]. Именно эта группа была охвачена боевым настроением, республиканскими взглядами и радикальными идеями вплоть до организации цареубийства. Оценивая выводы ученых, Николай Михайлович считал, что в работе недооцениваются колебания и внутренние противоречия рылеевской группы, «особенно на последнем этапе, – накануне восстания и во время восстания. И эти революционеры, если мы глубже вдумаемся в источники, оказались в зависимости от более умеренного течения. Тем не менее, важна мысль о том, что рылеевская группа изменила характер Северного общества и по существу подготовила объединение между севером и Югом. Если бы не восстание, такое объединение, вероятно, произошло бы» [1, л. 21].

Выводы Н.М. Дружинина показывают убежденность историка в единстве общего революционного потока, который несло в себе тайное общество: «Здесь не было каких-то исключаящих друг друга классовых группировок. Тут всюду – и в Северном обществе, и в Южном обществе, и в Обществе соединенных славян одинаково выступали дворянские революционеры, стоявшие на буржуазно-революционной позиции, противопоставлявшие эту позицию существующему феодально-крепостническому строю... эти революционеры были скованы в той или иной мере пережитками феодально-дворянского мировоззрения» [1, л. 21]. Таким образом, историк исходил из революционного характера движения, но с другой стороны он обращал внимание на то, что многие декабристы в силу своих социальных позиций, в разной степени были связаны со своей при-

надлежностью к дворянскому сословию, которая и была источником разногласий и внутренней борьбы в недрах тайного общества.

Заключение. Доклад Дружинина показывает, что в 1950-е гг. у него сохранился интерес к изучению проблем истории декабризма. Историк не только внимательно и с присущей ему скрупулезностью проанализировал существовавшие на тот момент времени направления в советском декабристоведении, но и выдвигал собственные научные оценки, суждения и концептуальные обобщения.

Содержание доклада Н.М. Дружинина отражает развитие советской исторической науки в послевоенное время, которая стремилась преодолеть дореволюционные традиции понимания исторического процесса. Празднование наиболее важных юбилейных дат становилось формой давления со стороны власти и управления исторической наукой. Круг этих дат определялся соответствующими государственными органами и в рамках четких идеологических критериев. Особое внимание уделялось революционным событиям, к которым относилось восстание декабристов. История декабристского движения и в особенности их радикальные идеи давали возможность построить еди-

ную революционную линию борьбы с самодержавной монархией. Советская историческая наука формировала идею преемственности и закономерности исторического процесса, и в этом контексте очень важным было показать декабристов как носителей новой революционной идеологии.

В докладах и работах Н.М. Дружинина в 1940-1950-е гг. содержатся четкие и ясные убеждения историка в единственно верном понимании обсуждаемых событий – марксистско-ленинском. Исследования историка показывают, что его научные интересы в указанный период не ограничивались изучением социально-экономических процессов в русской деревне. Историческая мысль Н.М. Дружинина работала не только в направлении анализа существовавших трудов по истории декабризма, но и в выдвижении собственных исследовательских позиций по различным аспектам общественного движения. В рамках советской исторической традиции Н.М. Дружинин в духе времени, но не в той же (радикальной) степени, что Нечкина, несколько идеализировал декабристов, завышал уровень их движения, преувеличивал масштабы и роль событий на Сенатской площади.

Список литературы

1. Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 129.
2. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
3. Дружинин Н.М. И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.
4. Дружинин Н.М. Рец. на кн.: М.В. Нечкина. А.С. Грибоедов и декабристы. М., 1947 // Вопросы истории. 1947. № 12.
5. Дружинин Н.М. Программа северных декабристов // Известия Академии наук СССР. Сер. истории и философии. М., 1951. Т. VIII. №1.
6. Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1907., Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909., Щеголев П.Е. Первый декабрист Вл. Раевский. Спб., 1906.
7. Корф М.А. Восшествие на престол Императора Николая I. СПб, 1857.
8. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб, 1900.
9. Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н. М. Дружинин против М. В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. 2015. Вып. 4. Сер. 2. СПб.

N.M. DRUZHININ'S WORKS ABOUT THE DECEMBRISTS IN THE 1940s AND 1950s.

The development of historical science at its present stage is inextricably linked with the use of the achievements of previous generations of historians. The life and work of outstanding scientists will always attract the attention of those who want to understand the history of science and appreciate the contribution that they have made with their research work to the further development of historical science. The problem of studying the scientific community represented by its prominent representatives is relevant for modern science. An important and unresolved task so far is to solve the question of

what is scientifically valuable in their heritage, and what is a tribute to time and has already lost its scientific significance. This task must be solved by considering separately the legacy of a scientist, tracing the evolution of his views throughout his creative life. The article highlights the little-studied facts of N.M. Druzhinin's scientific biography. The scientific heritage of academician N.M. Druzhinin mostly includes works in the field of socio-economic.

Keywords: the concept of the Decembrist movement, N.M. Druzhinin's report, research methodology, trends in Soviet Decembrist studies.

References

1. Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1604. Op. 1. D. 129.
2. Bokova V.M. The Era of secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century, M., 2003.
3. Druzhinin N.M. I.D. Yakushkin and his Lancaster school // The revolutionary movement in Russia in the XIX century. M., 1985.
4. Druzhinin N.M. Rec. in the book: M.V. Nechkina. A.S. Griboyedov and the Decembrists. M., 1947 // Questions of history. 1947. No. 12.
5. Druzhinin N.M. The program of the Northern Decembrists // *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Ser. istorii i filosofii*. M., 1951. Vol. VIII. No.1.
6. Dovnar-Zapolsky M.V. The ideals of the Decembrists. M., 1907., Semevsky V.I. Political and social ideas of the Decembrists. St. Petersburg., 1909., Shchegolev P.E. The first Decembrist Vl. Rayevsky. St. Petersburg., 1906.
7. Korf M.A. The accession to the throne of Emperor Nicholas I. St. Petersburg, 1857.
8. Pypin A.N. Social movement in Russia under Alexander I. St. Petersburg, 1900.
9. Safonov M.M. From the history of the creation of the Soviet concept of the Decembrist Uprising (N. M. Druzhinin vs. M. V. Nechkina) // *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2015. Issue 4. Ser. 2.

Об авторе

Жибоедов Вадим Владимирович – магистр социально-экономического и исторического образования, аспирант Брянского Государственного Университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: zhib-vadim@ya.ru.

Zhiboyedov Vadim Vladimirovich – Master of Socio-economic and Historical Education, postgraduate student of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: zhib-vadim@ya.ru.

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва)

ОСАДНЫЕ ГОРОДИЩА ПРУССОВ

В предлагаемой статье собраны данные о прусских городищах, по своим признакам использовавшихся пруссами при осадах орденских замков в XIII в. Эти фортификационные сооружения могут быть охарактеризованы следующим образом: при осадах пруссы использовали городища в качестве опорных пунктов для дислокации своего ополчения и, возможно, для блокирования связи осаждённых с внешним миром. Осадными городищами становились как поселения, основанные пруссами до агрессии Ордена в рамках освоения территорий к востоку от своего племенного ареала, так и городища, созданные в ходе осадных операций. В последнем случае устроенные наспех городища, не обработанные должным образом, не были приспособлены для размещения значительного количества воинов. Указанные выше особенности осадных городищ пруссов, а также отсутствие базовых знаний западных балтов относительно современных по тому времени принципов военного искусства (несмотря на похвалу пруссов со стороны Петра фон Дусбург, бывшую, скорее всего, фигурой речи для текста хроники) не привели к успеху осадных мероприятий пруссов. Ни один серьёзный орденский замок не был ими взят в результате правильной осады. Этот аспект сыграл отрицательную роль в борьбе пруссов с крестоносной агрессией и стал в конечном итоге залогом их поражения в полувековой борьбе. Показательно то, что представленные в статье осадные городища расположены, как правило, на восточной окраине Самбии, центра прусского племенного ареала, или же к востоку от него, но освоенных пруссами землях. Правда, покорённые к кон. XIII в. жители Самбии уже не были способны на осады орденских замков и не могли сооружать осадные городища.

Ключевые слова: пруссы, Самбия, осада, городища, Тевтонский Орден.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-83-91

Борьба пруссов с агрессией Тевтонского Ордена на землях юго-восточной Балтии длилась 50 лет и была завершена уже в ятвяжском племенном ареале в 1283 г. Если все аспекты прусской культуры до нач. XIII в. довольно неплохо изучила отечественная археология за последние десятилетия, то процесс сопротивления пруссов Орденским войскам европейскими археологами не изучен. Введением в процесс изучения прусских древностей XIII в. может стать анализ городищ, созданных пруссами для осады орденских замков.

Выявление городищ, созданных на исходе развития прусской археологической культуры и просуществовавших краткий отрезок времени, крайне важно. До сих пор археологи, занимающиеся изучением древностей юго-восточной Балтии, этот аспект не учитывали. В частности, из-за этого недавно появилось исследование, в котором прусские раннесредневековые городища (благодаря малому числу их раскопок датировка городищ не всегда надёжна) в массе своей коррелируются с «синхронными» грунтовыми могильниками [7, р. 36]. На самом деле приведённые в данной работе городища могли быть построены в разное время и не всегда

являлись связанными с могильниками поселениями, но могли служить сугубо фортификационным целям.

Первый замок крестоносцев Elbing был основан в 1237 г. на западной окраине традиционного прусского ареала. Второй замок был основан на месте прусского святилища (?) Хонед в 1239 г. [6, S. 122]. Этот замок располагался на северо-западной оконечности острова, отделённого от материка заболоченным проливом. Петр фон Дусбург сообщает о том, что осадой городища Хонед (хронист его называет «Бальга») и основанием орденского укрепления на месте городища руководил Великий Магистр Ордена Герман фон Зальца [4, с. 59]. Штурм Хонеды был облегчён для нападавших предательством прусского вождя Кодруна, перешедшего на сторону Ордена. Как упоминает хронист, крестоносцы взобрались на стены городища по штурмовым лестницам [4, с. 59]. Надо полагать, стены Хонеды были сооружены по традиционной для пруссов манере: двойной частокол с забутовкой из земли и камней (**рис. 1**). Вождь Пиопсо с наскоро собранным прусским ополчением попытался с ходу отбить захваченное крестоносцами городище, но пал, сражённый тевтонской стрелой на

подступах к Бальге. Вскоре новые обитатели замка решили построить «за мостом через озеро» [4, с. 59] водяную мельницу у холма Lindenberg, укрепив её от нападений. Это – свидетельство наличия в нач. XIII в. пролива, отделявшего остров Бальга от материковой суши. Юго-восточные подступы к замку Бальга прикрывало

Городище Schneckenberg (нем. «Улиточная гора»). Судя по своему названию, это городище было укреплено спиральным в плане валом, что является признаком прусских городищ, бывших в предорденское время местом сбора местного ополчения [2, с. 96]. После возведения первых, деревянных сооружений замка Бальга крестоносцы основали на месте городища Schneckenberg укрепление, перекрывавшее доступ к Бальге через заболоченный пролив. Судя по своему названию, это городище было укреплено спиральным в плане валом, что является признаком прусских городищ, бывших в предорденское время местом сбора местного ополчения [2, с. 86]. В IV-V вв. площадка городища была занята прусским грунтовым могильником, о чём говорит сделанная здесь в XVIII в. находка трупосожжения в крупной урне, в которой с обломками кальцинированных костей была обнаружена полированная янтарная бусина, точёная на токарном станке [8, S. 552]. В 1240 г. рыцари Бальги обновили укрепления городища и разместили на нём небольшой гарнизон, включавшем знатного прусса Гертвига [4, с. 60]. Кроме того, южные подступы к замку Бальга перекрывала укреплённая мельница, построенная крестоносцами на холме Lindenberg «за мостом через озеро» [4, с. 59], т.е. – на берегу заболоченного пролива.

Весной восставшие против Ордена пруссы решили блокировать замок Бальга, бывший для тевтонских рыцарей воротами, открытыми вглубь Пруссии. Для этого пруссы, используя свои весьма ограниченные знания относительно осадного искусства, соорудили на занятой дремучим лесом Albeha материковой второй надпойменной террасе серию городищ (**рис. 2**). Два из них располагались на краю второй надпойменной террасы и были оборудованы на левых высоких берегах небольших ручьёв, впадавших в заболоченный пролив, отделявший остров с

замком Бальга от материка. Первое из этих городищ -

Городища Skrando kalns, в уроч. Schrangenberg, расположено на юго-восточной окраине пос. Gr. Hoppenbruch/Знаменка, отмечено в списке Г. Кроме [5, S. 119, 120]. Городище располагалось, судя по карте (**рис. 2**), у самого возвышенного участка заболоченного пролива, у «моста», упомянутого Петром фон Дусбург (см. выше). Судя по названию (прусс. «Городище Скрандо»), данное городище было названо по имени некоего прусса Skrando.

Вторым из осадных укреплений пруссов было сооружено

Городище Partegal, XIII в., расположено на северной окраине пос. Partainen/Московское, на мысу высокого левого берега безымянного ручья. Площадка городища в плане имеет трапециевидную форму, вытянутую практически по линии север-юг, разм. 120 x 80 м, высотой от подошвы городища до 9 м (**рис. 3**). С южной, напольной стороны городище укреплено валом высотой до 2,5 м, в своей юго-восточной части прорезанным древним въездом. По периметру площадка городища в древности была ограничена валом, практически полностью заплывшим. Склоны городища были эскарпированы в древности. В шурфе на площадке был обнаружен культурный слой - коричневая супесь, мощностью 0,3 м, не содержащий находок. Городище отмечено в списке Г. Кроме [5, S. 98], обследовано Кулаковым В.И. [12].

В глубине прусской территории, к юго-востоку от замка Бальга, формально – во втором ряду осадных сооружений пруссы устроили

Городище Rauschnik, расположено в уроч. Hünenberg, в 0,625 км к северо-западу от пос. Rauschnik/Тимирязево (**рис. 4**), на мысу, образованном при впадении в р. Мельничную двух безымянных ручьёв, её левых притоков. Городище имеет площадку серповидной формы, вытянутой по линии север-юг, размерами 75 x 28 м, высотой от уровня вод реки 14 м. Мысовая, северная часть площадки размерами 20 x 14 м (уровень – на 3 м ниже основного уровня площадки) в результате сооружения эскарпа отделена от основной части площадки. В шурфе на площадке

городища обнаружен лесной подзолистый слой – тёмно-серая супесь, мощностью 0,2 м, лишённый находок. Городище отмечено в списке Г. Кроме [5, S. 109], обследовано Кулаковым В.И. [14]. В орденских письменных источниках данное городище не упоминалось и, возможно, не было задействовано пруссами в ходе военных действий.

Как следует из специфики городищ (Skrando kalns и Partegal), представленных выше, два из них использовались пруссами ранее. Судя по структуре их площадок, они сооружались основательно, на оформление площадок и эскарп их склонов были израсходованы большие трудозатраты. Правда, Петр фон Дусбург сообщает о том, что перед началом осады Бальги пруссы под руководством вождей из вармийского рода Гоботинов, соорудили два упомянутых городища [4, с. 60]. На самом деле эти городища были устроены пруссами ранее, но, судя по отсутствию находок в слое на их площадках, обжиты не были и в 1240 г. были приспособлены для осадных действий. Городище Rauschnik/Тимирязево было специально сооружено пруссами для осадных операций против замка Бальга. На это указывает крайне неудобные для жизни обитателей городища размеры и конструкция его площадки (рис. 4). Направленность городищ своими фронтальными частями в сторону замка указывают на осадное значение городищ. Правда, сомнительно, что лишь два городища могла создать действенную блокаду Бальге. При этом не следует забывать о том, что подкрепления и провиант гарнизону замка доставлялись из замка Эльбинг по воде залива. Однако и укрепление на месте городища Schneckenberg, и укреплённую мельницу Lindenberg пруссы смогли захватить. Путь на остров Бальга к орденскому замку был открыт.

Однако осаждённые получили помощь в виде отряда под водительством герцога Отто-Мл. фон Брайншвейг и Люнебург, который два года до этого момента уже пытался высадиться на острове Бальга. Прусс-предатель Поманде заманил своих бывших соратников в засаду, пруссы были разбиты и осада с замка Бальга была снята. Герцог Брауншвейгский с отрядом рыцарей, преследуя отступающих пруссов, взял штурмом и «обратил в пепел» их последний оплот – городище

Partegal [4, с. 61]. Так трагически для пруссов окончились их попутки отвоевать священное для них городище Хонед. Остров Бальга стал плацдармом для очередных завоевателей прусской земли – для рыцарей тевтонского Ордена.

Особый интерес среди городищ, использовавшихся пруссами при осаде замка Бальга, представляет собой Rauschnik/Тимирязево. Такие городища пруссов, отличающиеся узкой площадкой, слабо пригодной для долговременного размещения значительного количества жителей, были 30 лет тому назад мною выделены в тип Д. Нередко при их возведении внешняя часть валов и склонов городищ обмазывалась глиной и затем обжигалась, что, как правило, было характерно для восточных рубежей прусского племенного ареала [1, с. 9, 12].

Городища типа Д возводились пруссами не только в процессе борьбы с крестоносцами, но и в ходе освоения новых восточных территорий в XII – нач. XIII вв., уже за пределами традиционной племенной территории пруссов. Примером таких фортификационных сооружений может являться городище в уроч. Wollberg (рис. 5) к западу от Friedland/Правдинск (замок основан в 1335 г.), в немецкой историографии считавшееся святилищем [9, S. 59].

К югу от замка Neuhausen/Гурьевск, воздвигнутом в 1292 г., расположено городище Гурьевск, в кон. XIV в. занятое орденской мельницей [10, S. 155]. Городище расположено на мысу при впадении в р. Гурьевку её левого притока – безымянного ручья, на восточном берегу мельничного пруда. Площадка городища – миндалевидной в плане формы, разм. 100 x 40 м, выс. от уровня вод пруда 6 м. С востока и юга площадка укреплена валом выс. от 2 до 4 м. В северной части площадки сохранился въезд на городище, в южной части площадки – орденский (?) пандус, с юга ограниченный рвом глуб. 1 м. В юго-восточной части площадки видны остатки развалов стен мельницы, сложенных из валунов. На площадке открыт культурный слой – серая супесь, мощ. 0,3 м, не содержащий находок. Городище отмечено в списке Г. Кроме [5, S. 58, 59], обследован автором этих строк [13].

Пожалуй, кроме городищ, сооружённых для осады Бальги, остальные городища,

созданные пруссами в ходе борьбы за свободу и упомянутые выше, не упоминаются в орденских письменных источниках. Отсутствие находок в культурных напластованиях на площадках этих городищ также не позволяет выяснить характер их использования. Лишь с известной долей осторожности можно предполагать, что пруссы создавали этих фортификационные сооружения второпях, подвергаясь контратакам крестоносцев, предполагая использование осадных городищ как опорных пунктов в создании некоей блокады орденских замков.

Городища, эвентуально имеющие осадное значение, известны у замков Georgensburg/Маёвка (Черняховский р-н) и у замка Gross-Wohnsdorf/Курортное (Правдинский р-н). Их объединяет овальная в плане форма площадки, незначительный по высоте вал с напольной стороны и отсутствие находок в культурном слое. Городище Linken/Кошевое (Гурьевский р-н) расположено к северу от замка Waldau/Низовье и, возможно, было сооружено для его осады во время третьего «восстания» пруссов в 1260-1262 гг. [3, с. 189].

Петр фон Дусбург, описывая пруссов, осадивших замок Кёнигсберг в 1262 г., называл их «...людьми искушёнными и знающими военные тонкости» [4, с. 96]. Однако об осадном городище пруссов у замка Кёнигсберг ничего не известно. Своей базой осаждающие избрали остров Kneiphof (ныне неофициально именуемый «островом Канта») к югу от замка Кёнигсберг. К северу от острова был сооружён мост с деревянными осадными башнями. Однако эти сооружения не принесли пруссам успеха и осада замка были в конечном итоге сняты [4, с. 97].

На территории Калининградской обл. имеется уникальный памятник археологии, наряду с описанными выше городищами также имеющий значение осадного сооружения. Это – оборонительный вал, высящийся к западу от скальвского городища Paskallwen, сооруженного крестоносцами в 1293 г. на месте упомянутого городища. Замок осаждался литовцами, которым, видимо, и принадлежит зигзагообразный в плане вал (рис. 7) длиной 220 м и высотой до 5 м.

Если осадные городища пруссов после завершения их борьбы см Орденем были

заброшены и ныне пригодны для археологического изучения, то городища, созданные до сер. XIII в. и занятые орденскими замками и городища (замок Königsberg на месте городища Twangste, замок Tariau на месте городища Sugurbi, замок Domnau на городище с реконструированным именем Domnow) полностью застроены и зачастую их обнаружить на местности невозможно.

Итак, приведённые выше данные о прусских городищах, по своим признакам использовавшихся пруссами при осадах орденских замков в XIII в., позволяют их охарактеризовать следующим образом:

1. При осадах пруссы использовали городища в качестве опорных пунктов для дислокации своего ополчения и, возможно, для блокирования связи осаждённых с внешним миром.

2. Осадными городищами становились как поселения, основанные пруссами до агрессии Ордена в рамках освоения территорий к востоку от своего племенного ареала, так и городища, созданные в ходе осадных операций. В последнем случае устроенные наспех городища, не обработанные должным образом, не были приспособлены для размещения значительного количества воинов.

3. Указанные выше особенности осадных городищ пруссов, а также отсутствие базовых знаний западных балтов относительно современных по тому времени принципов военного искусства (несмотря на похвалу пруссов со стороны Петра фон Дусбург, бывшую, скорее всего, фигурой речи для текста хроники) не привели к успеху осадных мероприятий пруссов. Ни один серьёзный орденский замок не был ими взят в результате правильной осады. Этот аспект сыграл отрицательную роль в борьбе пруссов с крестоносной агрессией и стал в конечном итоге залогом их поражения в полувекковой борьбе.

4. Показательно то, что представленные в статье осадные городища расположены, как правило, на восточной окраине Самбии, центра прусского племенного ареала, или же к востоку от него, но освоенных пруссами землях. Правда, покорённые к кон. XIII в. жители Самбии уже не были способны на осады орденских замков и не могли сооружать осадные городища.

Список литературы

1. Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв., САИ, вып. Г1-9, М.: «Наука», 1990 - 167 С.
2. Кулаков В.И. Пруссы (V-XIII вв.), М.: «Геоэко», 1994 - 214 С.
3. Кулаков В.И. От Восточной Пруссии до Калининградской области, Калининград: «Бизнес-Контакт», 2002 - 287 С.
4. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской, СПб: «Ладомир», 1997 - 384 С.
5. Crome H. Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreußen // Prussia, Bd. 34, H. 1-2, Königsberg, 1940 - S. 5-140.
6. Guttzeit E.J. Der Kreis Heiligenbeil. Ein ostpreußisches Heimatsbuch. Leer: Rautenbergsches Buchhandlung, 1975 - 128 S.
7. Khomakova O.A. Sambian-Natangian hillfort in 1st-millenium AD settlement system of the southeastern Baltic region // Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organising Space to the Creation of Power, Bonn: Habelt-Verlag, 2022 - P. 35-49.
8. Reusch Chr. Fr. Nachricht von Preußischen Grab-Hügeln und Aschen-Töpfen // Erleutertes Preußen, Bd. III, Königsberg, 1725 - S. 551, 552.
9. Weise E. Friedland // Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreussen, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966a - S. 59, 60.
10. Weise E. Neuhausen // Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreussen, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966b - S. 155, 156.
11. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийского отряда в 1977 г., № 6184.
12. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1984 г., № 10266.
13. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1985 г., № 10913.
14. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1987 г., № 11895.

SIEGEHILLFORST OF THE PRUSSIANS

The proposed article contains data on Prussian settlements, according to their characteristics, used by the Prussians during the sieges of order castles in the 13th century. These fortifications can be characterized as follows: During sieges, the Prussians used the settlements as strongholds for the deployment of their militia and, possibly, to block the communication of the besieged with the outside world. Both the settlements founded by the Prussians before the aggression of the Order as part of the development of territories to the east of their tribal area, and the settlements created during siege operations became siege settlements. In the latter case, hastily built fortifications, not properly processed, were not adapted to accommodate a significant number of soldiers. The above features of the Prussian siege settlements, as well as the lack of basic knowledge of the Western Balts regarding the principles of military art modern for that time (despite the praise of the Prussians from Peter von Dusburg, which was most likely a figure of speech for the text of the chronicle) did not lead to the success of siege activities Prussians. Not a single serious order castle was taken by them as a result of a correct siege. This aspect played a negative role in the struggle of the Prussians against crusader aggression and ultimately became the key to their defeat in the half-century struggle. It is indicative that the siege settlements presented in the article are located, as a rule, on the eastern outskirts of Sambia, the center of the Prussian tribal area, or to the east of it, but the lands mastered by the Prussians. True, subjugated to the horse. 13th century the inhabitants of Sambia were no longer capable of sieges of order castles and could not build siege settlements.

Keywords: Prussians, Sambia, siege, settlements, Teutonic Order.

Reference

1. Kulakov V.I. (1990) Antiquities of the Prussians of the 6th-13th centuries, SAI, no. G1-9, M.: "Science" - 167 p.
2. Kulakov V.I. (1994) Prussians (V-XIII centuries), M.: "Geoeco" - 214 S.
3. Kulakov V.I. (2002) From East Prussia to the Kaliningrad region, Kaliningrad: "Business Contact" - 287 p.
4. Peter from Dusburg. (1997) Chronicle of the Prussian Land, St. Petersburg: "Ladomir", - 384 p.
5. Crome H. (1940) Verzeichnis der Wehranlagen Ostpreußen // Prussia, Bd. 34, H. 1-2,

Königsberg - S. 5-140.

6 Guttzeit E.J. (1975) Der Kreis Heiligenbeil. Ein ostpreußisches Heimatsbuch. Leer: Rautenbergsches Buchhandlung - 128 S.

7. Khomakova O.A. (2022) Sambian-Natangian hillfort in 1st-millennium AD settlement system of the southeastern Baltic region // Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organizing Space to the Creation of Power, Bonn: Habelt-Verlag - P. 35-49.

8. Reusch Chr. Fr. (1725) Nachricht von Preußischen Grab-Hügeln und Aschen-Töpfen // Erleutertes Preußen, Bd. III, Königsberg, - S. 551, 552.

9. Weise E. (1966a) Friedland // Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreussen, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag - S. 59, 60.

10. Weise E. (1966b) Neuhausen // Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreussen, Stuttgart: Alfred Kröner Verlag - S. 155, 156.

11. Archive of the IA RAS, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic detachment in 1977, No. 6184.

12. Archive of the IA RAS, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic expedition in 1984, No. 10266.

13. Archive of the IA RAS, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic expedition in 1985, No. 10913.

14. Archive of the IA RAS, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic expedition in 1987, No. 11895.

Подписи к рисункам

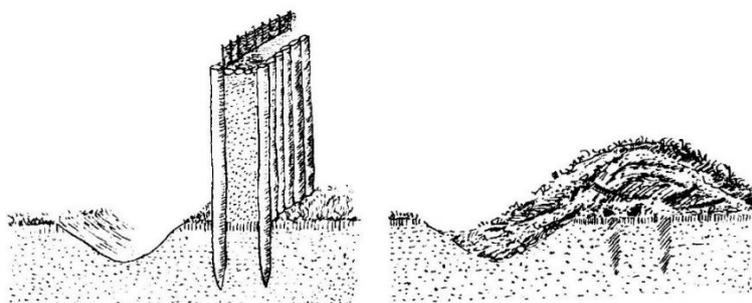

Рис. 1. Реконструкция оборонительной стены прусского городища (слева) и вид разрушенной стены в разрезе вала (справа). Реконструкция Е.И. Гуттцайта [6, Abb. 53].

Рис. 2. Осада пруссами замка Бальга в 1240 г.: а – болота, б – граница второй надпойменной террасы выс. 5 м. от уровня вод Вислинского залива; городища: 1 – Хонета (Бальга), 2 – Schneckenberg, 3 – Lindenberg, 4 – Skrando kalns (Schrangenberg), 5 – Rauschnik/Тимирязево, 6 – Partegal/Московское [2, рис. 95].

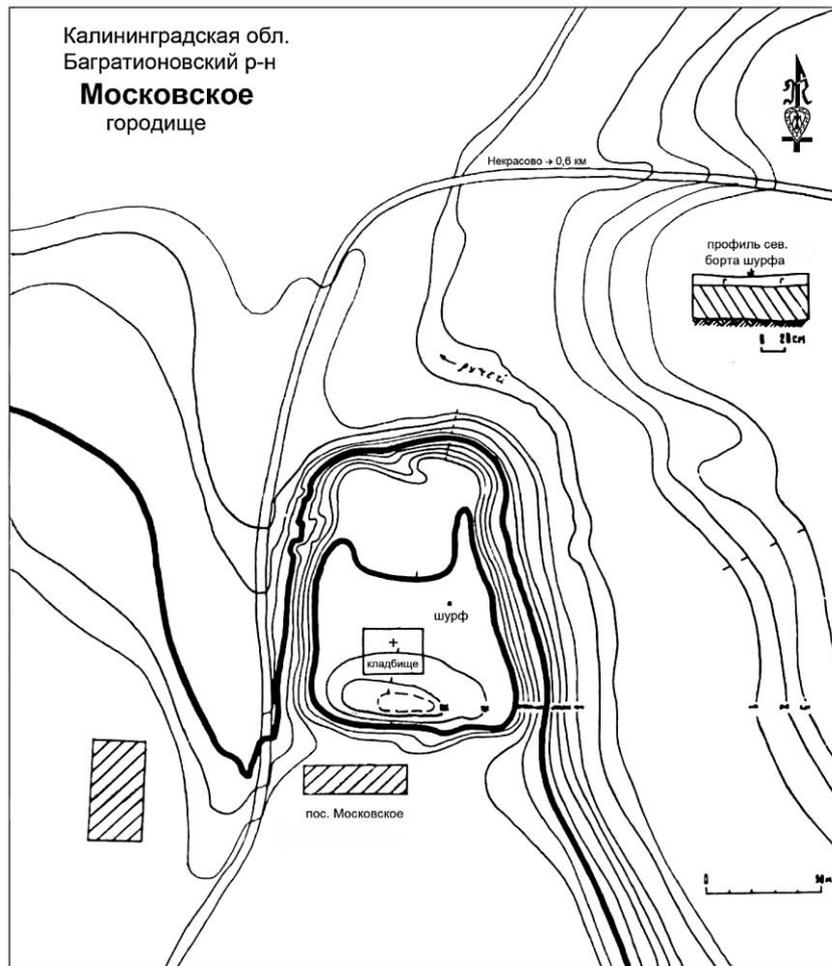

Рис. 3. План городища Partegal/Московское [12].

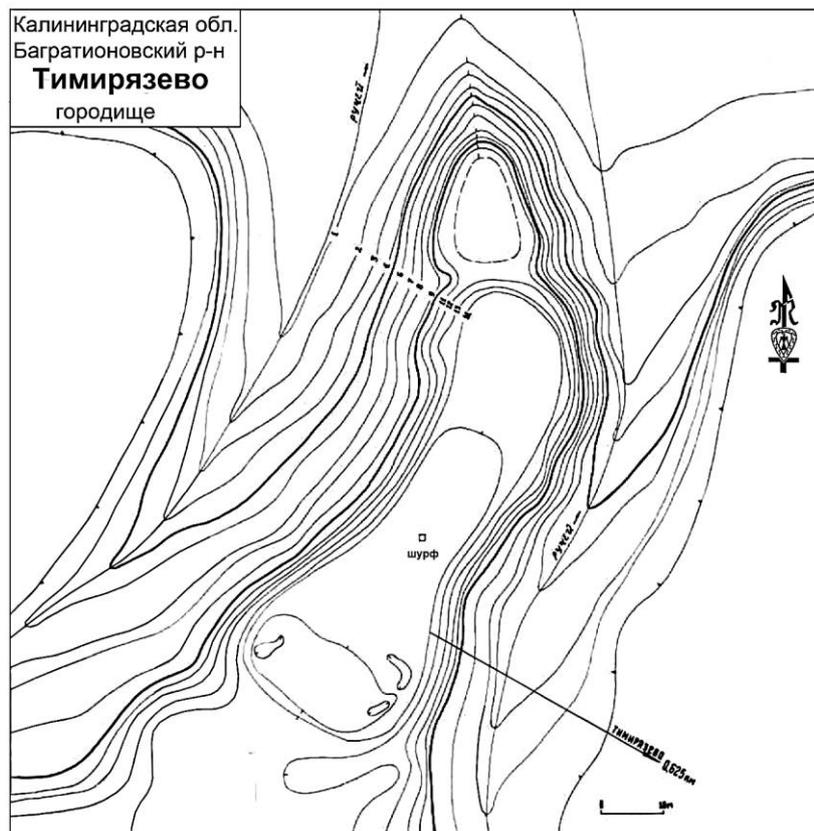

Рис. 4. План городища Rauschnik/Тимирязево [14].

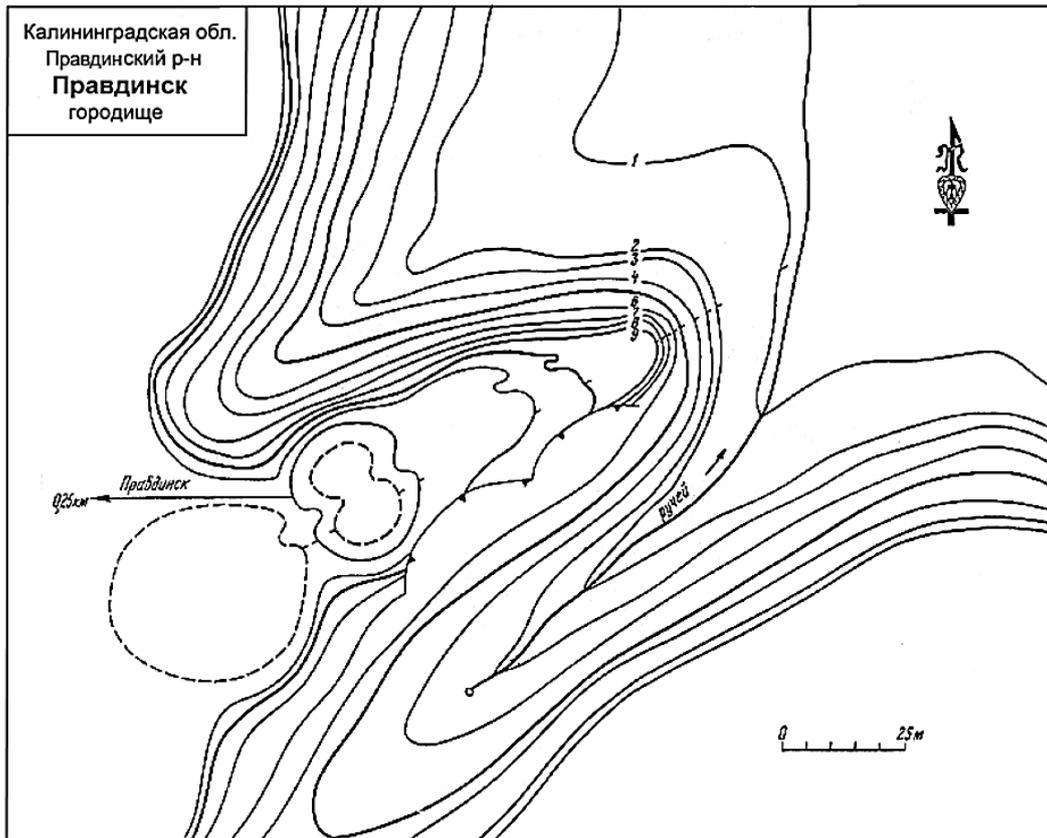

Рис. 5. План городища Friedland/Правдинск [1, рис. 5].

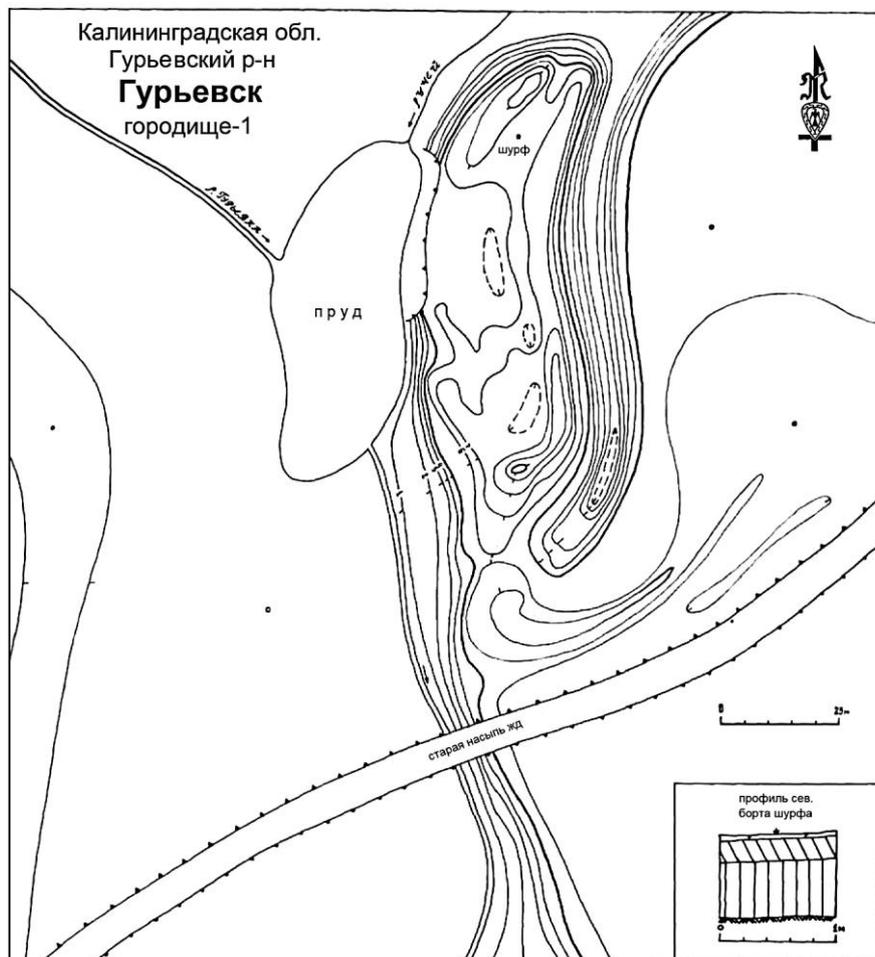

Рис. 6. План городища Neuhausen/Гурьевск [13].

Рис. 7. Вид с юга вала у городища Paskallwen [11].

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

Раковский Д.О., научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Государственный Русский музей (Россия)

ГОРОДСКАЯ ГАЛЕРЕЯ ПАВЛА И СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Во второй половине XIX в. многие крупные российские музеи открываются для посещения публикой. В этой связи становится важно проследить становление их роли в обществе и влияние на культурную память. В статье рассматриваются экспозиции Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых второй половины XIX – начала XX вв. с точки зрения их влияния на формирование культурной памяти и исторических представлений российского общества. В рамках исследования произведения искусства, выставленные в залах учреждения, были отобраны и распределены по историческим эпохам, которые они отражают: Библейская и раннехристианская история, Античность (до 476 г.), отечественное Средневековье (Допетровская Русь, до 1682 г.), зарубежное Средневековье (476–1500 гг.), Зарубежная история Нового времени (1500–1855 гг.), Новая Россия (1682–1855 гг.) и Современность (с 1855 г.). В рамках этого подхода автором был определен ряд наиболее популярных героев и событий истории, отраженных на экспозициях Третьяковской галереи, проведен анализ тех образов, в которых они демонстрировались через произведения искусства, а также определена доля каждой эпохи в информационном пространстве музея и их изменения во времени. Как показывают материалы настоящей статьи, Третьяковская галерея создавала новый визуальный образ национальной истории, отражающий заказ общества пореформенной России, в котором ведущую роль играли представители народа и «прогрессивной» интеллигенции, а не монархи и полководцы.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, мемориальные исследования, мемориальная политика, музеи второй половины XIX – начала XX вв., Третьяковская галерея, музейная экспозиция, memory studies.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-92-108

Введение. Исследователи уже давно затрагивают в своих работах вопрос влияния музеев на представления посетителей о прошлом и формирование культурной памяти [33]. Во второй половине XIX в. многие крупные российские музеи открываются для посещения публикой. В этой связи становится важно проследить становление их роли в обществе и влияние на историческую память населения.

В круг ведущих художественных российских музеев рассматриваемого периода входили Императорский Эрмитаж, Русский музей императора Александра III и Городская галерея Павла и Сергея Третьяковых. В ходе исследования нами были выдвинуты основополагающие предположения, что именно эти три музея имели наибольшее влияние на формирование представлений посетителей о прошлом¹. В предыдущих работах мы уже проанализировали экспозиции Эрмитажа [35; 36] и Русского музея [32; 34]. В данной статье мы проводим аналогичное исследование Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых, рассматривая, какой образ прошлого

транслировался учреждением посредством произведений искусства, выставленных в его залах в 1893–1916 гг.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является роль художественных музеев в культурной памяти российского общества.

Нами изучались каталоги экспозиций галереи за рассматриваемые годы. Среди всех произведений искусства отбирались те, которые несли наиболее существенную информацию об истории, значительно влияя на формирование представлений посетителей о героях и эпизодах прошлого. Из списка были исключены пейзажи, эскизы, работы, не связанные с историческими персонажами или событиями, а также экспонаты, сюжет которых на сегодняшний день проблематично определить, в связи с отсутствием информации об авторе или измененным названием музейного предмета.

Далее составлялись статистические таблицы по каждому исследуемому году. В данные таблицы вносились отобранные экс-

¹ Проанализировав дореволюционные и послереволюционные книги по истории искусств, нами было выявлено, что большинство произведений, иллюстрируемых в них, были представлены в собраниях именно данных трех музеев.

© Раковский Д.О.

© Rakovsky D.O.

понаты, которые распределялись по основным временным рамкам, иллюстрируемым сюжетами произведений. Затем нами добавлялась информация о числе предметов за каждый период, характере экспонатов, данные по основным действующим лицам и сюжетам и их описания. Эти таблицы послужили основой для составления сводных таблиц, для которых было необходимо произвести расчет количества повторений на экспозициях тех или иных исторических персонажей и событий и выявить наиболее часто встречающихся. Таким образом нам удалось выделить произведения искусства, на которых представлены наиболее популярные объекты памяти и провести анализ образов исторических персонажей и событий, которые демонстрировались через произведения искусства в залах Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых на рубеже XIX–XX вв.

В качестве основных источников выступили каталоги экспозиций галереи за 1893 и 1916 гг. [45; 48], литература по истории создания галереи и формированию ее коллекций [15; 16; 22; 27; 61; 62], журналы заседаний и отчеты Совета по управлению Третьяковской галереей [46; 47], путеводители [9; 42; 63] и альбомы произведений [12; 13; 18]. Разумеется, в качестве главного источника выступили сами произведения искусства, размещенные в залах Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых и доступные для обзора публикой.

Выставленные в залах галереи произведения искусства анализировались по выделенным и устоявшимся в научной литературе историческим периодам: Библейская и раннехристианская история, Античность (до 476 г.), отечественное Средневековье (Допетровская Русь, до 1682 г.), зарубежное Средневековье (476–1500 гг.), Зарубежная история Нового времени (1500–1855 гг.), Новая Россия (1682–1855 гг.) и Современность (с 1855 г.). Герои библейской истории и Античности были включены в исследование намеренно. Посетители музея воспринимали их как представителей античной культуры и античного мира. Даже мифологические/легендарные персонажи, тесно связанные в культурной памяти с

конкретной культурой/эпохой, отражали для них образ европейского и отечественного реально существовавшего прошлого.

Результаты и их обсуждение. Экспозиция Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых в 1893 году состояла из 1868 произведений. Среди них, согласно целям исследования, мы отобрали 354 экспоната – 18,95% от представленных в залах. Наибольшее число произведений относилось к Новой России (1682–1855 гг.) – 152 экспоната (42,94% от числа отобранных согласно цели исследования). На втором месте оказалась история Современной России (с 1855 г.) – 105 произведений (29,66%). На третьем – Библейская и раннехристианская история с 61 произведением (17,23%). Далее следуют другие эпохи: Допетровская Русь – 20 произведений (5,65%), Зарубежная история Нового времени – 7 произведений (1,98%), Античность – 6 произведений (1,69%), Зарубежная современность (с 1855 г.) – 3 произведения (0,85%) и Зарубежное средневековье – 1 произведение (0,28%)¹.

Что касается экспозиции Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых в 1916 году, то распределение исторических периодов произошло следующим образом. Согласно целям исследования, из представленных в залах 2965 произведений, нами было отобрано 616 (20,77% всей экспозиции). Самым популярным по демонстрирующим его произведениям историческим периодом осталась Новая Россия (1682–1855 гг.) – 235 экспонатов (38,15% от числа отобранных согласно цели исследования). На втором месте – Отечественная современность (с 1855 г.) – 172 произведения (27,92%). На третьем – Библейская и раннехристианская история – 148 произведений (24%). После следовали эпохи: Допетровская Русь – 33 произведения (5,36%), Античность – 15 произведений (2,44%), Зарубежная история Нового времени (1500–1855 гг.) – 9 произведений (1,46%), Зарубежная современность (с 1855 г.) – 5 произведений (0,81%) и Зарубежное средневековье – 3 произведения (0,49%)².

¹ Так как некоторые произведения мы относили сразу к нескольким историческим эпохам, их сумма не совпадает с 354, а число процентов превышает 100.

² Так как некоторые произведения мы относили сразу к нескольким историческим эпохам, их сумма не совпадает с 616, а число процентов превышает 100.

Если не учитывать персонажей библейской и раннехристианской истории, а также мифологических героев античности, то наиболее популярные личности и сюжеты в залах Третьяковской галереи будут следующие.

В 1893 г. это: Иван Грозный (встречался на 11 произведениях искусства), М.И. Глинка (4), Н.В. Гоголь (4) и Л.Н. Толстой (4). *Главными сюжетами же выступали:* сюжеты с Иваном Грозным (10) и «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» (8).

В 1916 г. *самые популярные персонажи:* Иван Грозный (встречался на 12 произведениях искусства), Н.В. Гоголь (8), Емельян Пугачев и «пугачевцы» (8), Л.Н. Толстой (6), Екатерина II (5), М.И. Глинка (5), В.А. Жуковский (4) и И.Н. Крамской (4). *Сюжеты:* «Отечественная война 1812 г.» (24), сюжеты с Иваном Грозным (10) и «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» (8).

Далее мы рассмотрим образы, в которых данных героев и перечисленные сюжеты видели посетители экспозиции.

Абсолютным победителем по числу представлений на экспозициях 1893 и 1916 гг. являлся Иван Грозный, олицетворяющий собой эпоху Допетровской Руси. Рисунки В.Г. Шварца «Шествие Ивана Грозного к заутрене» [54] и «Опочивальня Ивана Грозного» [53], созданные в 1863 г. – иллюстрации к роману А.К. Толстого «Князь серебряный» [38]. На них царь представлен в камерной обстановке старым, измученным человеком в окружении слуг. На работах «Иван Грозный на соколиной охоте, встречающий слепых» [55] и «Обряд поднесения перчатки Ивану Грозному на охоте» [56], выполненных в 1868 г., Иван IV изображен в дорогах одеяниях, верхом на коне. Он занимает центральное положение в обоих произведениях. Сопровождающие его всадники – разместились в правой части, встречающие – в левой. На рисунке «Пир у царя» 1862 г. [52] Грозный – с интересом взирает на веселящихся опричников. Он восседает на троне, рука крепко сжимает посох.

Нельзя не отметить, что самым популярным сюжетом с Иваном Грозным на экспозициях Третьяковской галереи в 1893 и 1916 гг. являлся эпизод убийства им своего сына в 1581 году. Роковой момент изобразил на своем знаменитом полотне И.Е. Репин в

1885 г. [3, с. 122–126] Царь, обезумевший от содеянного, обнимает умирающего Ивана. Грозный напуган и пытается зажать рукой нанесенную рану. Перед ними тот самый жезл, которым был нанесен удар царевичу [25, № 8408]. Картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» – пожалуй, один из наиболее знакомых памятников живописи для культурной памяти и массового исторического сознания русского общества [58; 1, с. 240, 256, 339, 391, 392, 402, 436]. Как отмечает Е.В. Анисимов: «эмоциональное воздействие картины на зрителей было необыкновенным. Ею восторгался и Лев Толстой, и многие художники, и критики, и простые люди» [3, с. 126]. В 1860-е гг. Н.С. Шустов и В.Г. Шварц же написали царя сидящим у тела Ивана. Его взгляд сосредоточен и отрешен. Одна рука покоится на подлокотнике, второй – у Шварца – Грозный сжимает простыню, которой накрыт его сын [25, № 21149]. У Шустова в опущенной руке царя книга [60].

Гравюра А.И. Шарлеманя (также 1860-х гг.) изображает юного Ивана Грозного, произносящего речь на лобном месте в 1550 году. Он обращается к митрополиту Макарию, указывая рукой в небо. Под балконом расположились подданные [51].

Единственной скульптурой, представляющей Ивана IV в залах Третьяковской галереи в 1893 и 1916 гг. было произведение М.М. Антокольского 1875 г. На ней царь облачен в монашеские одежды, одна рука сжимает подлокотник, во второй – четки. Посох в ярости воткнут в землю рядом с тронном. Иван погружен в свои мысли, на его коленях покоится забытая книга [25, № 9135].

В 1916 году к вышеупомянутым произведениям добавляется картина В.М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» 1897 г., изображающая царя в полный рост. Он – в роскошных одеяниях – спускается по ступеням своих палат и смотрит как бы сверху вниз на зрителя [25, № 22059]. Четки в правой руке царя подчеркивают его религиозность [26, с. 151].

Итак, Иван Грозный на экспозициях Третьяковской галереи в 1893 и 1916 гг. на большинстве произведений представал перед посетителями в виде несчастного, умудрен-

ного опытом и отягощенным тяжелыми событиями прошлого бородастым старцем. Полотно и скульптура отражали неоднозначный психологический образ царя, который, несмотря на свою «грозность», все-таки имел и положительные черты характера. В то же время доминирующий посыл (тема «сыноубийства») закреплял у посетителей галереи соответствующие исторические представления об этом монархе. По числу изображающих его экспонатов Иван IV существенно опережал всех остальных героев, отобранных нами в результате исследования.

Период Новой России (1682–1855 гг.) демонстрировался через таких творцов культуры, как М.И. Глинка, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, а также политических деятелей – Екатерину II и Е.И. Пугачева.

М.И. Глинка изображался в основном через поясные портреты, показывающие разные периоды жизни и его трансформацию от 20-летнего талантливого юноши до великого русского композитора [10; 11; 43]. На картине И.Е. Репина 1887 г. М.И. Глинка предстает перед зрителем в процессе написания оперы «Руслан и Людмила». Он лежит на диване в домашнем халате, сосредоточенно постукивая карандашом по губам. Все это, а также разложенные по столу бумаги и пустой стакан с забытой в нем ложкой создают реалистичную, домашнюю атмосферу, в которой создавалось знаменитое произведение [25, № 20959]. В 1916 г. к вышеперечисленным экспонатам добавился еще один – рисунок Н.А. Степанова «М.И. Глинка у Стуньевых».

Н.В. Гоголь на экспозиции Третьяковской галереи практически на всех произведениях был, напротив, героем различных сюжетов. На работе В.Г. Перова 1873 г. самого классика русской литературы среди героев его произведений найти с первой попытки не представляется возможным [28]. Также на полотне А.И. Иванова «Переправа Н.В. Гоголя через Днепр» 1845 г. мы понимаем, кто перед нами, только благодаря названию произведения [17]. Картина И.Е. Репина 1909 г. «Самосожжение Гоголя» демонстрирует писателя в момент сильного душевного потрясения во время сожжения второго тома «Мертвых душ». Его измученное лицо освещено всполохами камина, безумные глаза обращены к небу. Рубашка расстегнута, слуга,

пытаясь предотвратить непоправимое хватает Гоголя за руку [41].

Помимо вышеперечисленных произведений, изображающих Н.В. Гоголя, последний предстал на двух портретах Ф.А. Моллера, выполненных для матери писателя, а также рисунках К.И. Рабуса (1840-е гг.) и В.А. Рачинского (1852 г.). В отличие от остальных, портреты Моллера показывали Н.В. Гоголя энергичным, веселым юношей с блеском в глазах [24]. К.И. Рабус изобразил писателя в его последние годы. Это можно заметить по сутулости Н.В. Гоголя и отсутствию эспаньолки, которую тот не носил под конец жизни [31; 30, с. 20]. Карандашный же набросок В.А. Рачинского демонстрирует писателя на смертном одре – в профиль, с лавровым венком на голове [37].

В 1893 г. Н.В. Гоголь изображался на четырех произведениях: работах К.И. Рабуса, В.Г. Перова и двух портретах-копиях Ф.А. Моллера. К 1916 г. к ним добавились полотна А.И. Иванова и И.Е. Репина, а также два схожих рисунка В.А. Рачинского.

Н.В. Гоголь на экспозициях Третьяковской галереи имел образ человека незаурядного и, в какой-то степени, даже мистического, героя своих же собственных произведений. Можно предположить, он производил впечатление талантливого, страдающего и эмоционального писателя.

Поэта В.А. Жуковского посетители Третьяковской галереи наблюдали на портретах Г.Р. Рейтерна (1833 г.), К.П. Брюллова (1838 г.) и Г.Г. Чернецова (1832 г.). В 1916 г. к ним добавляется портрет работы Н.С. Волкова (1850 г.). Произведение кисти К.П. Брюллова изображает знаменитого поэта сидящим на стуле, со скрещенными руками на коленях и наклоненной головой к правому плечу. Его внимательный и грустный взгляд обращен на зрителя [5]. История портрета замечательна. Художник обратился к В.А. Жуковскому с просьбой помочь в выкупе Т.Г. Шевченко – талантливого молодого художника и поэта – из крепостных [4, с. 297, 312–313]. Т.Г. Шевченко работал маляром в мастерской Петербурга и посещал учебные залы Общества поощрения художников. Он находился в собственности помещика Энгельгардта, который потребовал за него вы-

куп в размере 2500 рублей. Чтобы собрать необходимую сумму, К.П. Брюллов пишет данный портрет В.А. Жуковского и разыгрывает его в лотерею в Аничковом дворце.

Г.Г. Чернецов же изобразил поэта в Летнем саду в окружении И.А. Крылова, А.С. Пушкина и Н.И. Гнедича [50]. Впоследствии литераторы были перенесены без изменений на полотно 1837 г. «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицынском лугу в Петербурге».

Таким образом, галерея не только привлекала внимание к выдающимся представителям русской культуры, закрепленных в пантеоне деятелей литературы и искусства (в галерее присутствовали также портреты А.С. Пушкина, И.А. Крылова, В.Г. Белинского, Н.М. Карамзина, А.Г. Варнека, П.А. Федотова, К.П. Брюллова и др.), но, отчасти и конструировала их биографии и создавала связанные с ними «культурные мифы».

Императрица Екатерина Великая предстала перед зрителями галереи на портретах Е.П. Чемесова (вторая половина XVIII в.) и В.Л. Боровиковского. В 1916 г. в экспозицию Третьяковской галереи вошли еще три произведения: «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» Н.Н. Ге (1874 г.) и два бюста (мраморный и бронзовый) за авторством Ф.И. Шубина (вторая половина XVIII в.).

Карандашный рисунок Е.П. Чемесова демонстрирует императрицу по пояс, облаченную в траурные одеяния по кончине Елизаветы Петровны. Взгляд Екатерины II направлен за правое плечо зрителя, на губах – небольшая улыбка [49]. Екатерина на картине Н.Н. Ге изображена на церемонии по случаю кончины Елизаветы Петровны [3, с. 281–284]. Автор запечатлел будущую императрицу в центре полотна, на фоне мы можем увидеть удаляющегося Петра III, окруженного придворными и одетого в неподобающие случаю белые одеяния. Сам же момент мы можем истолковать как олицетворение грядущей смены власти. На это намекает и солдат, стоящий рядом с Екатериной, готовый защитить ее в любой момент, и лукавый взгляд самой будущей императрицы на зрителя [25, № 21429]. Ф.И. Шубин же представил Екатерину II в юности. Ее длинная коса спускается на правое плечо, голову венчает

лавровый венок [59].

Екатерина Великая на экспонатах Третьяковской галереи производила впечатление мудрой и сильной правительницы, которая заботилась о народе и использовала любые возможности для достижения своих целей.

Емельян Пугачев и его последователи также занимали существенное место в залах Третьяковской галереи в 1916 г. Все произведения, которые их изображали, были выполнены художником В.Г. Перовым: три портрета 1879 г., зарисовки «Голова» и «Фигура» Пугачева (1879 г.), а также карандашные рисунки «Казненные пугачевцы» (1878 г.) и «Пугачевцы конвоируют пленных» (1873–1875 гг.). С 1893 г. на экспозиции остался и один из вариантов знаменитой картины художника – «Суд Пугачева» (1875 г.).

Таким образом, посетители галереи могли лицезреть Пугачева и «пугачевцев» в виде безумных и страшных бунтовщиков, глядя в яростные глаза и на неопрятную бороду их предводителя [19, № 560986328]. «Пугачевцы» не гнушались проявлять насилие на пути к своим целям [29; 19, № 568841552]. На «Суде Пугачева» мы видим мрачный деревенский пейзаж, горящий город вдали, силуэты повешенных и птицы, пугливо улетающие от лысых веток. Повсюду царит хаос, на переднем плане есть раненные и пленные, которых привели к «Емельке» для признания в последнем Петра III. Отказавшихся ждет виселица. Сами бунтовщики воспринимаются как разбойники, преследующие собственные цели, не обращающие внимания на возможные жертвы на пути [29]. Крестьянское восстание 1773–1775 гг. было жестоко подавлено. Предводитель и его последователи получили страшную расплату за свой бунт. Для устрашения непокорных по Волге были спущены лодки с мертвыми «пугачевцами», болтающимися на виселицах [19, № 720590209]. Таким образом, какие-либо симпатичные черты в образе «злодея»/лидера крестьянской войны в представленных в коллекции полотнах найти нельзя.

Самыми популярными персонажами Современной России (с 1855 г.) являлись такие столпы культуры, как Л.Н. Толстой и И.Н. Крамской.

На экспозиции 1893 г. Л.Н. Толстой был

изображен на четырех полотнах. На портрете, выполненном И.Н. Крамским (1873 г.), писатель представлен вполоборота, лицом ко зрителю. Его руки покоятся на коленях [25, № 8459]. Данный портрет схож по композиции с аналогичным, написанным И.Е. Репиным, который изображает Л.Н. Толстого в более поздние годы жизни [40].

«Портрет писателя графа Л.Н. Толстого» Н.Н. Ге (1884 г.) демонстрирует литератора, полностью поглощенного трудом. Он предстает перед зрителями в домашней обстановке, за заваленным бумагами столом. Л.Н. Толстой сосредоточенно записывает свои мысли на листе, его лоб нахмурен [25, № 8454]. В отличие от остальных своих изображений, произведение И.Е. Репина «Л.Н. Толстой на пашне» (1887 г.) показывает писателя за иной, далекой от интеллектуальной, работой. Он одет в подпоясанную голубую рубаху и белую кепку. Л.Н. Толстой, как настоящий русский богатырь, ведет за лошадью плуг, его борода развеивается от сильного ветра [25, № 22083]. В 1916 г. к вышеупомянутым полотнам добавляются два бронзовых бюста писателя – П.П. Трубецкого (1899 г.) [25, № 9883] и Н.А. Андреева (1905 г.) [2].

Лев Николаевич Толстой предстал перед посетителями Третьяковской галереи мудрым, пронзительным человеком. Он не боялся тяжелой работы, был достаточно силен, чтобы с ней справиться. Знаменитый писатель не гнался за славой и роскошью, довольствуясь малым.

И.Н. Крамской был изображен на двух портретах 1874 г., написанных Н.А. Ярошенко и им самим [64; 25, № 8456]. Первое произведение исполнено акварелью и является парным к зеркальному портрету Н.А. Ярошенко, выполненному И.Н. Крамским. За 23 года к этим произведениям добавляются еще два автопортрета художника: 30-летнего И.Н. Крамского в овале [20], а также 47-летнего живописца и рисовальщика. На последнем художник изобразил и свою дочь – Софью [25, № 21340].

Среди других персонажей портретного собрания – И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, В.В. Верещагин, Г.Г. Мясоедов, А.Г. Рубинштейн, П.А. Стрепетова, П.М. и В.Н. Третьяковы. Таким образом, галерея претендовала не только на конструирование

образов культурных героев недавнего прошлого, но и в определенной степени способствовала формированию пантеона выдающихся деятелей национальной культуры второй половины XIX – начала XX вв.

Наиболее часто встречающимися сюжетами в залах галереи с 1893 по 1916 годы оставались события, связанные с Иваном IV и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., кроме того, в 1916-м году к ним прибавились экспонаты на тему Отечественной войны 1812 года.

Отечественная война 1812 г. занимала важное место на экспозициях Третьяковской галереи. Художник и карикатурист-сатирик П.М. Шмельков изобразил в акварели сцену московского пожара (1871 г.). На произведении Наполеон наблюдает за сожжением города, сидя на крыше. Император угрюм, на его лице мы можем наблюдать отчаяние от осознаваемой им безысходности, а сложенные на груди руки и скрещенные ноги создают образ обиженного ребенка [57].

И.М. Прянишников сосредоточился же в своем произведении на иллюстрации изгнания наполеоновских войск прочь из России (1874 г.). На полотне мы можем увидеть остатки некогда великой французской армии, которую взяли в плен и конвоируют партизаны – простой русский народ, вооруженный вилами и топорами. Процессия движется по заснеженному полю в метель, пленники склоняются под сильным ветром [25, № 21889].

«Военный совет в Филях в 1812 году», написанный А.Д. Кившенко в 1882 г., продемонстрировал ключевое событие, повлиявшее на весь ход дальнейшей войны с Наполеоном – совещание военачальников, созванное М.И. Кутузовым [3, с. 354–358]. На полотне изображен момент спора главнокомандующего с генералами, которые отреагировали на предложение М.И. Кутузова о сдаче Москвы по-разному. П.С. Кайсаров, стоящий позади Михаила Илларионовича, что-то записывает на листе бумаги. В правой части произведения художник изобразил П.П. Коновницына, Н.Н. Раевского, А.И. Остерман-Толстого, Л.Л. Беннигсена, М.Б. Баркляя-де-Толли, Ф.П. Уварова, К.Ф. Толля, Д.С. Дохтурова и А.П. Ермолова. А.Д. Кившенко мастерски изобразил также и избу крестьянина Михаила Фролова, где происходило такое знаменательное для истории событие, красный угол, ребенка,

с любопытством смотрящего на происходящее с печи [25, № 21817].

Помимо данных трех полотен, в 1916 г. на экспозиции Третьяковской галереи были выставлены гипсовые медальоны, выполненные Ф.П. Толстым в период с 1814 по 1836 гг. Они были созданы в память военных событий 1812–1814 гг. и изображали в том числе сцену битвы под Лейпцигом, Бородинское сражение и захват Наполеоном Москвы. Также медальоны демонстрировали следующие сражения: под Красным, под Малоярославцем, на Березине, под Кульмом, под Бриенном, при Арси-сюр-Обе и при Фер-Шампенуазе. Все сюжеты были оформлены в стилистике Античности и имели некоторую театральность [44; 25, № 21020, № 21035].

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. как в 1893, так и в 1916 гг. была представлена на восьми следующих произведениях. На картине И.Е. Репина 1878 г. посетитель галереи мог увидеть усталого солдата, возвращающегося к семье с войны. Он опирается на палку, за спиной тяжелая поклажа, взгляд направлен прямо на зрителя [39]. Семь остальных полотен принадлежат кисти В.В. Верещагина.

Как только началась русско-турецкая война, Василий Васильевич отправился в действующую армию и добился зачисления в ее состав. Известный художник-баталист стремился оказаться в самой гуще событий, чтобы запечатлеть войну такой, какая она была. В декабре 1879 г. серия картин была выставлена в Париже и имела ошеломительный успех. Кроме того, некоторым полотнам В.В. Верещагиным были даны настолько вызывающие названия, что это вызвало волну негодования у будущего императора Александра III. Цесаревич в гневе писал: «Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текст к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, и можно по ним заключить одно: либо Верещагин скотина, либо совершенно помешанный человек!» [21, с. 13]. В феврале 1880 г. выставленные уже в Петербурге картины за 40 дней посмотрели более 200 тысяч человек. Однако П.М. Третьяков приобрел для галереи лишь часть картин В.В. Верещагина, и Бал-

канская серия работ, несмотря на первоначальные замыслы художника, оказалась разбитой на части [21, с. 12–13].

Полотно «Последний привал» (1877–1878 гг.) демонстрирует пустынный заснеженный пейзаж. На переднем плане – припорошенные снегом трупы солдат. Рядом простирается дорога, по которой неспешным караваном следует военный конвой [7]. Данное произведение сейчас является собственностью Пермской государственной художественной галереи [14].

«Побежденные. Панихида» (1878–1879 гг.) изображает поле боя под Телишем. Священник и причетник из солдат совершают панихиду по убитым турками русским. На полотне виднеется множество тел, в том числе отрезанные головы [25, № 8427].

«Александр II под Плевной 30 августа 1877 года» (1878–1879 гг.) изначально было названо художником «Царские именины». Картина изображает третий штурм Плевны, когда плохо спланированная атака стоила жизни многим русским солдатам – командование торопилось, чтобы наступление было приурочено ко дню именин царя, чтобы преподнести ему город в подарок. На полотне Александр II сидя на холме взирает с безопасного расстояния на происходящий далеко внизу бой, за ним расположились генералы [25, № 8481]. В этот трагический день также погиб младший брат художника – Сергей.

Картина «Башибузук (Албанец)» была выполнена позже, в 1880–1881 гг. На ней двое русских солдат конвоируют разбойника-башибузука, которые, «по уверениям болгар, вырезали младенцев из утроб матерей» [6; 8, с. 306].

Главную роль на полотне «Перед атакой. Под Плевной» (1881 г.) занимают русские солдаты, готовящиеся к бою. Офицеры написаны В.В. Верещагины в левом углу. Они вглядываются в даль, некоторые даже смотрят в бинокль, силясь рассмотреть идущее впереди сражение, которое угадывается по поднимающимся к небу столбам дыма и растерзанным силуэтам деревьев [25, № 20707].

В результате третьего штурма Плевны было потеряно около 18 тысяч человек. Перевязочный пункт не был готов принять столько бойцов. Как отмечал сам В.В. Верещагин: «палаток в перевязочном пункте было всего четыре; надобно думать, не больше как

человек на сто каждая, но сколько в них было набито народа и сколько валялось, сидело и томилось между палатками, а также на дороге, к ним и за ними, трудно и передать – точно улей, разбредшийся без матки: все жужжит, движется, переговаривается. К бывшим налицо раненым всё прибывали новые, так как продолжали подбирать вчерашних – их оказалось ужасающее количество, – а на левом фланге и теперь шел бой, из которого беспрерывно подбавляли: носилок тащили, тащили, тащили без конца» [8, с. 127]. Это и было изображено на картине «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной», созданной также в 1881 г. [25, № 20494]

Наконец, произведение «Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой: «Именем отечества, именем государя, спасибо, братцы!»)» (1878–1879 гг.) демонстрирует разгром турок под Шейновом 9 января 1878 года. Передний план сконцентрирован на снежном поле, усеянном замерзшими телами русских и турков. На дальнем – генерал М.Д. Скобелев поздравляет офицеров и солдат с победой, те подкидывают свои шапки выражая радость [25, № 21836]. Имеется повторение полотна, хранящееся в Государственном Русском музее. Оно написано в более мрачных тонах, значительно увеличено число тел на переднем плане.

Вышеперечисленные произведения показывают ужасы, лишения и тягости войны. Картина И.Е. Репина, как и все полотна В.В. Верещагина не героизируют русских солдат и, тем более, не превозносят командование. Война на них – зло, лишённое всякого смысла, которое подвергает простых солдат испытаниям в угоду прихоти военачальников. Несмотря на то, что полотна и полевые записи В.В. Верещагина несомненно являются важными первоисточниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг., их следует рассматривать совместно, чтобы получить более беспристрастную оценку произошедших событий в том числе в связи с пацифистскими настроениями самого художника [21, с. 15].

В отличие от русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Отечественная война 1812 г. была представлена на экспозиции в положительном ключе. В данной войне народ сплотился против общего врага, в результате

французы потерпели сокрушительное поражение. У посетителей складывался образ русских защитников как героев и спасителей мира от наполеоновской экспансии.

Заключение. Будучи основанной как частное собрание Павла и Сергея Третьяковых и впоследствии переданной в дар Москве, коллекция Государственной Третьяковской галереи проделала большой путь, чтобы стать современным музеем. Поначалу ее экспозиция отражала знания и опыт Павла Михайловича, затем (после его смерти) – преобразовывалась под влиянием Совета, который ей заведовал. Однако, даже создание последнего имело свои изъяны: произведения приобретались и систематизировались в большинстве своем исходя из личных предпочтений одного конкретного человека – попечителя Совета. Несмотря на все это, выставленные в стенах галереи экспонаты отражали историческое прошлое Российского государства и мира в целом и, соответственно, влияли на формирование представлений о нем у посетителей.

Большинство произведений как в 1893, так и в 1916 гг. олицетворяли период Новой России (1682–1855 гг.). Затем по убыванию следовали другие эпохи: Современная Россия (после 1855 г.), Библейская и раннехристианская история, история Допетровской Руси (до 1682 г.), Зарубежная история Нового времени (1500–1855 гг.), Античность (до 476 г.), Зарубежная современность (после 1855 г.) и Зарубежное средневековье (476–1500 гг.). Любопытно, что, несмотря на значительные подвижки в систематизации, развеске и атрибуции произведений на экспозиции Третьяковской галереи в 1893–1916 гг., данный ранжированный список исторических эпох, представленных на ней, остался практически неизменным. Исключение составляют только Зарубежная история Нового времени и Античная история, которые к 1916 г. поменялись местами (Зарубежная история Нового времени сместилась на 6 место, Античность – поднялась на 5-е). Однако, за 23 рассматриваемых года существования галереи произошли следующие изменения: существенно увеличилось количество и доля произведений, изображающих период Античной истории (с 6 до 15 экспонатов, с 1,69% до 2,44%),

и еще больше тех, которые относились к Библейской и раннехристианской истории (число экспонатов выросло с 61 до 148, а доля среди произведений, отобранных согласно цели исследования – с 17,23% до 24%). Также возросло число экспонатов, отражающих период зарубежного средневековья (с 1 до 3 произведений, с 0,28% до 0,49%).

Доля зарубежной истории в залах галереи в рассматриваемый период была незначительна: 4,8% в 1893 г. и 5,2% в 1916 г. (от отобранных согласно целям исследования произведений). Среди же экспонатов, отражающих отечественную историю, за 23 года наметилась тенденция к сокращению: 78,25% в 1893 г. и 71,43% в 1916 г. Таким образом, Библейская и раннехристианская история, Античность и, в меньшей степени, зарубежное средневековье стали занимать более весомое место на экспозиции за счет уменьшения доли истории России. К 1916 г. в Третьяковской галерее даже было отведено отдельное помещение для старинной русской иконописи с витринами, исполненными по рисункам В.М. Васнецова в Абрамцевской мастерской Е.Г. Мамонтовой [48, с. 11].

Самыми популярными персонажем Дюпетровской Руси в залах Третьяковской галереи был Иван Грозный. Как в 1893, так и в 1916 гг. первый русский царь был абсолютным лидером по числу экспонатов его отражающих. Любопытно, что картины и скульптура, сюжеты которых связаны с ним, в 1893 г. занимали 55% ото всех произведений о периоде отечественного средневековья, а в 1916 г. – более 36%!

Период Новой России (1682–1855 гг.) был представлен в залах Третьяковской галереи через таких творцов культуры, как М.И. Глинка, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, а также политических деятелей – Екатерину II и Е.И. Пугачева. Самыми популярными персонажами Современной России (с 1855 г.) являлись такие столпы культуры, как Л.Н. Толстой и И.Н. Крамской. Наиболее часто встречающимися сюжетами (помимо событий с Иваном IV) были войны: Русско-турецкая 1877–1878 гг. и Отечественная война 1812 г.

Как можно отметить, основными героями российской истории в залах Третьяковской галереи в 1893–1916 гг. являлись деятели

культуры и искусства. Самодержавие же представляло в двух ипостасях: тиранического абсолютизма (самоуправство Ивана Грозного) и просвещенной монархии (выведение России к светлому будущему Екатериной II). Образы войны на экспозиции галереи также различались. Отечественная война 1812 г. героизировалась и изображалась как освободительная кампания. Ее участники принимали тяжелые решения на благо российского государства, а битвы сравнивались с мифологическими событиями Античной истории. В то же время «современная» война, такая как русско-турецкая 1877–1878 гг., всячески порицалась и выставлялась через полотна как результат самодурства и некомпетентности власти, из-за которых напрасно погибал ее народ.

Таким образом, несмотря на дальнейшее приобретение творений зарубежных мастеров и, так или иначе, присутствие сюжетов и персонажей зарубежной истории, Третьяковская галерея оставалась такой, какой ее задумывал П.М. Третьяков – национальной исторической галереей. Она демонстрировала развитие русского искусства и отечественной истории в целом. Имея основу в виде личной коллекции Павла Михайловича, Третьяковская галерея обладала также его вкусом и мировоззрением, отражая порой противоречивые стороны российской истории и разные точки зрения даже на глав государства. Будучи специалистом в сфере искусства и обладая средствами для создания значительной коллекции, П.М. Третьяков имел и свободу в ее создании, отмечая одни произведения и покупая другие. Приобретение полотен, не одобренных властью, воодушевляло художников, позволяло выходить за рамки государственного заказа и самоцензуры. Все это способствовало созданию уникальной и разносторонней галереи, где число произведений с «Емелькой» Пугачевым могло опережать таковое с Екатериной II. Создатель Третьяковской галереи относился к прогрессивному обществу и стремился, чтобы его творение отражало неприукрашенную, «правдивую» историю и в то же время величие русского народа. Разумеется, такое искусство не могло не получать позитивные отклики прогрессивно настроенной интеллигенции. В этой связи нельзя не привести весьма меткое суждение революционного деятеля, а затем

известного культурного функционера советского режима В.Д. Бонч-Бруевича: «Еще нигде не описаны те переживания революционеров, те клятвы, которые давали мы там, в Третьяковской галерее, при созерцании таких картин, как «Иван Грозный и сын его Иван», «Утро стрелецкой казни», как «Княжна Тараканова», как та картина, на которой гордый и

убежденный народоволец отказывается перед смертной казнью принять благословение священника» [23, с. 332].

Таким образом, история России в стенах галереи – не столько история царей, сколько история ее народа, духовных лидеров в лице представителей интеллектуальной элиты, деятелей культуры и науки.

Список литературы

1. Алимов Д.Е., Дилигул Е.С., Колосков Е.А. Мобилизованное средневековье: в 2 т. / Д.Е. Алимов, Е.С. Дилигул, Е.А. Колосков [и др.]. СПб.: Издательство СПбГУ, 2022. Т. 2: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. 560 с.
2. Андреев Н.А. Л.Н. Толстой. 1905 г. // Wikimedia Commons. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L.N.Tolstoy_by_N.A._Andreev_\(1905,_Tretyakov_gallery\)_01_by_shakko.JPG](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L.N.Tolstoy_by_N.A._Andreev_(1905,_Tretyakov_gallery)_01_by_shakko.JPG) (дата обращения: 17.01.2023).
3. Анисимов Е.В. 100 картин русской истории. СПб.: Арка, 2020. 632 с.
4. Афанасьев В.В. Жуковский. М.: Молодая гвардия, 1986. 397 с.
5. Брюллов К.П. Портрет В.А. Жуковского. 1838 г. // Сайт «К уроку литературы». URL: http://literatura5.narod.ru/zhukovsky_1838.html (дата обращения: 17.01.2023).
6. Верещагин В.В. Башибузук (Албанец). 1880–1881 гг. // Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/53/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%B7%D1%83%D0%BA_%28%D0%90%D0%BB%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86%29.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
7. Верещагин В.В. Последний привал. 1877–1878 гг. // Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/23/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
8. Верещагин В.В. На войне 1877–1878 гг. // Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М.: «Даръ», 2007. С. 25–330.
9. Вишневский А.Н. Исторический путеводитель по Москве и ее окрестностям: С прил. видов Москвы. М.: типо-лит. В.Р. Келлера, 1896. 181 с.
10. Волков Н.С. Портрет М.И. Глинки. 1837 г. // Всероссийский музей А.С. Пушкина. URL: http://www.museumpushkin.ru/assets/images/museum_online/articles/n_s_volkov_portret_m_i_glinki_1837_g_bumaga_karandash_italyanskij_sous_belila.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
11. Горавский А.Г. М.И. Глинка. 1869 г. // Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского. URL: https://www.mosconsv.ru/museum/glinka_portrait.html (дата обращения: 17.01.2023).
12. Государственная Третьяковская галерея (Москва). [Альбом / Предисл. В. Володарского]. М.: Изобраз. искусство, 1974. 281 с.
13. Государственная Третьяковская галерея (Москва). Государственная Третьяковская галерея: Живопись: [Альбом / Вступ. статья К. Антоновой, И. Ростовцевой]. Л.: Аврора, 1976. 158 с.
14. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5454050> (дата обращения: 30.09.2021).
15. Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России: Коллективная монография / Е.А. Чугунов (науч. ред.), Н.В. Павличкова (отв. ред.), И.С. Наградов. Кострома: Костромаиздат, 2015. 160 с.
16. Евстратова Е.Н. Павел Третьяков и его знаменитая коллекция. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 447 с.
17. Иванов А.И. Переправа Н.В. Гоголя через Днепр. 1845 г. // Руниверс. URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7072&ELEMENT_ID=460601 (дата обращения: 17.01.2023).

18. Картины русских художников из сокровищ Третьяковской художественной галереи в Москве / текст под. ред. художн. Г.Г. Граншель. СПб.: Издание В.С. Туманина, 1905. 124 с.
19. Каталог известных художников Gallerix. URL: <https://gallerix.ru/album/Perov/pic/glr-x> (дата обращения: 17.01.2023).
20. Крамской И.Н. Автопортрет. 1867 г. // ВТБ России – социальные проекты, поддержка спорта и культуры. URL: https://vtbrussia.ru/culture/muzei/gtg/mify_o_Repine/repin_samiy_ponyatny/ (дата обращения: 17.01.2023).
21. Кузенков П.В. Верещагин и война // Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М.: «Дарь», 2007. С. 6–22.
22. Махалов Е.М. Третьяковская галерея: история строительства и реконструкции. СПб.; М.: Нестор-история, 2019. 96 с.
23. Махматова А.С., Манаев М.А. Становление художественных музеев на примере Третьяковской галереи // Наука и молодежь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего, Грозный, 13 ноября 2020 года. Грозный: Чеченский государственный университет, 2020. С. 328–333.
24. Моллер Ф.А. Портрет писателя Н.В. Гоголя. 1840-е гг. // Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/N.Gogol_by_F.Moller_%281840%2C_Tretyakov_gallery%29.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
25. Моя Третьяковка. Проект Третьяковской галереи. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/> (дата обращения: 17.01.2023).
26. Мутья Н.Н. Образ Ивана Грозного в отечественном изобразительном искусстве XX – начала XXI века. Традиции и новации // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). Январь–Июнь. С. 148–164.
27. Ненарокомова И.С. Павел Третьяков и его галерея. М.: Галарт, 1994. 285 с.
28. Перов В.Г. Герои произведений Гоголя провожают его в последний путь. 1873 г. // Арт-Поиск. URL: http://artpoisk.info/artist/perov_vasilij_grigor_evich_1834/geroi_proizvedeniy_gogolya_provozhaют_ego_v_poslednij_put/ (дата обращения: 17.01.2023).
29. Перов В.Г. Суд Пугачева. 1875 г. // Третьяковская галерея. Официальный сайт. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/collection/sud-pugacheva/> (дата обращения: 17.01.2023).
30. Портреты Н.В. Гоголя / Собр. и изд. под наблюдением О-ва любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. [1809–1909]; [М. Сперанский, действ. чл. ОЛРС, проф. Моск. унта]. М.: фототип. К.А. Фишер, 1909. 30 с.
31. Рабус К.И. Н.В. Гоголь. 1840-е гг. // Сайт об Н.В. Гоголе. URL: http://gogol-lit.ru/images/bio-1390/1390-60_0.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
32. Раковский Д.О. Русский музей Александра III на рубеже XIX–XX веков в контексте мемориальных исследований // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-история, 2018. С. 213–216.
33. Раковский Д.О. Музеи в контексте memory studies // Клио. 2020. № 4(160). С. 148–156.
34. Раковский Д.О. Русский музей императора Александра III как место памяти // Вопросы истории. 2020. № 11(1). С. 132–147.
35. Раковский Д.О. Русский музей императора Александра III и Эрмитаж в конце XIX — начале XX вв. в контексте мемориальных исследований // Каргополье с древнейших времён: история и культура: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, 18-20 августа 2020 г. / Каргопол. ист.-архитектур. и худож. музей; отв. ред. Е.А. Баталова. Каргополь, 2020. С. 240–245.
36. Раковский Д.О. Императорский Эрмитаж в формировании культурной памяти (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 78–97.
37. Рачинский В.А. Н.В. Гоголь в гробу. 1852 г. // Музейная Москва онлайн. URL: https://museum-online.moscow/entity/ОБЪЕКТ/iss3_gogol_16566 (дата обращения: 17.01.2023).

38. Резникова О.И. «Поцелуйный обряд» и другие сюжеты и образы романа «Князь серебряный» в творчестве русских художников второй половины XIX века // Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная жизни, творчеству и памяти А.К. Толстого «Певец, державший стяг во имя красоты». 12 ноября 2020 года. URL: http://libryansk.ru/files/project/Tolstoy_2020/3.html (дата обращения: 30.09.2021).
39. Репин И.Е. На родину. Герой минувшей войны. 1878 г. // Сайт, посвященный жизни и творчеству И.Е. Репина. URL: http://ilya-repin.ru/man_n/repin17.php (дата обращения: 17.01.2023).
40. Репин И.Е. Портрет писателя Л.Н. Толстого. 1887 г. // Сайт, посвященный жизни и творчеству И.Е. Репина. URL: <http://ilya-repin.ru/master/repin9.php> (дата обращения: 17.01.2023).
41. Репин И.Е. «Самосожжение» Гоголя. 1909 г. // Архив. URL: https://artchive.ru/ilyarepin/works/33175~Samosozhzhenie_Gogolja (дата обращения: 17.01.2023).
42. Сосницкий Н.В. Наши столицы и их достопримечательности: Ил. путеводитель по Петрограду и Москве. Пг.: тип. АО изд. дела «Копейка», 1916. 64 с.
43. Теребенев М.И. Портрет композитора М.И. Глинки. 1824 г. // Энциклопедия. Анатолий Фукс. URL: http://fuchs-a.narod.ru/glinka_2.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
44. Толстой Ф.П. Родомысл девятого на десять века. 1814–1816 гг. // Wikimedia Commons. URL: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Tolstoy_medalion_-_Rodomysl.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
45. Третьяковская галерея. Описание художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. М.: Гор. тип., 1893. 83 с.
46. Третьяковская галерея (Москва). Журналы заседаний Совета по управлению Городской художественной галереи П. и С.М. Третьяковых за 1899, 1900 1901 и 1902 гг. М., 1903. 62 с.
47. Третьяковская галерея (Москва). Отчет Совета городской художественной галереи П. и С.М. Третьяковых. М., 1913–1916.
48. Третьяковская галерея. Каталог художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. 26-е изд. М., 1916. 178 с.
49. Чемесов Е.П. Портрет Екатерины II в трауре. Вторая половина XVIII в. // Архив. URL: https://artchive.ru/artists/86~Evgraf_Petrovich_Chemesov/works/13476~Portret_Ekateriny_II_v_traure (дата обращения: 17.01.2023).
50. Чернецов Г.Г. Крылов, Пушкин, Жуковский и Гнедич в Летнем саду. 1832 г. // Виртуальный Русский музей. URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/course/sady/img_html/08_007.html (дата обращения: 17.01.2023).
51. Шарлемань А.И. Речь царя Иоанна IV на лобном месте в 1550 году. 1860-е гг. // Электронная библиотека bookz.ru. URL: https://bookz.ru/authors/mihail-vostribev/moskvar_945/i_044.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
52. Шварц В.Г. Пир у царя. 1862 г. // Сайт об М.Ю. Лермонтове. URL: <http://lermontov-lit.ru/images/lerm-enc/00176.jpg> (дата обращения: 17.01.2023).
53. Шварц В.Г. Опочивальня Ивана Грозного. 1863 г. // Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/31/Опочивальня_Ивана_Грозного.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
54. Шварц В.Г. Шествие Ивана Грозного к заутрене. 1863 г. // Wikimedia Commons. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/42/Шествие_Ивана_Грозного_к_заутрене.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
55. Шварц В.Г. Иван Грозный на соколиной охоте, встречающий слепых. 1868 г. // Издательство «Воскресный день». URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit8550.htm> (дата обращения: 17.01.2023).
56. Шварц В.Г. Обряд поднесения перчатки Ивану Грозному на охоте. 1868 г. // LiveInternet. URL: https://img-fotki.yandex.ru/get/197923/121447594.981/0_1e49bf_545eba40_orig.jpg (дата обращения: 17.01.2023).
57. Шмельков П.М. Наполеон в Москве. 1871 г. // LiveJournal. URL: https://ic.pics.livejournal.com/terentiussk/43874545/99148/99148_original.jpg (дата обращения: 17.01.2023).

58. Шокарев С.Ю. О новом нападении на картину И.Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года» // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 209–211.
59. Шубин Ф.И. Екатерина II. Вторая половина XVIII в. // LiveJournal. URL: <https://oshanbo.livejournal.com/101597.html> (дата обращения: 17.01.2023).
60. Шустов Н.С. Иван Грозный у тела убитого им сына. 1860-е гг. // Artefact – гид по музеям России с технологией дополненной реальности. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/ivan-groznyu-u-tela-ubitogo-im-syna> (дата обращения: 17.01.2023).
61. Юденкова Т.В. Другой Третьяков: судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи: [к 120-летию передачи художественного собрания братьев П.М. и С.М. Третьяковых в дар городу Москве]; Гос. Третьяковская галерея. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2012. 390 с.
62. Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М.: БуксМАрт, 2015. 527 с.
63. Якрин М.Н. Путеводитель по Москве и окрестностям: В 2 ч.: С прил. плана Москвы, общ. и центр. частей. М.: ред. «Указателя путешествия по России «Фрум» и «Русской типолитографии», 1884. 88 с.
64. Ярошенко Н.А. Портрет И.Н. Крамского. 1874 г. // Издательство «Воскресный день». URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit2631.htm> (дата обращения: 17.01.2023).

THE PAVEL AND SERGEI TRETYAKOV CITY GALLERY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF MEMORIAL STUDIES

In the second half of the XIX century, many large Russian museums were opened to the public. In this regard it's important to trace the formation of their role in society and the impact on cultural memory. The article examines the expositions of the Pavel and Sergei Tretyakov City Gallery in the second half of the XIX – early XX centuries from the point of view of their influence on the formation of cultural memory and historical perceptions of Russian society. As part of the study, the works of art exhibited in the halls of the Gallery were selected and distributed according to historical eras that they reflect: Biblical and Early Christian history, Antiquity (before 476), the Domestic Middle Ages (Pre-Petrine Russia, before 1682), the Foreign Middle Ages (476-1500), the Foreign History of Modern Times (1500-1855), New Russia (1682-1855) and Modernity (since 1855). Within the framework of this approach, the author identified the most popular heroes and events of history reflected in the Tretyakov Gallery expositions, analyzed the images in which they were shown through works of art, and also determined the share of each epoch in the information space of museum and their changes over time. As this article shows, the Tretyakov Gallery created a new visual image of national history, reflecting the order of the society of post-reform Russia, in which the people and the «progressive» intelligentsia played a leading role, and not monarchs and generals.

Keywords: historical memory, cultural memory, memorial research, memorial policy, museums of the second half of the XIX – early XX centuries, Tretyakov Gallery, museum exposition, memory studies.

References

1. Alimov, D.E., Diligul, E.S., Koloskov, E.A. (2022). Mobilizovannoe srednevekov'e [The Mobilized Middle Ages]: v 2 t. / D.E. Alimov, E.S. Diligul, E.A. Koloskov [i dr.]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU. T. 2: Srednevekovaya istoriya na sluzhbe nacional'noj i gosudarstvennoj ideologii v Rossii [Medieval History in the service of National and State Ideology in Russia].
2. Andreev, N.A. L.N. Tolstoj. 1905 g. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L.N.Tolstoy_by_N.A._Andreev_\(1905,_Tretyakov_gallery\)_01_by_shakko.JPG](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L.N.Tolstoy_by_N.A._Andreev_(1905,_Tretyakov_gallery)_01_by_shakko.JPG)
3. Anisimov, E.V. (2020). 100 kartin russkoj istorii [100 paintings of Russian history]. SPb.: Arka.
4. Afanas'ev, V.V. (1986). Zhukovskij. M.: Molodaya gvardiya.
5. Bryullov, K.P. Portret V.A. Zhukovskogo. 1838 g. // Sajt «K uroku literatury». Retrieved 17 January, 2023 from http://literatura5.narod.ru/zhukovsky_1838.html
6. Vereshhagin, V.V. Bashibuzuk (Albanecz). 1880–1881 gg. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/53/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%B7%D1%83%D0%BA_%28%D0%90%D0%BB%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86%29.jpg
7. Vereshhagin, V.V. Poslednij prival. 1877–1878 gg. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/23/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%>

BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB.jpg

8. Vereshhagin, V.V. (2007). Na vojne 1877–1878 gg. [In the war of 1877-1878] // Skobelev. Russko-tureczkaya vojna 1877–1878 gg. v vospominaniyax V.V. Vereshhagina [Skobelev. The Russian-Turkish War of 1877-1878 in the Memoirs of V.V. Vereshchagin]. M.: «Dar`». 25–330.

9. Vishnevskij, A.N. (1896). Istoricheskij putevoditel` po Moskve i ee okrestnostyam: S pril. vidov Moskvy` [Historical guide to Moscow and its environs: with the application of views of Moscow]. M.: tipo-lit. V.R. Kellera.

10. Volkov, N.S. Portret M.I. Glinki. 1837 g. // Vserossijskij muzej A.S. Pushkina. Retrieved 17 January, 2023 from http://www.museumpushkin.ru/assets/images/museum_online/articles/n_s_volkov_portret_m_i_glinki_1837_g_bumaga_karandash_italyanskij_sous_belila.jpg

11. Goravskij, A.G. M.I. Glinka. 1869 g. // Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni P.I. Chajkovskogo. Retrieved 17 January, 2023 from https://www.mosconsv.ru/museum/glinka_portrait.html

12. Gosudarstvennaya Tret`yakovskaya galereya (Moskva) [The State Tretyakov Gallery]. [Al`bom / Predisl. V. Volodarskogo]. M.: Izobraz. iskusstvo, 1974.

13. Gosudarstvennaya Tret`yakovskaya galereya (Moskva). Gosudarstvennaya Tret`yakovskaya galereya: Zhivopis` [The State Tretyakov Gallery: painting]: [Al`bom / Vstup. stat`ya K. Antonovoj, I. Rostovcevoj]. L.: Avrora, 1976.

14. Gosudarstvenny`j katalog muzejnogo fonda Rossijskoj Federacii. Retrieved 17 January, 2023 from <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5454050>

15. Dinastiya Tret`yakovy`x v istorii promy`shlennogo razvitiya i blagotvoritel`nosti Rossii: Kollektivnaya monografiya [The Tretyakov Dynasty in the History of Industrial Development and Charity in Russia] / E.A. Chugunov (nauch. red.), N.V. Pavlichkova (otv. red.), I.S. Nagradov. Kostroma: Kostromaizdat, 2015.

16. Evstratova, E.N. (2015). Pavel Tret`yakov i ego znamenitaya kollekcija [Pavel Tretyakov and his famous collection]. M.: OLMA Media Grupp.

17. Ivanov, A.I. Pereprava N.V. Gogolya cherez Dnepr. 1845 g. // Runivers. Retrieved 17 January, 2023 from https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=7072&ELEMENT_ID=460601

18. Kartiny` russkix xudozhnikov iz sokrovishh Tret`yakovskoj xudozhestvennoj galerei v Moskve [Paintings by Russian artists from the treasures of the Tretyakov Art Gallery in Moscow] / tekst pod. red. xudozhn. G.G. Transhel`. SPb.: Izdanie V.S. Tumanina, 1905.

19. Katalog izvestny`x xudozhnikov Gallerix. Retrieved 17 January, 2023 from <https://gallerix.ru/album/Perov/pic/glrx->

20. Kramskoj, I.N. Avtoportret. 1867 g. // VTB Rossii – social`ny`e proekty`, podderzhka sporta i kul`tury`. Retrieved 17 January, 2023 from https://vtbrussia.ru/culture/muzei/gtg/mify_o_Repin/repin_samiy_ponyatny/

21. Kuzenkov, P.V. (2007). Vereshhagin i vojna [Vereshchagin and the war] // Skobelev. Russko-tureczkaya vojna 1877–1878 gg. v vospominaniyax V.V. Vereshhagina [Skobelev. The Russian-Turkish War of 1877-1878 in the Memoirs of V.V. Vereshchagin]. M.: «Dar`». 6–22.

22. Maxalov, E.M. (2019). Tret`yakovskaya galereya: istoriya stroitel`stva i rekonstrukcii [Tretyakov Gallery: history of construction and reconstruction]. SPb.; M.: Nestor-istoriya.

23. Maxmatova, A.S., Manaev, M.A. (2020). Stanovlenie xudozhestvenny`x muzeev na primere Tret`yakovskoj galerei [The formation of art museums on the example of the Tretyakov Gallery] // Nauka i molodezh`: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molody`x ucheny`x, posvyashhennoj Fizike Budushhego, Grozny`j, 13 noyabrya 2020 goda. Grozny`j: Chenchenskij gosudarstvenny`j universitet. 328–333.

24. Moller, F.A. Portret pisatelya N.V. Gogolya. 1840-e gg. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/N.Gogol_by_F.Moller_%281840%2C_Tretyakov_gallery%29.jpg

25. Moya Tret`yakovka. Proekt Tret`yakovskoj galerei. Retrieved 17 January, 2023 from <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/>

26. Mut'ya, N.N. (2018). *Obraz Ivana Groznogo v otechestvennom izobrazitel'nom iskusstve XX – nachala XXI veka. Tradicii i novacii* [The image of Ivan the Terrible in the Russian fine art of the XX – beginning of the XXI century. Traditions and innovations] // *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2018. № 1 (23). Yanvar'–Iyun'. 148–164.
27. Nenarokomova, I.S. (1994). *Pavel Tret'yakov i ego galereya* [Pavel Tretyakov and his gallery]. M.: Galart.
28. Perov, V.G. *Geroi proizvedenij Gogolya provozhayut ego v poslednij put'. 1873 g.* // *ArtPoisk*. Retrieved 17 January, 2023 from http://artpoisk.info/artist/perov_vasilij_grigor_evich_1834/geroi_proizvedenij_gogolya_provozhayut_ego_v_poslednij_put/
29. Perov, V.G. *Sud Pugacheva. 1875 g.* // *Tret'yakovskaya galereya. Oficial'nyj sajt*. Retrieved 17 January, 2023 from <https://www.tretyakovgallery.ru/collection/sud-pugacheva/>
30. *Portrety N.V. Gogolya* [Portraits of N.V. Gogol] / *Sobr. i izd. pod nablyudeniem O-va lyubitelej ros. slovesnosti pri Imp. Mosk. un-te. [1809–1909]; [M. Speranskij, dejstv. chl. OLRs, prof. Mosk. un-ta]*. M.: fototip. K.A. Fisher, 1909.
31. Rabus, K.I. *N.V. Gogol'. 1840-e gg.* // *Sajt ob N.V. Gogole*. Retrieved 17 January, 2023 from http://gogol-lit.ru/images/bio-1390/1390-60_0.jpg
32. Rakovskij, D.O. (2018). *Russkij muzej Aleksandra III na rubezhe XIX–XX vekov v kontekste memorial'ny'x issledovanij* [The Russian Museum of Alexander III at the turn of the XIX–XX centuries in the context of memorial research] // *Mavrodinskije chteniya 2018: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina*. SPb.: Nestor-istoriya. 213–216.
33. Rakovskij, D.O. (2020). *Muzei v kontekste memory studies* [Museums in the context of memory studies] // *Klio*. 2020. № 4(160). 148–156.
34. Rakovskij, D.O. (2020). *Russkij muzej imperatora Aleksandra III kak mesto pamyati* [The Russian Museum of Emperor Alexander III as a place of memory] // *Voprosy istorii*. 2020. № 11(1). 132–147.
35. Rakovskij, D.O. (2020). *Russkij muzej imperatora Aleksandra III i E'rmitazh v konce XIX — nachale XX vv. v kontekste memorial'ny'x issledovanij* [The Russian Museum of Emperor Alexander III and the Hermitage in the late XIX — early XX centuries in the context of memorial research] // *Kargopol'e s drevnejshix vremen: istoriya i kul'tura: materialy XVI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 18-20 avgusta 2020 g.* / *Kargopol. ist.-arxitektur. i xudozh. muzej; otv. red. E.A. Batalova*. Kargopol'. 240–245.
36. Rakovskij, D.O. (2021). *Imperatorskij E'rmitazh v formirovanii kul'turnoj pamyati (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Imperial Hermitage in the formation of cultural memory (the second half of the XIX – early XX centuries)] // *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 2021. Vy`p. 99. 78–97.
37. Rachinskij, V.A. *N.V. Gogol' v grobu. 1852 g.* // *Muzejnaya Moskva onlajn*. Retrieved 17 January, 2023 from https://museum-online.moscow/entity/OBJECT/iss3_gogol_16566
38. Reznikova, O.I. «*Pocelujnyj obryad*» i drugie syuzhety i obrazy romana «*Knyaz serebryanyj*» v tvorchestve russkix xudozhnikov vtoroj poloviny XIX veka [“The Kissing Rite” and other plots and images of the novel “Prince Serebryany” in the works of Russian artists of the second half of the XIX century] // *Mezhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashhen-naya zhizni, tvorchestvu i pamyati A.K. Tolstogo «Pevecz, derzhavshij styag vo imya krasoty»*. 12 noyabrya 2020 goda. Retrieved 17 January, 2023 from http://libryansk.ru/files/project/Tolstoy_2020/3.html
39. Repin, I.E. *Na rodinu. Geroj minuvshej vojny'. 1878 g.* // *Sajt, posvyashhenyj zhizni i tvorchestvu I.E. Repina*. Retrieved 17 January, 2023 from http://ilya-repin.ru/man_n/repin17.php
40. Repin, I.E. *Portret pisatelya L.N. Tolstogo. 1887 g.* // *Sajt, posvyashhenyj zhizni i tvorchestvu I.E. Repina*. Retrieved 17 January, 2023 from <http://ilya-repin.ru/master/repin9.php>
41. Repin, I.E. «*Samosozhzhenie*» Gogolya. 1909 g. // *Artxiv*. Retrieved 17 January, 2023 from https://artchive.ru/ilyarepin/works/33175~Samosozhzhenie_Gogolja
42. Sosniczkij, N.V. (1916). *Nashi stolicy i ix dostoprimechatel'nosti: Il. putevoditel' po Petrogradu i Moskve* [Our capitals and their sights: An illustrated guide to Petrograd and Moscow]. Pg.:

tip. AO izd. dela «Kopejka».

43. Terebenev, M.I. Portret kompozitora M.I. Glinki. 1824 g. // E`nciklopediya. Anatolij Fuks. Retrieved 17 January, 2023 from http://fuchs-a.narod.ru/glinka_2.jpg

44. Tolstoj, F.P. Rodomy`sl devyatogo na desyat` veka. 1814–1816 gg. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Tolstoy_medalion_-_Rodomysl.jpg

45. Tret`yakovskaya galereya. Opis` xudozhestvenny`x proizvedenij gorodskoj galerei Pavla i Sergeya Tret`yakovy`x [Tretyakov Gallery. An inventory of the artistic works of the city gallery of Pavel and Sergei Tretyakov]. M.: Gor. tip., 1893.

46. Tret`yakovskaya galereya (Moskva). Zhurnaly` zasedanij Soveta po upravleniyu Gorodskoj xudozhestvennoj galerei P. i S.M. Tret`yakovy`x za 1899, 1900 1901 i 1902 gg. [Tretyakov Gallery (Moscow). Journals of meetings of the Council for the Management of the City Art Gallery of P. and S.M. Tretyakov for 1899, 1900, 1901 and 1902]. M., 1903.

47. Tret`yakovskaya galereya (Moskva). Otchet Soveta gorodskoj xudozhestvennoj galerei P. i S.M. Tret`yakovy`x [Tretyakov Gallery (Moscow). Report of the Council of the City Art Gallery P. and S.M. Tretyakov]. M., 1913–1916.

48. Tret`yakovskaya galereya. Katalog xudozhestvenny`x proizvedenij Gorodskoj galerei Pavla i Sergeya Tret`yakovy`x [Tretyakov Gallery. Catalog of art works of the City Gallery of Pavel and Sergei Tretyakov]. 26-e izd. M., 1916.

49. Chemesov, E.P. Portret Ekateriny` II v traure. Vtoraya polovina XVIII v. // Artxiv. Retrieved 17 January, 2023 from https://artchive.ru/artists/86~Evgraf_Petrovich_Chemesov/works/13476~Portret_Ekateriny_II_v_traure

50. Chernenčov, G.G. Kry`lov, Pushkin, Zhukovskij i Gnedich v Letnem sadu. 1832 g. // Virtual`ny`j Russkij muzej. Retrieved 17 January, 2023 from https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/e-course/sady/img_html/08_007.html

51. Sharleman`, A.I. Rech` czarya Ioanna IV na lobnom meste v 1550 godu. 1860-e gg. // E`lektronnaya biblioteka bookz.ru. Retrieved 17 January, 2023 from https://bookz.ru/authors/mihailvostrivev/moskva-p_945/i_044.jpg

52. Shvarcz, V.G. Pir u czarya. 1862 g. // Sajt ob M.Yu. Lermontove. Retrieved 17 January, 2023 from <http://lermontov-lit.ru/images/lerm-enc/00176.jpg>

53. Shvarcz, V.G. Opochival`nya Ivana Groznogo. 1863 g. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/31/Opochival`nya_Ivana_Groznogo.jpg

54. Shvarcz, V.G. Shestvie Ivana Groznogo k zautrene. 1863 g. // Wikimedia Commons. Retrieved 17 January, 2023 from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/42/Shestvie_Ivana_Groznogo_k_zautrene.jpg

55. Shvarcz, V.G. Ivan Grozny`j na sokolinoj oxote, vstrechayushhij slepy`x. 1868 g. // Izdatel`stvo «Voskresny`j den`». Retrieved 17 January, 2023 from <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit8550.htm>

56. Shvarcz, V.G. Obryad podneseniya perchatki Ivanu Groznomu na oxote. 1868 g. // LiveInternet. Retrieved 17 January, 2023 from https://img-fotki.yandex.ru/get/197923/121447594.981/0_1e49bf_545eba40_orig.jpg

57. Shmel`kov, P.M. Napoleon v Moskve. 1871 g. // LiveJournal. Retrieved 17 January, 2023 from https://ic.pics.livejournal.com/terentiussk/43874545/99148/99148_original.jpg

58. Shokarev, S.Yu. (2018). O novom napadenii na kartinu I.E. Repina «Ivan Grozny`j i ego sy`n Ivan 16 noyabrya 1581 goda» [About the new attack on the painting by I.E. Repin "Ivan the Terrible and his son Ivan on November 16, 1581"] // Istoricheskaya e`kspertiza. 2018. № 3. 209–211.

59. Shubin, F.I. Ekaterina II. Vtoraya polovina XVIII v. // LiveJournal. Retrieved 17 January, 2023 from <https://oshanbo.livejournal.com/101597.html>

60. Shustov, N.S. Ivan Grozny`j u tela ubitogo im sy`na. 1860-e gg. // Artefact – gid po muzeyam Rossii s texnologiej dopolnennoj real`nosti. Retrieved 17 January, 2023 from <https://ar.culture.ru/ru/subject/ivan-groznyy-u-tela-ubitogo-im-syna>

61. Yudenkova, T.V. (2012). *Drugoj Tret'yakov: sud'ba i kolleksiya odnogo iz osnovatelej Tret'yakovskoj galerei* [The Other Tretyakov: the fate and collection of one of the founders of the Tretyakov Gallery]: [k 120-letiyu peredachi xudozhestvennogo sobraniya brat'ev P.M. i S.M. Tret'yakovy'x v dar gorodu Moskve]; Gos. Tret'yakovskaya galereya. M.: Gos. Tret'yakovskaya galereya.

62. Yudenkova, T.V. (2015). *Brat'ya Pavel Mixajlovich i Sergej Mixajlovich Tret'yakovy': mirovozzrencheskie aspekty' kollekcionirovaniya vo vtoroj polovine XIX veka* [Brothers Pavel Mikhailovich and Sergey Mikhailovich Tretyakov: ideological aspects of collecting in the second half of the XIX century]. M.: BuksMArt.

63. Yakrin, M.N. (1884). *Putevoditel' po Moskve i okrestnostyam: V 2 ch.: S pril. plana Moskvy', obshh. i centr. chastej* [Guide to Moscow and the surrounding area: In 2 parts: With the application of the plan of Moscow, general and central parts]. M.: red. «Ukazatelya puteshestviya po Rossii «Frum» i «Russkoj tipo-litografii».

64. Yaroshenko, N.A. *Portret I.N. Kramnskogo. 1874 g.* // Izdatel'stvo «Voskresny'j den'». Retrieved 17 January, 2023 from <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit2631.htm>

Об авторе

Раковский Дмитрий Олегович – научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), научный сотрудник Государственного Русского музея (Россия), e-mail: racovskyd@mail.ru

Rakovsky Dmitry Olegovich – Researcher of St.-Petersburg State University (Russia), Researcher of the State Russian Museum (Russia), e-mail: racovskyd@mail.ru

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕФОРМЫ МОНТЭГЮ-ЧЕЛМСФОРДА В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ¹.

В статье рассматриваются основные аспекты административно-политических преобразований в Британской Индии на рубеже 1910-х – 1920-х гг. в контексте процессов развития национально-освободительного движения, а также этнополитической консолидации в отдельных индийских регионах. Межвоенный период ознаменовался существенной трансформацией британской колониальной системы, затронувшей, в том числе и механизмы управления индийскими владениями. Осуществленная на основании принятого в декабре 1919 г. британским парламентом специального законодательного акта административно-политическая реформа, вошедшая в историю под названием реформы Монтэгию-Челмсфорда, явилась попыткой модернизировать систему управления в ключевой колонии. В то же время, данная реформа, а также последующие преобразования, осуществленные колониальной администрацией, способствовали складыванию элементов политической культуры индийского общества, а также, в определенной степени, заложили основы будущей федеративной системы независимой Индии.

Ключевые слова: Британская Индия, административно-политические преобразования, реформа Монтэгию-Челмсфорда, этнополитические процессы, федеративная система.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-109-119

Введение. Раздел Британской Индии на два доминиона и образование на полуострове Индостан двух новых независимых государств явились следствием длительных и сложных этнополитических процессов, связанных как с политикой колониальных властей, так и со специфическими особенностями развития индийского национально-освободительного движения.

Британская политика в Индии на протяжении большей части XIX – начала XX вв. характеризовалась чередованием консервативного и либерального подходов. Как отмечает российский исследователь В.Я. Белокреницкий: «... базовым и большую часть времени преобладающим был первый из них, что вполне объяснимо потребностями установления политического контроля над иным в культурном отношении населением и его закрепления путём на господствующие в местном обществе силы» [2, с. 270]. Несмотря на определённые различия, представители обеих тенденций вплоть до начала XX в. сходились в достаточно негативной оценке способности индийцев к управлению своей страной. Концентрация всей полноты власти в руках англичан объяснялась сложной этноконфессиональной и кастовой структурой населения

Индии, косностью и консерватизмом мышления индийцев, основанного на традиционных религиозно-философских нормах, отсутствием у них элементов политической культуры в европейском её понимании.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются этнополитические процессы на территории Британской Индии на рубеже 1910-х-1920-х гг. В центре анализа находятся изменения в административно-политической организации, обусловленные расширением системы представительных органов в рамках реформы Монтэгию-Челмсфорда, а также связанные с данными преобразованиями процессы этноконфессиональной консолидации. В процессе исследования применялся системный подход, основанный на диалектическом способе рассмотрения исторических событий, а также принципах научности и объективности. Его использование предполагает всесторонний объективный анализ конкретно-исторических факторов, определяющих характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку доступной эмпирической и теоретической информации.

Результаты и их обсуждение. С 1861 г. в соответствии с законом, принятым

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

© Сагимбаев А.В.

© Sagimbayev A.V.

британским парламентом, при губернаторах индийских провинций действовали советы, обладавшие законосовещательными функциями. Состав данных советов являлся частично выборным, при этом основную часть представителей назначали колониальные власти. Важным фактором, влиявшим на политическую ситуацию, продолжали оставаться сложные взаимоотношения между двумя основными конфессиями индийского населения – индуистами и мусульманами.

Новый импульс либеральным преобразованиям был дан на рубеже 1900-1910-х гг., что в немалой степени было связано с успехами политики «нового либерализма» в самой метрополии. Осуществлённая в данный период вице-королём лордом Минто и госсекретарём по делам Индии Дж. Морли административная реформа привела к созданию во всех крупных индийских провинциях совещательных Советов, и введению, впервые в индийской истории, ограниченной курриальной системы голосования [19, р. 119-122; 20, р. 413]. Тем не менее, политический эффект данной реформы оказался весьма незначительными, поскольку она не смогла объединить вокруг британской администрации индийскую знать и интеллектуальную элиту. В высших слоях индийского общества всё активнее звучали призывы ввести в Индии систему представительной власти и ответственного правительства.

К моменту окончания Первой мировой войны в ключевой британской колонии сложились важные предпосылки, предопределявшие необходимость преобразований. В военный период произошло заметное укрепление экономических позиций Индии, существенно выросли показатели промышленного и сельскохозяйственного производства, появились новые и окрепли ранее существовавшие отрасли индустрии. Наметилась тенденция к диверсификации внешнеэкономических связей, ослаблению зависимости индийской экономики от британского импорта, укреплению самостоятельности индийской буржуазии. С другой стороны произошли существенные изменения в умонастроениях значительной части индийского населения, в первую очередь, его интеллектуальной элиты. Они были связаны с появившимся убеждением в том, что мировая война и та

роль, которую сыграла в ней Индия, неминуемо должны привести к изменению её статуса и положения внутри империи. Показательно, что подавляющее большинство индийцев абсолютно искренне поддержали метрополию в начавшемся военном конфликте и оказали содействие военным усилиям англо-индийского правительства. Оценивая данный вклад, бывший вице-король лорд Хардинг, выступая в Палате лордов в июле 1917 г. отмечал: «В августе и начале сентября [1914 г. – А.С.] индийские экспедиционные силы, состоявшие из двух дивизий, были направлены во Францию, куда они прибыли для того, чтобы заполнить образовавшуюся на фронте брешь..., и освятить своей кровью союз Индии и Британской империи. Из Индии на тот момент было переброшено семь кавалерийских дивизий из девяти, сорок четыре британских пехотных батальона из пятидесяти двух, сорок три батареи Королевской артиллерии из пятидесяти шести. ...В течение нескольких недель до их прибытия численность британских войск в Индии сократилась на пятнадцать тысяч человек. Безопасность Индии, таким образом, подверглась опасности в интересах империи. В данном случае я сознательно пошёл на риск, поскольку доверял индийцам и должен сказать, что они полностью оправдали моё доверие»[11. col. 39-42].

Отправной датой начала новой политико-административной реформы считается 20 августа 1917 г., когда госсекретарь по делам Индии Э. Монтэгю в ответ на вопрос одного из членов Палаты Общин сделал важное заявление, касающееся базовых принципов политики кабинета в крупнейшей британской колонии. Характеризуя содержание будущих преобразований, он подчеркнул: «Политика Правительства Его Величества, в соответствии с которой осуществляется политика Правительства Индии, направлена на увеличение представительства индийцев во всех ветвях администрации и постепенное развитие институтов самоуправления с целью продвижения по направлению к ответственному правительству Индии как составной части Британской Империи»[10, col. 114]. При этом особо оговаривалось, что «...существенные шаги в данном направлении должны быть предприняты как можно

скорее...»[10, col. 115]. В завершении своего выступления Э. Монтэгю сделал особый акцент на том, что реформа будут осуществляться в течение достаточно длительного периода, подчеркнув, что «Британское Правительство и Правительство Индии, несущие ответственность за благополучие и прогресс в жизни индийцев, будут судить о времени и степени этого развития...»[10, col. 117-118]. Основным смыслом предстоящей реформы сводился к расширению представительства индийцев в органах местного самоуправления, а также «продвижению Индии к более самостоятельному статусу в рамках Британской империи».

В целях совершенствования системы управления в рамках плана реформ предполагалось создать во всех регионах Британской Индии кроме Северо-Западной провинции и Бирмы провинциальные законодательные советы. Сфера контроля британского правительства и парламента Великобритании над индийской административной системой должна была быть заметно сокращена.

На фоне активных политических дискуссий, сопровождавших подготовку проекта будущей реформы, ситуация в индийских владениях стремительно усложнялась. Усилившаяся социально-экономическая напряжённость стала катализатором политического кризиса, охватившего Британскую Индию в первые послевоенные годы, масштаб которого современники сравнивали лишь с Великим восстанием 1857-1859 гг. Одним из главных раздражителей, вызывавших недовольство индийцев, стало сохранение введённого в военный период репрессивного законодательства. Тем не менее, несмотря на карательные меры, в 1919 г. протестные выступления охватили ряд индийских регионов. Наиболее напряжённая ситуация при этом сложилась в Пенджабе.

Предложенный министерством по делам Индии и администрацией вице-короля законопроект предполагал, впервые в индийской истории, формирование системы органов представительной власти парламентского типа, включавшей провинциальные законодательные собрания, а также центральное Законодательное собрание, состоявшее из двух палат. В больших провинциях законодательные собрания должны были на 70%

заполняться избираемыми лицами и лишь на 20% состоять из назначаемых лиц, включая членов Исполнительного Совета при губернаторе. Сложный механизм косвенного избрания, введённый в 1909 г. заменялся системой прямых выборов [9].

Проект реформы предполагал также существенное преобразование структуры Законодательного собрания, в которую согласно новым правилам включалось 39 лиц, назначаемых колониальными властями, а также 100 избираемых депутатов, в том числе, 9 европейцев и 91 индиец. 26 назначенных колониальными властями членов Законодательного собрания являлись официальными управленцами, входившими в штат колониальной администрации. Верхней палатой общейиндийского представительного органа становился Государственный совет, включавший в себя порядка 60 членов, примерно в равной пропорции избираемых из числа представителей высших слоев индийского общества и напрямую назначаемых вице-королем из состава британской администрации.

Специфической особенностью деятельности созданного на основе реформы Челмсфорда-Монтэгю индийского парламента являлось четкое разделение его членов не по политическому, а по этноконфессиональному критерию. Важным фактором, определявшим расстановку сил в Законодательном собрании, явилось введённое ещё в 1909 г. разделение всех избирательных округов в Индии на общие и мусульманские.

Данная стратегия была ориентирована на фрагментацию формировавшегося индийского политического движения и установления над ними контроля со стороны колониальных властей. Деятельность представительных органов власти должна была находиться под общим надзором вице-короля. При этом в принятом законе отсутствовало четкое разграничение функций обеих палат, что с самого начала создавало заметные сложности для их эффективного функционирования. В то же время, в политическом устройстве ключевого британского владения впервые вводились элементы федеративного устройства, предполагавшие наличие в отдельных индийских провинциях однопалатных законосовещательных советов и частично подотчетных им правительств.

Несмотря на декларированную британскими властями широкую автономию провинциальных законодательных собраний по целому ряду важных вопросов их функции ограничивались необходимостью получения соответствующей санкции со стороны губернатора. В общей сложности от двадцати двух до двадцати девяти мест в законодательных собраниях провинций отводилось для назначаемых лиц. Две трети из них занимали губернаторские чиновники – секретари провинциального правительства и главы департаментов, выполнявшие также консультативные функции. В отличие от порядка, установленного по итогам реформы Морли-Минто, назначаемые лица на этот раз были свободны при голосовании [7, p. 503].

Законом вводилось также разделение полномочий на провинциальном уровне управления, которое составляло основное содержание системы диархии. В ведение провинциальных Законодательных собраний передавался ряд административных функций, обозначенных термином «*transferred subjects*» [17, p.92]. К их числу относились, в частности, вопросы, связанные с управлением системами образования, здравоохранения и санитарии, местного самоуправления, развитием сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры, налоговой и акцизной политикой [3, с. 2]. Все они выводились из сферы компетенции центрального англо-индийского правительства. Департаменты, которым передавались данные функции, должны были возглавляться индийскими министрами и нести ответственность перед законодательными органами власти. Предполагалось, что часть провинциального правительства, отнесенная к перечню «*transferred subjects*» включала двух или трёх министров, назначаемых из числа выбранных членов Законодательного Собрания, которые были известными в провинции общественными деятелями. Индийские министры формально наделялись равным статусом с членами Исполнительного Совета при губернаторе и получали равное с ними жалование².

В то же время, ряд административных

полномочий на провинциальном уровне продолжал оставаться исключительной прерогативой колониальных властей. Они были обозначены термином «*reserved subjects*» и включали вопросы, связанные, в частности, с обеспечением законности и правопорядка, управлением полицией и руководством судебной системой. Департаменты, отвечавшие за них, оставались абсолютно независимыми от законодательных собраний и подчинялись напрямую англо-индийскому правительству [9].

На основании положений дополнявшего Акт инструктивного документа направленного провинциальным властям и получившего название «Перечень инструкций» («*Instrument of Instructions*»), губернатор нес исключительную ответственность за защиту прав и интересов различных расовых, этнических, религиозных и социальных групп местного населения. С этой целью ему позволялось при определённых обстоятельствах приостанавливать деятельность департаментов, отнесённых к категории «*transferred subjects*» и вводить режим своего прямого правления.

В процессе реформирования избирательной системы за основу был взят куриальный принцип голосования. Места в Законодательном собрании были распределены между восьмью индийскими провинциями в разной пропорции, соответствовавшей численности их жителей. Наибольшим количеством представителей в общеиндийском законодательном органе в первой половине 1920-х гг. были представлены провинции Бомбей и Мадрас. Центральная роль данных регионов в индийской политической жизни определялась их экономическим лидерством, а также концентрацией на их территории наибольшего количества представителей интеллигенции и преобладанием в структуре их населения представителей высших каст.

В рамках созданной в 1920 г. избирательной системы сохранялись многие принципы прежней куриальной системы, введённой в период реформы Морли-Минто. Так, в Пенджабе из шестидесяти четырёх округов по выборам в местное законодательное собрание, двенадцать приходилось на долю

² На практике данное положение соблюдалось далеко не всегда. В 1922 г. лишь в Центральной провинции Законодательное Собрание установило заработную плату индийским министрам в размере трёх тыс.

рупий в месяц, в то время как члены Исполнительного Совета при губернаторе получали жалование в размере четырёх тысяч рупий. См.: *Egerton H.E. British Colonial Policy in the Twentieth Century. L., 1922. P. 91.*

сикхских городских и сельских избирательных округов. В Бенгалии, а также некоторых других провинциях были созданы отдельные избирательные округа для представителей европейской общины. В Бенгалии и Мадрасе, кроме того, вводились специальные округа для индийцев-христиан за которыми резервировалось два места в провинциальных легислатурах. В то же время, при всём многообразии существовавшей куриальной системы, определяющим в данный период окончательно становится разделение избирательных округов в Британской Индии на индуистские и мусульманские. Оно проистекало из соглашения, достигнутого лидерами Индийского Национального Конгресса (ИНК) и Мусульманской Лиги в Лакноу в декабре 1916 г., в рамках которого предусматривалось определённое процентное соотношение представителей индуистской и мусульманской общины в реформируемых органах представительной власти. Всего в рамках новой системы выборов вводилось шесть типов избирательных округов два из которых – мусульманский и немусульманский были распространены фактически на всей территории Индии [6, p.16].

Отдельной сложной проблемой являлось обеспечение относительно равного представительства отдельных кастовых групп, составлявших сложную мозаику индийского социума, и находившихся в сложной системе иерархических связей друг с другом. В данной связи, 21 января 1920 г. совместный комитет Палаты общин и Палаты лордов в пункте 7-м своего Отчёта о дополнительных мерах по реализации Акта об управлении Индией, губернатору Мадраса и некоторым другим индийским провинциям рекомендовалось «ввести отдельное представительство путём резервирования мест» для представителей низших каст [12, col. 860]. К тому моменту почти 80 % членов индийских представительных органов в Мадрасском губернаторстве, численность жителей которого достигала 41 млн. чел и была практически равна населению Великобритании, составляли выходцы из касты брахманов. В начале 1920 г. представительство небрахманских каст в Законодательном собрании было увеличено до 42-х из 65 членов. Однако вскоре губернатор Мадраса лорд Местон сократил

его до 28 [12, col. 861]. Сделано это было вследствие протестов влиятельных брахманских групп. В июле 1920 г. британский парламент внёс изменения в части Акта, касающиеся порядка представительства различных кастовых групп индийского населения, а также механизмов взаимодействия исполнительной и представительной власти на провинциальном уровне [12, col. 45].

Первые выборы в представительные органы власти на основании Акта о реформах правительства Индии были проведены в октябре-ноябре 1920 г. Они проходили в весьма непростой обстановке, связанной с бойкотом, объявленным Индийским Национальным Конгрессом и некоторыми другими политическими организациями радикального толка. К бойкоту выборов присоединился и ряд мусульманских политических организаций, протестовавших против навязанных Османской империи условий Севрского мирного договора. В результате наиболее низкой явка зарегистрированных избирателей оказалась в Пенджабе и Бомбейском президентстве. В городах количество принявших участие в голосовании оказалось меньшим, чем в сельском местностях. Одной из форм обструкции выборов явилось выдвижение заведомо «непроходных» кандидатур, в том числе, представителей «неприкасаемых» [23, p. 57].

Тем не менее, общие итоги выборов были охарактеризованы британскими властями как несомненный успех реформы. Согласно официальным данным из 774 мест в новых законодательных структурах власти 535 были заняты выбранными представителями. В среднем на каждое место претендовало по три кандидата. В выборах в провинциальные законодательные собрания принял участие 31% зарегистрированных избирателей. По итогам голосования в Законодательную Ассамблею и Государственный Совет этот показатель составил соответственно 25 и 55%. Наиболее низкой в процентном соотношении оказалась явка, на выборы в нижнюю палату Индийского Законодательного Собрания, в которых приняло участие менее 200 тыс. чел. Выборы выявили ряд специфических проблем, связанных с географической обширностью и этнической разнородностью избирательных округов, а также отсутствием чётко сформулированных социальных

позиций у значительной части индийского электората [21, p.122].

Сформированные в результате выборов провинциальные правительства были представлены в основном индийскими политиками умеренного толка. Лишь в Пенджабе один из избранных министров оказался участником беспорядков 1919 г. попавшим под действие, объявленной после принятия Акта о реформах правительства Индии амнистии [3, с.26].

Одним из ключевых факторов, оказывавших воздействие на результативность проводимых преобразований, являлся начавшийся после завершения Первой мировой войны подъем антиколониальной борьбы. Межвоенные десятилетия ознаменовались оформлением феномена так называемого «гражданского национализма» в Британской Индии, предполагавшего борьбу за утверждение национального суверенитета страны.

Исторической особенностью, определявшей специфику формирования индийского национально-освободительного движения являлась сложная полиэтничная структура индийского общества, дополнявшаяся сложным взаимодействием различных конфессиональных групп. Несмотря на первоначально лидирующую роль Индийского национального конгресса в организации антиколониальной борьбы, ему не удалось полностью консолидировать вокруг себя весь широкий спектр индийских социальных сил. Уже в начале XX в. начинается процесс формирования политических организаций, строившихся по этноконфессиональному критерию. Попытки Индийского национального конгресса, занявшего лидирующие позиции среди индийских политических сил, сохранить монопольное положение в формирующемся национально-освободительном движении не увенчались успехом. В межвоенный период основным конкурентом ИНК становится партия Мусульманская Лига, заметно укрепившая свои позиции благодаря деятельности своего лидера Мухаммеда Али Джинны. На начальном этапе своего развития Мусульманская Лига с точки зрения своих основных программных установок была очень близка ИНК.

После Первой мировой войны большая часть представителей Мусульманской Лиги

солидаризировались с ИНК в поиске оптимальных способов форм и методов антиколониальной борьбы, способных объединить различные этноконфессиональные группы индийского населения. В 1916 г. Мусульманская Лига в целом поддержала итоговые решения съезда ИНК в Лакноу, предполагавшие после завершения войны обретение Индией самоуправляемого статуса. В то же время, ИНК пошел на признание представительского статуса Мусульманской Лиги, фактически санкционировав предусмотренное реформой Морли-Минто создание отдельной избирательной курии для мусульман.

Некоторые расхождения в позициях двух партий обнаружились в ходе обсуждения в 1919 г. проекта реформы Монтэгю-Челмсфорда. Мусульманская Лига в целом поддержала основные положения реформы, касавшиеся, в том числе, предоставления мусульманам отдельной квоты при назначении на административные должности в провинциальных правительствах. Несмотря на определенные позитивные для индийского политического движения последствия, реформа Монтэгю-Челмсфорда была использована британскими колониальными властями в целях внесения определенного раскола в формирующееся индийское национально-освободительное движение. На фоне неудач инициированных М.Ганди компаний ненасильственного сопротивления, наблюдалось все более заметное обострение противоречий между ключевыми индийскими политическими силами. Уже в середине 1920-х гг. постепенно происходившая радикализация настроений в рамках обеих конфессиональных групп вылилась в серию межобщинных столкновений и погромов.

Одним из главных центров начавшегося после завершения Первой мировой войны нового этапа антиколониального движения в Индии явилась провинция Пенджаб. Несмотря на надежды британской администрации опереться на занимавшую ключевое положение в социально-политической жизни провинции общину сикхов, весной 1919 г. Пенджаб оказался охваченным волной антибританских протестов, наиболее известным эпизодом которых оказались трагические события в Амритсаре. Институционализация сикхского политического движения на фоне

подъема общеиндийского антиколониального движения привела к появлению в декабре 1920 г. первой сикхской политической партии, получившей наименование Широмани Акали Дал. Возникнув в результате развития на территории Пенджаба т.н. «движения Акали», партия Акали Дал с самого начала своего существования являлась конфессиональной по своей идеологической сущности, основываясь на идее о неразрывности политических задач и религиозных ценностей сикхизма.

Массовое протестное движение сикхов на рубеже 1910-х-1920-х гг. заставило колониальные власти пойти на определенные уступки. Осенью 1922 г. все участвовавшие в компании ненасильственного сопротивления члены партии были амнистированы. В сентябре 1922 г. в Амритсаре состоялось массовое собрание членов партии Широмани Акали Дали с участием ее лидеров С. Шраддхананда, Х. А. Хана и ряда др. По его итогам колониальным властям был выдвинут ряд требований, включая требование о совместном расследовании злоупотреблений полиции в период первого хартала. В июле 1925 г. в Пенджабе был принят специальный закон, на основании которого контроль над всеми религиозными святынями сикхов - гурдварами передавался специально созданному избираемому органу, представлявшему сикхскую общину.

«Движение Акали» внесло существенный вклад в становление политического движения на территории провинции Пенджаб, способствовал вовлечению в политические процессы широких народных масс. Как отмечал индийский историк М. Сингх: «Благодаря движению Акали пробританское руководство сикхов было заменено образованными националистами из среднего класса, а сельский и городской классы объединились на основании общих политических целей». Данное движение на этом этапе вышло за узко конфессиональные рамки приобретя надобщинный характер. По мнению М. Сингха: «Именно эта идея освобождения страны от иностранного правления объединила все слои населения Пенджаба и объединила индусов, мусульман и сикхов, живущих в провинции вокруг одной базовой цели»[5, р.329-330].

Вскоре после завершения первого

хартала начался процесс размежевания «движения Акали» на три относительно самостоятельных течения, окончательно завершившийся в середине 1920-х гг. после реформы «гудвара». Первое из выделившихся в сикхском политическом движении течений объединило умеренные силы, ориентированные на сотрудничество с колониальной администрацией и поддерживавшее на общеиндийском уровне Юнионистскую партию. Умеренное крыло «движения Акали» стремилось использовать в своих политических целях традиционную систему религиозных ценностей сикхской общины. Второе направление было в большей степени ориентировано на зарождавшийся сикхский национализм и предусматривало союз с гандистским движением и сотрудничество с ИНК и левыми партиями. Наконец, третья часть «движения Акали» послужила основой для формирования специфичной для Пенджаба версии коммуналистского движения, основанной на единстве религиозных ценностей сикхизма и политических целей сикхской общины, а также предусматривавшей административно-политическое обособление сикхов от индуистов и мусульман. Вплоть до раздела Британской Индии на два доминиона в 1947 г. Акали Дал в своей политической деятельности пытался лавировать между ИНК и лоялистски настроенными партиями.

Наряду с общими, существовало и достаточно большое количество специальных избирательных округов, представлявших интересы узких социальных слоёв, в частности, крупных землевладельцев, а также коммерческих и промышленных групп. Кроме того, во всех провинциях кроме Пенджаба получили представительство «неприкасаемые»[7, р. 403].

В феврале-марте 1921 г. состоялась первая сессия Индийского Законодательного Собрания. Первым предметом её обсуждения явился закон о военном управлении, введённый в Пенджабе в 1919 г. По итогам обсуждения была принята резолюция, в которой выражалось сожаление в связи с тем, что данный закон нарушает принцип расового равенства и соблюдения интересов индийского населения. Кроме того, члены Законодательного Собрания предлагали вице-королю проявить большую жёсткость в отношении виновных военнослужащих и удовлетворить

требования пострадавших в результате событий в Джаллинвала Баг относительно выплаты денежных компенсаций. Обеими палатами Законодательного Собрания была создана специальная комиссия, которая должна была выработать рекомендации относительно смягчения действовавшего в Индии репрессивного законодательства [7, p. 405].

Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учётом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 г. Э. Монтэгю было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьёзная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необходимость, - отмечалось в документе, - прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их единодушную политическую позицию. Их можно свести к трём ключевым позициям: во-первых, это эвакуация Константинополя, во-вторых – признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, и, в-третьих - возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андриополя и Смирны. Выполнение всех трёх пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии [1, л.35].

Процесс «индианизации» административной системы породил определённые коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс [13, col.2292]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах,

обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом отмечалось, что на фоне увеличения количества беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчёркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А.С.] из двадцати девяти районов в четырнадцати не осталось ни одного английского служащего, что не может ни сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в целом. В Мултани, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей» [18, col. 72]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись непременным условием дальнейшего продвижения Индии по пути развития институтов самоуправления [18, col. 81].

Процесс «индианизации» в различных сферах управления отличался определённой спецификой и осуществлялся различными темпами. Уже к 1922 г. в структурах образования доля индийских служащих составляла 38 %, в то время как в сфере управления сельским хозяйством она не превышала 25 % [16, col.100]. Такое различие объяснялось, в первую очередь, сложностями в подготовке индийских специалистов различных профилей. Вопросы, связанные с переходом отдельных административных функций от британских к индийским чиновникам, продолжали оставаться предметом напряжённых дискуссий между правительством вице-короля и индийскими представительными органами на протяжении всего периода реализации реформы [14, col. 2799]. Тем не менее, к 1925 г. предусмотренный Актом принцип «50 на 50» при назначении британцев и индийцев на административные должности был в целом достигнут [14, col.800]. Одной из важных проблем оставалось и поддержание баланса при назначениях между представителями мусульманской и индуистской общин.

В одном из интервью заместитель госсекретаря по делам Индии лорд Уинтертон подробно анализирует ситуацию, связанную с реформами в Индии, в очередной раз указав на объективные трудности, мешавшие, по его мнению, расширению системы индийского самоуправления. Главной из них по-прежнему обозначался низкий уровень грамотности и образованности индийского населения, который «позволяет эффективно пользоваться своим правом голоса в лучшем случае лишь двум миллионам из трёхсотмиллионного индийского населения» [14, col. 954]. Отмечая значимость реформ, осуществлённых в Индии после 1919 г., лорд Уинтертон ещё раз подчеркнул наличие объективных трудностей, связанных со сложным составом индийского населения. Зам госсекретаря выделил в его структуре, по крайней мере, пять крупных конфессиональных сегментов – «индуисты, небрахманские индуисты, мусульмане, сикхи, христиане», а также большое количество мелких кастовых групп. В связи со сложной обстановкой, лорд Уинтертон указывал на опасность бойкота деятельности комиссии со стороны мусульман и «неприкасаемых» [14, col. 954].

В целях преодоления существовавших разногласий между различными индийскими общинами было предложено создать специальный комитет Индийского Законодательного собрания. Данный проект, вписывавшийся в концепцию дальнейшей либерализации индийской политической системы, получил поддержку и у парламентской оппозиции, представленной, главным образом лейбористами. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд выразил надежду на то, что «итоги деятельности комиссии послужат важным основанием для гордости за работу, выполненную англичанами в Индии» [24, p. 233], отметив при этом, что её задачи полностью соответствуют программным установкам лейбористов. В программе, принятой на партийной конференции в Ливерпуле обозначалось видение будущего Индии как «самоуправляемой составной части Британской империи...», чего можно достигнуть только путём реализации положений Акта 1919 г.» [4, p. 205]. В ходе парламентских дебатов, он неоднократно подчёркивал, что лейбористы полностью поддерживают право индийских народов на

политическое самоопределение. «Я хотел бы пойти ещё дальше, - отмечал Р. Макдональд, - и заявить, что мы должны признать не только право индийского народа на самоуправление...» [16, col. 1369]. В то же время он выражал надежду на то, что «индийцы... пожелают остаться в качестве равноправных членов в составе Британского Содружества..., но у нас нет ни малейшего морального или демократического права отказать им в полной свободе самоопределения» [16, col. 1372]. Важнейшей задачей деятельности англо-индийского правительства он обозначил «содействие в продвижении Индии в кратчайшие сроки к самоуправлению путём налаживания тесного сотрудничества с индийским народом» [16, col. 1376]. В случае отсутствия этого «духа искренности», британское правление будет лишено смысла и превратиться по мысли Р. Макдональда, «в пустую трату времени» [16, col. 1384].

Заключение. Анализ изменений, произошедших в административной системе Британской Индии в результате реализации Акта 1919 г., позволяет сделать вывод о том, что они привели к определённой децентрализации и появлению элементов федеративного устройства. В то же время данные изменения носили чётко лимитированный характер, что было обусловлено принципиальным стремлением британского руководства сохранить незыблемость базовых основ своего колониального механизма. В силу этого ещё в 1922 г. американский исследователь Х. Робинсон охарактеризовал сложившуюся в Индии в результате реформы систему административных отношений как квази-федеративную [22, p. 301].

Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период, являясь реакцией на возраставшие внутри имперского механизма трудности, отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колоний. Данная тенденция, в свою очередь, явилась важнейшей предпосылкой последовавшего после окончания Второй мировой войны процесса распада крупнейшей колониальной системы.

Список литературы

1. АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79.
2. Белокреницкий В.Я. Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов / Британская империя в XX в. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. С. 270-294.
3. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
4. Ashworth L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L.: I.B. Tauris Academic Studies, 2007. 293 p.
5. Chandra B., M. Mukherjee, A. Mukherjee, K.N. Panikkar, S. Mahajan. Indian's Struggle for Independence. L.: Penguin UK, 2016. 600 p.
6. Copland I. India 1885–1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series), Harlow and L., 2001. 154 p.
7. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012. 492 p.
8. Egerton H.E. British Colonial Policy in the Twentieth Century. L., 1922. 280 p.
9. Government of India Act. URL: <https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/> (дата обращения: 05.01.2023).
10. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 65 (1917).
11. Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Ser., . Vol. 65 (1917).
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1920), vol. 125.
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 150 (1922).
14. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 198 (1922).
15. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68.
16. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 207 (1927).
17. Horne E. A. The Political System of British India. Oxford: The Clarendon Press, 1922. 184 p.
18. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52.
19. Ilbert, Sir Courtenay Peregrine. The Government of India. Third Edition revised and updated. Clarendon Press, 1922. P. 119–122.
20. Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49. 406 p.
21. Martin T., Moore, B., Butler, L.J. Crises of Empire: Decolonization and Europe's Imperial States, 1918-1975, L., 2008. 490 p.
22. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston, N. Y., Chicago, S.-F., 1922. 550 p.
23. Tummala K. K. Public Administration in India. Mumbai, 1994. 767 p.
24. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

THE ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT OF THE MONTAGUE-CHELMSFORD REFORM IN BRITISH INDIA.

The article examines the main aspects of administrative and political transformations in British India at the turn of the 1910s - 1920s in the context of the processes of development of the national liberation movement, as well as ethno-political consolidation in certain Indian regions. The interwar period was marked by a significant transformation of the British colonial system, which affected, among other things, the management mechanisms of Indian possessions. Implemented on the basis of the law adopted in December 1919. By a special legislative act of the British Parliament, the administrative and political reform, which went down in history as the Montague-Chelmsford reforms, was an attempt to modernize the management system in a key colony. At the same time, this reform, as well as the subsequent transformations carried out by the colonial administration, contributed to the formation of elements of the political culture of Indian society, and also, to a certain extent, laid the foundations of the future federal system of independent India.

Keywords: British India, administrative and political transformations, Montague-Chelmsford reform, ethno political processes, federal system.

References

1. AVP RF, Referentura po Anglii. F.69, op.10, papka 25, delo 79.
2. Belokrenickij V.YA. Uhod Anglii iz Indii i problema obrazovaniya dvuh dominionov / Britanskaya imperiya v XX v. Pod red. Pegusheva A.M. i dr. M., 2010. С. 270-294.
3. YUrlov F.N., YUrlova E.S. Istoriya Indii. XX v. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 920 s.
4. Ashworth L.M. International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making, from 1918-1945. L.: I.B. Tauris Academic Studies, 2007. 293 p.
5. Chandra B., M. Mukherjee, A. Mukherjee, K.N. Panikkar, S. Mahajan. Indian's Struggle for Independence. L.: Penguin UK, 2016. 600 p.
6. Copland I. India 1885–1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series), Harlow and L., 2001. 154 p.
7. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012. 492 p.
8. Egerton H.E. British Colonial Policy in the Twentieth Century. L., 1922. 280 p.
9. Government of India Act. URL: <https://www.gktoday.in/government-of-india-act-1919/> (data obrashcheniya: 05.01.2023).
10. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 65 (1917).
11. Great Britain Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Ser., . Vol. 65 (1917).
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1920), vol. 125.
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 150 (1922).
14. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 198 (1922).
15. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1927, vol. 68.
16. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 207 (1927).
17. Horne E. A. The Political System of British India. Oxford: The Clarendon Press, 1922. 184 p.
18. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52.
19. Ilbert, Sir Courtenay Peregrine. The Government of India. Third Edition revised and updated. Clarendon Press, 1922. P. 119–122.
20. Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49. 406 p.
21. Martin T., Moore, B., Butler, L.J. Crises of Empire: Decolonization and Europe's Imperial States, 1918-1975, L., 2008. 490 p.
22. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston, N. Y., Chicago, S.-F., 1922. 550 p.
23. Tummala K. K. Public Administration in India. Mumbai, 1994. 767 p.
24. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Sagimbayev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

УДК 94 (410)

Цуканова В.О., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ 100-ЛЕТИЯ ДНЯ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В данной статье исследуются статьи и публикации, одних из самых популярных представителей британской прессы, посвященные празднованию Дня Памяти Великой войны в юбилейный 2018 год. В этот год Великобритания, как и весь мир праздновала 100-летнюю дату праздника, что делало это событие еще более значимым и ценным с исторической точки зрения. В статье рассматриваются самые яркие публикации прессы, связанные с праздником, подробно рассматриваются темы и наполнение выпускаемых статей, все они разделены по группам в зависимости от цели написания и содержания. Анализируется контекст, в котором были написаны публикации с общей общественной, гражданской и политической обстановкой в стране. Поддерживание со стороны СМИ идеи национальной идеи и коллективной памяти жителей, важность сохранения этой памяти и передача новому поколению, на которое в большинстве и рассчитаны опубликованные статьи. Проанализировано какие мероприятия, проводимые как государством, так и различными общественными движениями, влияют на коммеморацию памяти граждан Великобритании. Выяснено какое влияние оказывают газетные статьи на формирование и закрепление памяти о Великой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, День Памяти, День Перемирья, юбилей, Великобритания, пресса, историческая память, память.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-120-136

Введение. 11 ноября 2018 года весь мир отмечал 100 лет со дня окончания Первой мировой войны. Десятки тысяч людей по всему миру собрались у памятников и мемориалов, посвященных войне, чтобы почтить память погибших солдат. В Великобритании этот день принято называть – Днем Памяти. Во время церемонии памяти возникает двухминутное молчание, когда часы показывают одиннадцать часов одиннадцать минут.

В Европе два государства с особым размахом отмечали окончание Первой мировой войны – это Великобритания и Франция. Мероприятия, проходившие в праздничные дни, достаточно полно освящены в публикациях газет. Все статьи, посвященные празднованию Дня Памяти в центральных СМИ Соединенного Королевства можно разделить на несколько групп.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования данной статьи является освещение в британской прессе празднования 100-летнего юбилея Дня Памяти Великой войны в Великобритании. Методологической основой работы являются принцип историзма, историко-сравнительный и историко-системный подходы, а также принцип объективности, позволяющие проводить подробно анализ с учетом всех возможных

факторов затрагивающих тему празднования юбилея Дня Памяти.

Во-первых, статьи, посвященные международной ситуации, сквозь призму празднования окончания Первой мировой войны во Франции.

Президент Франции Эмманюэль Макрон пригласил принять участие в церемонии президента России Владимира Путина, президента США Дональда Трампа, канцлера Германии Ангелу Меркель, президента Турции Реджепа Тайипи Эрдогана, премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, президента Сербии Александра Вучича, лидера Косово Хашима Тачи, премьер-министра Палестины Рами Хамдаллы, президента Австрии Александра Ван дер Беллена, президента Украины Пётра Порошенко, президента Грузии Георгия Маргвелашвили и др. лидеров стран – участниц Первой мировой войны, а также руководители международных организаций. Отсутствовала лишь представитель Великобритании в лице британского премьер-министра – Терезы Мэй, она не смогла почувствовать, ссылаясь на важность присутствия на церемонии в своей стране.

Вместо нее, согласно «The Guardian», на церемонии присутствовал канцлер герцогства Ланкастерского и министр Кабинета:

«французские наблюдатели удивились, что Мэй отсутствовала на собрании. Вместо этого ее представлял Дэвид Лидингтон...»[9]. По данным газеты «The Sun» премьер-министр Великобритании посещала Францию до поминального воскресенья во время своей поездки по историческим полям сражений британской армии в Европе. Они вместе с президентом Франции встретились «в Альберте, историческом городе в самом сердце региона Сомма, который подвергся сильным бомбардировкам во время войны»[54].

Итак, внимание британской прессы было приковано в частности к - 45-му президенту США Дональду Трампу. На этот раз огромный общественный резонанс вызвала отмена им посещения мероприятия в День Памяти: «Белый дом заявил, что "плохая погода" создала "логистические трудности" для поездки президента США и первой леди на американское кладбище Эн-Марн сегодня»[37]. Газета Daily Mail в своей статье отметила, что некоторые восприняли неявку Трампа в Белло Вуд как знак неуважения к американским солдатам, которые сражались и погибли в окопах. «Более 7000 человек были убиты или ранены в июньском сражении 1918 года в Белло Вуд, а на кладбище находятся могилы 2289 погибших на войне»[2]. Вместо них кладбище посетили глава администрации Белого дома Джон Келли и председатель Объединенного комитета начальников штабов Джозеф Данфорд.

Данный поступок, конечно, вызвал гневную реакцию среди граждан Соединенных Штатов, так как их президент отказался почтить память соотечественников, проливших кровь на полях сражения Первой мировой войны[2][27]. «The Guardian» в своей статье отметило: «очевидное пренебрежение президента США к мемориалу Белло подчеркивает отсутствие западной солидарности».

В общественности началось высмеивание всей ситуации, что подержалось и СМИ, две популярные газеты Великобритании «The Sun»[47] и «The Guardian»[27] выпустили статьи, где отметили насмешливую публикацию фотографии французской армии, на которой они проводят тренировку под дождем с подписью: «Идет дождь, но это нормально»[27]. В этой же газете была

опубликована карикатура на американского президента Бена Дженнингса, где Трамп стоит промокший от дождя с испорченной прической и с его вымышленными словами «Я предпочитаю, чтобы мои герои войны были сухими»[27].

Были и те, кто посчитал, что отказ от участия Соединенных Штатов в мероприятии связанно с публичными разногласиями между президентами США и Франции из-за высказывания Макрона о том, что «мы не сможем защищать европейцев, если не решим создать настоящую европейскую армию»[42], «президент Франции заявил, что США представляют такую же большую угрозу для ЕС, как Россия и Китай»[42], на что Д. Трамп ответил, что считает эти идеи «оскорбительными» для США и сил НАТО.

ВВС опубликовало статью посвященную президенту США под наименованием «День Памяти: Трамп присоединился к мировым лидерам в Париже на праздновании Первой мировой войны»[37] в которой подчеркивается значимость его фигуры по отношению к другим мировым лидерам которые посетили празднование.

Помимо взаимоотношений между французским и американским лидерами, конечно, внимание привлекал и президент России В.В. Путин, с ухудшающимися отношениями со странами Европы и США после событий 2014-го года. В прессе появилось видео, на котором представители всех стран, руководители международных организаций, все приглашенные президентом Франции на празднование юбилея окончания войны, размещаются у Триумфальной арки в ожидании начала церемонии, когда появляется российский лидер и, подходя поздороваться с Д. Трампом, показывает ему «большой палец». Газета «The Sun» опубликовало видео этого момента с подписью «ВЛАДИМИР Путин показал президенту Трампу большой палец, когда пара собралась с другими лидерами, чтобы отметить 100-ю годовщину окончания Первой мировой войны» [11].

«The Guardian» комментировало: «Трамп мрачно наблюдал за происходящим. Единственный момент, когда он ожидался, был, когда он увидел приближение Владимира Путина. Он сверкнул глупой улыбкой, тем более заметной рядом с

Макроном и Меркель, которые сменили свое поведение на стальную решимость, заметив российского лидера.

Путин торжественно пожал им руки, а затем показал Трампу большой палец.

Меркель смотрела на это с удивлением, а затем повернулась с улыбкой на лице...»[7].

В другой статье газета сделал акцент на том, что самое теплое приветствие от Путина удостоился именно Д. Трамп: «Он пожал руки нескольким лидерам, но его самое теплое приветствие было для Трампа, он улыбнулся, поднял большой палец и похлопал президента США по руке»[9].

Выступая с речью, президент Франции высказался об опасном росте и недопустимости национализма, газета «The Independent» приводит цитаты из его речи: «Патриотизм – это полная противоположность национализму»[35] и «Национализм - это предательство патриотизма. Говоря: "Наши интересы превыше всего, что бы ни случилось с другими", вы перечеркиваете самое ценное, что может быть у нации, то, что заставляет ее жить, то, что делает ее великой, и то, что является самым важным: ее моральные ценности»[35].

Также газета «The Guardian» приводит слова французского президента о мире: «...было здорово видеть мировых лидеров у Триумфальной арки мемориала Первой мировой войны, но спросил, как фотографии будут восприниматься в будущем: "Символ прочного мира? Или последний момент единства перед тем, как мир погрузится в беспорядок? Это зависит от нас"»[9].

Одной из центральных тем всех газет Великобритании являются – члены королевской семьи и в частности королева. По сравнению с французским празднованием 11 ноября, британское имело более частный характер.

Лондонское правительство решило пригласить лидера Германии - Франка-Вальтера Штайнмайера и провести с ним совместную церемонию с возложением венка у кенотафа в Лондоне. Данное мероприятие поминовения является одним из основополагающим для празднования Дня Памяти. «Присутствие г-на Штайнмайера стало символом дружбы, которая существует сегодня между двумя странами, сказал представитель Департамента цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта»[40], сообщает «Daily Mail».

Президент Германии вслед за Принцем Чарльзом возложил венок во время церемонии: «Впервые представитель Германии сделал это»[34].

Так же «примирительные» действия от лица немецкого народа сделала и канцлер Германии – Ангела Меркель. «Daily Mail» писало: «В ходе весьма символической церемонии Макрон и Меркель встретились на месте близ Компьена на востоке Франции, где Германия официально капитулировала на рассвете 11 ноября 1918 года, положив конец более чем четырехлетней бойне на западном фронте»[28].

А «The Independent» в своей статье под названием, отмечала: «Два лидера обнялись на открытии памятной доски, на месте железнодорожного вагона, где военные лидеры подписали соглашение о прекращении огня 11 ноября 1918 года»[18].

Также в британских средствах массовой информации делался акцент на понимании важности ношения цветка мака на груди в знак памяти погибших героев, несмотря на то, что публиковались статьи с различным окрасом проблемы т.к. в Великобритании на протяжении последнего десятилетия и на сегодняшний день довольно остро стоит вопрос в отношении главного знака поминовения – цветка мака. И, тем не менее, все попытки как-либо посягнуть на значимость ношения мака в День Памяти встречается с жесткой критикой, в чем прослеживается и официальное отношение правительства и королевской семьи к памятного знаку.

Газета «Daily Express» осветила случаи с запретом для использования символики с маком сотрудникам британской полиции. Полицейским запрещено размещать наклейки с маком на своих автомобилях в преддверии Дня памяти: «руководители БТП утверждают, что культовая эмблема красного мака может расстроить другие благотворительные организации»[15] и жилищной ассоциацией: «согласно электронному письму..., большие маки на передних решетках автомобиля не соответствуют политике компании. Другие предметы, нарушающие правила, включают флаги, наклейки и мягкие игрушки»[19].

Благодаря газете «The Sun», что улицы Великобритании, а именно фонарные столбы украшали маком, что вызвало конфликт с

местным жителем: Мужчина, предположительно в возрасте около 70 лет, пожаловался после того, как мак был прикреплен к фонарному столбу в Вудвилле, Дербишир. Они были установлены по всей территории Королевским британским легионом в преддверии 100-летия окончания войны в следующем месяце.

«Мы спросили его: "Ты знаешь, для чего это? Это к 100-летию окончания войны".

"Он сказал: "Мне было наплевать. Я тогда еще не родился. Если вы его повесите, то к утру его не будет"»[10].

В подобных статьях прослеживается неоднородность отношения простых жителей Великобритании к памяти о Великой войне и к празднованию Дня Памяти, были и те кто не разделял общественного воодушевления.

Большой резонанс вызвал скандал, связанный со студенчеством Кембриджа, одного из самых старейших и крупнейших университета в стране. «The Daily Telegraph» сообщает, что: «студенческий союз Кембриджского университета (CUSU) отклонил предложение о продвижении Воскресенья памяти на фоне опасений по поводу "прославления" конфликта»[8]. В ответ на это газета «Daily Express» публикует комментарий мера Кембриджшира Джеймса Палмера: «это решение принесло "большой позор" университетскому городу и демонстрирует "презрение" к Вооруженным силам в год столетия окончания Первой мировой войны»[4].

Газета «Daily Mail» так же выпустила статью с полной историей происходящего конфликта и комментариями к ней [26], и газета «The Sun» опубликовав статью с названием которое говорит само за себя и выражает отношение к происходящему: «Насмешливые студенты должны помнить героев войны, которые дали им будущее в этот День Памяти»[29]. В статьях посвященных теме этого конфронтации ярко просвечивается позиция самих СМИ т.к. в след за ними были выпущены статьи осуждающие действия студентов, например, интервью с бывшим солдатом Филом Кэмпбином, где он говорит о том, что: «в школьной программе отсутствует важный аспект, после того как студенты Кембриджа отвернулись от маков в День памяти, заявив, что цветы "прославляют войну".

Если бы я мог преподавать этим своенравным негодьям один урок, он заключался бы в том, что никогда не было мира, если за него не боролись»[51].

После разразившегося скандала представители студенчества поспешили оправдать свои слова, заявив, что дискуссии были не о том, чтобы стереть прошлое, а о том, чтобы расширить центр памяти, включив в него тех, кто пострадал и умер, где бы они ни находились в мире [51].

Еще один общественный скандал разгорелся вокруг ученицы Грейт-Ярмутской академии 13-летней Кортни Дугал, который осветили самые ведущие СМИ страны. «Daily Express» выпустила статью о произошедшем и первым словом в названии ее было восклицательное: «Неуважительно!»[55]. «Кортни, учившаяся в 9 классе средней школы Норфолка, с гордостью надела мак во вторник, но директор Смит сказал ей снять его»[28] отмечает газета «Daily Mail». Согласно статьям, хотя директор школы и сказал, что мак слишком большой, что он был больше, чем на полдюйма, чем традиционный бумажный мак[28].

Итак, становится четко видно, то, что не все простые граждане Великобритании так страстно поддерживают политику страны в отношении празднования Дня Памяти, были и те, кто выступал против, как в случае со студентами Кембриджа, которые под влиянием современных тенденций хотели изменить отношение к празднику. Что в свою очередь вызвало только поток критики и осуждения со стороны прессы.

Изменение происходящие в социальных течениях жизни подвергают и изменениям привычной, устоявшейся атрибуции празднества. Помимо классического красного мака, стала расти популярность цветка белого окраса. «Daily Express» отмечала, что «Маковый призыв на 2018 год стартовал 25 октября и продлится до Дня памяти 11 ноября. Что такое белый мак - как это связано с днем памяти?»[21].

Отмечается, что красный мак является официальным символом памяти Королевского британского легиона. Но в последние годы британцы стали носить больше цветов мака. Маки теперь окрашены в красный, белый, черный и фиолетовый цвета. В

публикации выделяется отдельный подзаголовок, который гласит: «Что такое белый мак и как он связан с днем памяти?». Объясняя своим читателям о значении белого мака, газета сообщает, что: «Белый мак вспоминает людей, погибших в конфликте, с акцентом на прекращение войны».

Белому маку также была выделена и отдельная статья под названием: «Значение белого мака: что такое белый мак, почему люди его носят? Оскорбительно ли это для красного?»[13]. В статье снова пересказывается смысл задумки данного окраса, возможно для того чтобы предотвратить недопонимание среди граждан столькими разновидностями мака.

«The Guardian» опубликовала Мишель Харрис, поэтессы и активистки движения за права инвалидов под названием: «Я ношу белый мак. Он заслуживает такого же уважения, как и красный»[20]. «Критиковать борцов за мир за то, что они носят этот мак, неправильно. Это представляет собой смену поколений в отношении к войне»[20]. Рассуждая, почему антивоенный мак вызвал такие дебаты в обществе, она рассказывает историю своей семьи, подчеркивая, что белый мак и его смысловая интерпретация отражают смену поколений и их отношение к войне: «Как британец тысячелетия, я горжусь белым маком. Я считаю, что это свидетельствует о смене поколений в отношении к войне»[20].

Некоторые люди считают, что красный мак прославляет войну и конфликты, поэтому белый был создан в качестве альтернативы. И в последние годы популярность именно белого мака значительно возросла. Координатор Союза «Залог мира» Саймон Хилл, который и занимается распространением и идеей белого мака, рассказал следующее: «За последние четыре года мы продавали около 100 000 каждый год. Рекорд был в 2015 году, когда мы продали 110 000. В 2017 году мы продали 101 000. К настоящему времени в этом году, в 100-ю годовщину Первой мировой войны, уже продано более 75 000. Есть реальный шанс, что мы можем превзойти рекорд»[15].

Газета «The Times» 8 ноября 2018г. отмечала, что в этом (2018) году перед Днем Памяти было продано рекордное количество

памятных белых маков, несмотря на споры вокруг их использования[8].

«Daily Express» выпустила несколько публикаций, объясняющих своим читателям различия и важность ношения макового цветка в знак поминовения павших. В статье под названием: «День памяти 2018: что такое белые, фиолетовые и ЗОЛОТЫЕ маки - что они означают?». «Красные маки обычно носят “как символ памяти и надежды”, и они красные “из-за естественного цвета полевых маков”... Все больше людей предпочитают носить белые маки в память обо всех жертвах войны, независимо от их национальности или того, являются ли они гражданскими лицами....Фиолетовые маки отдают дань уважения всем животным, которые погибли в мировых конфликтах за эти годы»[24]. Отмечалось, что в честь юбилейного года при поддержке Королевского британского легиона будет выпущен специальный вариант макового цветка, специальный мак с золотыми листьями, посвященный особому столетию. Каждый такой особенный цветок будет украшен деталями из сусального золота. На зеленом листе специального мака золотом будет написано 1918-2018. Семь миллионов маков будут проданы по всей стране - это часть кампании, призванной побудить людей покупать и носить мак как символ памяти[26]. «The Sun» сообщает: «...также выпускается еще один мак, и он еще более редкий, чем мак сусального золота» [30].

Итак, к празднованию 100-летия со дня окончания Первой мировой войны появились различные мнения не только в нравственном отношении к празднованию, но и к символам Дня Памяти, в частности к маку. Появилось множество вариантов цветка имеющие свой смысл британская пресса в свою очередь не критикует их, а занимает позицию принятия любого цветового решения, стараясь пояснить читателю, что самое важное это то, что сама память об этом дне не забыта. СМИ крайне осуждают только негативное отношение, как к празднованию Дня Памяти, так и к символам праздника.

На фоне больших споров о ношении маков, конечно, внимание британцев устремлено на королеву и в это беспокойное время 7 ноября в «Daily Express» выходит статья под названием: «Новости королевы

Елизаветы II: королева улыбается при открытии штаб-квартиры – но где ее мак?». В статье отмечается, что, королева Елизавета II улыбалась, когда прибыла сегодня на открытие новой штаб-квартиры Шредерс в Лондоне, но на ней не было памятного мака. Авторы статьи подчеркивали, что статья не выпущена с укором к королеве: «Express.co.uk понимает, что монарх обычно предпочитает носить мак в выходные дни Поминального воскресенья – протокола нет, и поэтому выбор остается за королевой»[45].

А уже через два дня 9 ноября, в продолжение выходит новая статья объясняющая причину, по которой королева не носила в тот день цветок мака на груди. Газета отмечает: «Express.co.uk понимает, что королева будет носить мак в выходные дни Поминального воскресенья во время богослужений. Однако в королевском протоколе не указано, когда и где Ее Величество должна носить мак, поэтому это ее выбор, когда она решает его надеть..»[23]. Автор статьи напоминает, что «на предыдущих мероприятиях королева надевала мак и не с одним, а она носила до пяти штук одновременно.

Пресса внимательно следит за тем, наденет ли или нет маковый цветок королева и члены британской короны, один это будет цветок или несколько, их точное количество и вплоть до размера цветка и его расположения на груди.

Королева Елизавета ежегодно посещает церемонию у Кенотафа в День Памяти, в этом году она надела на службу целых пять цветков, что не осталось незамеченным в прессе. «По поводу причины ходят слухи, и, хотя окончательного объяснения нет, общественный интерес достиг своего пика, когда Кейт Миддлтон также была замечена в нескольких маках»[17].

«Daily Mail» сообщает: Герцогиня Кембриджская также позаботилась о том, чтобы ее собственная демонстрация выделялась, надев три бумажных мака и одну керамическую брошь, приколотую к ее пальто в стиле милитари. «Кейт с гордостью носила брошь "Женщины Первой мировой войны Королевского британского легиона", посвященную женщинам, которые служили и погибли в результате Первой мировой войны»[6].

Сразу три газеты Великобритании

выпустили статьи, пытаясь разобраться в причинах, появления королевских особ сразу с несколькими цветками мака, одна из теорий заключается в том, что она носит по одному маку для каждого рода войск: военно-морского флота, армии и военно-воздушных сил, плюс по одному для представителей гражданской обороны и женщин.

И, тем не менее «Daily Express» заявляет, что причина, по которой старшие члены королевской семьи носят более одного мака, официально неизвестна[17], но «какой бы, ни была причина, дань уважения ее Величества, безусловно, было трудно пропустить»[44].

В воскресный вечер королевская семья и приглашенные гости собрались на фестивале памяти в Королевском Альберт-холле «Daily Express» подмечает, что их маки были разных форм и размеров, ярко выделялись на темной вечерней одежде, но послание было тем же: они не будут забыты. Не остался незамеченным тот факт, что герцогиня Кембриджская, надела свою брошь с тремя маками не с традиционной левой стороны «чтобы быть ближе к сердцу»[12], а справа. Вероятно, причина заключалась в том, что ее асимметричное платье было откровенно вырезано с левой стороны, без места для мака.

Так же не остались без внимания и другие члены британской короны: Герцогиня Сассекская обошлась гораздо более скромной булавкой с маковой эмалью, а Камилла, герцогиня Корнуоллская, выбрала брошь «Женщины Первой мировой войны» стоимостью 29,99 фунтов стерлингов, выпущенную Королевским британским легионом, которая оказалась настолько популярной, что в этом году была распродана. Брошь Софи, графини Уэссекской, похоже, не попала в ассортимент маков в этом году, предполагая, что она, возможно, переделала ту, которая у нее уже была. Мужчины-члены королевской семьи, включая принцев Уильяма и Гарри, довольствовались одним простым бумажным маком, украшающим их военные медали.

Таким образом, пресса с особым вниманием следит за всеми появлениями королевской семьи в праздничные дни, делая акцент в своих статьях на ношение ими символа Дня Памяти – цветка мака.

Большое количество статей было посвящено публикации архивных фото, видео,

исторических справок о праздновании и других различных материалов времен Великой войны.

9 ноября 2018 г. в газете «Daily Express» вышла статья с наименованием: «День памяти 2018: Когда закончилась Первая мировая война? Что такое День перемирия?»[25]. В ней сообщалось: «День памяти, проводимый ежегодно 11 ноября, возник как день памяти со Дня перемирия, проводимого в тот же день. Подобная статья была и у «The Guardian»[3], которая сопровождалась архивными фотографиями времен Первой мировой войны.

«Daily Mail» затрагивает вопрос важности соблюдения двух минут молчания в память о погибших в Великой войне: «Соблюдение тишины – мощная вещь, и в мире шума и хаоса, вот почему тишина может быть так важна...»[48] Боевые действия в Первой мировой войне официально прекратились в 11 часов утра 11 ноября 1918 года, когда союзники и немцы подписали перемирие во Франции. Мирное соглашение вступило в силу в «одиннадцатый час одиннадцатого дня одиннадцатого месяца».

В статье: «День памяти 2018: почему 11 ноября - день памяти? Почему носят маки?»[31] от 5 ноября 2018 года. В ней рассказывается история становления цветка мака национальным знаком: «Знаменитое стихотворение канадского врача подполковника Джона Маккрея "На полях Фландрии" было вдохновлено маками, растущими на полях сражений. Стихотворение было написано в 1915 году и вдохновило американскую учительницу Мойну Майкл на изготовление и продажу шелковых маков, чтобы собрать деньги для сообщества бывших военнослужащих. Эти маки прибыли в Великобританию и были приняты Королевским британским легионом в качестве своего символа»[31].

Не прошло и двух часов с окончания церемонии возложения венков у Кенотафа, как газета «The Sun» опубликовала статью с наименованием: «ДЕНЬ, КОТОРЫЙ НУЖНО ЗАПОМНИТЬ. Когда был парад в День памяти 2018 года и служба кенотафов?»[32]. В статье описываются мероприятия первой половины праздничного дня.

11 ноября опубликована статья Джеймса Холланда в которой он публикует часть своей новой книги. Несмотря на то, что

статья довольно обширная, первый эпизод описываемый автором, связан с неким «братанием» с немецким солдатом, который попал в плен после того как выстрелил снаряд в британцев.

Сержант, захвативший его, говорит: «...»дайте этому парню выпить, и давайте выясним, что с ним не так. Вот, Джерри, возьми сигарету».

Забавная война - пять минут назад эти парни пытались убить друг друга, а теперь они лучшие друзья»[53].

Так же были опубликованы статьи под названием: «День Памяти 2018: какие лучшие стихи и цитаты на 11 ноября?»[39] и «ДЛЯ ПАВШИХ

Цитаты и стихи Дня памяти в память о павших»[46].

Издания приводят ряд авторов и произведений, которые, по их мнению, идеально подходят к поминовению: «Лучшие стихи ко Дню памяти были написаны теми, кто когда-то был заключен в окопы, и небольшая подборка приведена ниже»[46]. В этом списке были: «Мечтатели» - Зигфрид Сассун, «Солдат» - Руперт Брук, «На полях Фландрии» - Джон Маккрей, «Ода памяти» – Лоуренс Биньон, «И смерть не будет властвовать» – Дилан Томас, «Второе пришествие» - У. Б. Йейтса, «МСМХIV» - автор Филип Ларкин, «Выдержка из "Заряда легкой бригады"» - Альфред, лорд Теннисон,

Лучшие цитаты, Уинстон Черчилль: «Никаких компромиссов в отношении главной цели; никакого мира до победы; никакого пакта с нераскаявшейся неправотой - это Декларация от 4 июля 1918 года»[38]. И «Гарольда Николсона, британского делегата на Парижской мирной конференции 1919 года "Как важно для нас признавать и чествовать наших героев и косуль"»[46].

«Рыдания вдовы нарушили двухминутное молчание после того, как Георг V возложил венок на гроб неизвестного солдата, который будет похоронен в Вестминстерском аббатстве»[39].

10 ноября 2018 г. газета «The Sun» выпустила статью о первом Дне Памяти, прошедшем в 1920 году: Первый день памяти был проведен в 1920 году после того, как Кабинет министров решил, что Уайтхолл будет в центре национального траура [39]. Статья

сопровождается архивными фотографиями и цитатами из воспоминаний современников событий.

«The Guardian» в честь юбилея выложила оцифрованные статьи своих газет 1920 года, где она описывает символическое захоронение неизвестного солдата, также в сопровождении архивных фотографий того дня [33]. «Daily Mail» редкий документ, послание, адресованное британским войскам с приказом о прекращении огня в конце Первой мировой войны. Оно было передано 59-й дивизии во Франции с приказом о прекращении огня в 11 часов утра 11 ноября 1918 года капралом Джорджем Чарльзом Гулдингом [49].

По сообщениям газеты оно, вместе с медалями и коробкой с фотографиями Чарльза и его жены, будет продано на аукционе. Также к столетнему юбилею окончания войны был выпущен звук, записанный на американском фронте у реки Мозель во Франции за минуту до перемирия в 11 часов утра 11 ноября 1918 года.

«Клип показывает, как стрельба и обстрелы на западном фронте продолжались до самых последних моментов Великой войны. Артиллерия все еще действовала в 10.58 утра в последний день четырехлетнего конфликта» [14].

Были опубликованы редкие кадры фронтового медицинского персонала в цвете, отмечая жертву тысяч женщин-добровольцев в честь Дня памяти [56]. Так же «The Guardian» посвятил статью женщинам в военное время: «Женщины и первая мировая война: вкус свободы» [43]. Отмечалось, что для многих женщин в тылу военные годы стали трамплином к освобождению. Но с наступлением мира наступила обратная реакция.

И уже поздно вечером 11 ноября BBC выложили статью: «День Памяти: в фотографиях» [36], с фотографиями самых ярких и запоминающихся моментов прошедшего дня.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, 100-летний юбилей Дня Памяти и окончания Первой мировой войны широко освещался в основных британский СМИ. Пресса печатала статьи, освещая предстоящий день со всех возможных сторон и углов зрения. Издавались публикации исторического характера: архивные фотографии, видео, даже звук, записи дневников, история

зарождения самого Дня Перемирия, истории жизни героев и их потомков; публиковали множество статей воспитательно-патриотического характера: о том, что это за день, почему его нужно отмечать, почему так важно двухминутное молчание и знак мака на груди у сердца. Статьи, посвященные политической жизни: тур Терезы Мэй по полям, где сражалась британская армия, празднование Дня Перемирия во Франции, королевская семья, приглашенный немецкий лидер и его первое возложение венка у Кенотафа. Немало статей выделено и на долю происходивших скандалов и расколов в обществе из-за отношения к празднованию Дня Памяти и его традиционных памятных знаков.

Заключение (выводы). Четко прослеживается патриотический настрой газет в отношении атрибуции дня поминовения в виде мака, хотя они не категоричны в различных цветах и значениях цветка, но выступают решительно против отказа носить его под эгидой изменения социальной политики, публикуя статьи с высказываниями знаменитых людей говорящих о том, что они не должны бояться кого-то обидеть своей памятью, «если иностранный студент хочет обидеться, обижайся, так что это твой выбор» [52]. И это все транслируется самыми популярными и читаемыми газетами и таблоидами. А статьи, описывающие какое-либо принижение мака, обязательно сопровождаются словом «ПОЗОР» написанным с заглавными буквами в самом начале названия статьи [41]. Но данное настроение присутствует и среди гражданского населения; люди бастуют, когда им запрещают украшать рабочие машины маком, таксиста увольняют за отказ перевозить коробки с маковыми значками, журналистов осуждают за, то, что они не носят цветок в эфирах, а футболистов пользователи сети травят в интернете за отказ надевать мак на свою форму и т.д.

Многие государственные организации и журналисты не носят мак, ссылаясь на то, что они не могут тем самым поддерживать конкретно одну какую-то благотворительную организацию. А именно Королевский британский легион, который и занимается основными мероприятиями дня поминовения и акцией красного мака, самой знаменитой эмблемы памяти британцев.

Сами же представители власти члены Кабинета министров и члены королевской семьи поддерживают акцию с красным маком, что говорит о закреплённой официальности этого знака поминовения. Если кто-либо из королевской семьи не надевает мак в дни

празднования или же одевает его не на левую сторону, у сердца, то газеты скорее выпускают публикации, разъясняющие удивлённым читателям, что на все есть своя причина, дабы не вызвать какого-либо общественного резонанса.

Список литературы

1. Ardehali R. Strict school that banned 'Meet Me At McDonald's' haircuts now forces pupil to take off knitted Remembrance Day poppy because it is less than half an INCH too big // Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6346181/Strict-school-forces-pupil-knitted-Remembrance-Day-poppy.html> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Afp (2018) Trump under fire after cancelling WWI cemetery visit// Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/afp/article-6375277/Trump-fire-cancelling-WWI-cemetery-visit.html> (дата обращения: 27.01.2023).
3. Ascherson N. Armistice Day: victory and beyond // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/armistice-day-victory-and-beyond-first-world-war-neal-ascherson-essay> (дата обращения: 27.01.2023).
4. Barnett H. Cambridge University students reject Remembrance Day poppies saying they 'GLORIFY WAR'//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1030033/Cambridge-university-poppy-remembrance-Sunday-student-union> (дата обращения: 25.01.2023).
5. Belam M. French army trolls Trump with picture of them training in rain//The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/nov/12/french-army-trolls-trump-with-picture-of-them-training-in-rain> (дата обращения: 25.01.2023).
6. Brennan S. Her Majesty's touching tribute: Queen leads Armistice commemorations wearing FIVE poppies - while the Duchess of Cambridge sports a display of four symbolic flowers//Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-6377007/Queen-leads-Armistice-commemorations-wearing-FIVE-poppies.html> (дата обращения: 03.02.2023).
7. Borger J. Thumbs up from Putin as Trump rains on Armistice parade// The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/thumbs-up-from-putin-as-trump-rains-on-armistice-parade> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Burgess K. White poppy sales at record high before Remembrance Day//The Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/white-poppy-sales-at-record-high-before-remembrance-day-xmdx2zlwg> (дата обращения: 05.02.2023).
9. Chrisafis A. Macron warns of rising nationalism as world leaders mark armistice // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/trump-joins-macron-and-world-leaders-at-armistice-ceremony> (дата обращения: 04.02.2023).
10. Christodoulou H. Fury as OAP demands poppy is removed from lamppost outside his home – as he 'couldn't give a damn' about WW1//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7590149/man-demand-poppy-removed-outside-home/> (дата обращения 30.01.2023).
11. Clark N. PUTIN DIFFERENCES ASIDE World War One Armistice: President Trump and Vladimir Putin shake hands as leaders gather in Paris to remember 100 years since guns fell silent//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7712419/world-war-one-armistice-trump-putin/> (дата обращения 04.02.2023).
12. Craven N. The Royals remember: The Queen wears FIVE poppies as she is joined by Kate and William for the Festival of Remembrance at Royal Albert Hall (but who put Harry and Meghan in the cheap seats?)//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6375459/Prince-Harry-Meghan-arrive-senior-royals-Festival-Remembrance-Royal-Albert.html> (дата обращения: 27.01.2023).
13. Doyle L. White poppy meaning: What is a White Poppy, why do people wear it?//Daily Express

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1039387/white-poppu-meaning-what-is-remembrance-day-2018-world-war-one-royal-british-legion> (дата обращения: 30.01.2023).

14. Duggan J. Incredible WW1 recording reveals moment guns fell SILENT after four years of war in 1918//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1042879/world-war-one-remembrance-day-recording-guns-silent-armistice-1918> (дата обращения: 27.01.2023).

15. Duggan J. Poppies BANNED from police vehicles as 'stench of political correctness' hits//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1031017/remembrance-day-poppu-poppies-british-transport-police-banned> (дата обращения: 05.02.2023)

16. Ferguson K. Mayor slams Cambridge University students after they turn down call to promote Remembrance Day and to encourage people to buy poppies// Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6259837/Cambridge-University-Students-Union-row-Remembrance-Day-motion.html> (дата обращения: 28.02.2023).

17. Flood R. This is why the Queen and Kate Middleton wear multiple poppies on//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/fabulous/7700137/why-queen-kate-middleton-wear-multiple-poppies-remembrance-day/> (дата обращения: 28.01.2023).

18. Forrest A. Macron and Merkel unveil commemorative First World War plaque at Armistice site // The Independent [Электронный ресурс] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/emmanuel-macron-angela-merkel-armistice-world-world-one-commemorative-plaque-a8627831.html> (дата обращения: 23.01.2023).

19. Gamp J. Insult to Britain's fallen - Fury after staff told to remove POPPIES from vehicles//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1036076/british-legion-poppu-remembrance-sunday> (дата обращения: 30.01.2023).

20. Harris M. I wear a white poppy. It deserves as much respect as a red one //The Sun [Электронный ресурс]. URL:<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/06/white-poppies-respect-red-peace-campaigners-war> (дата обращения: 04.02.2023).

21. Henden A. Poppy Appeal 2018: What is the white poppy - how is it linked to remembrance day? // Daily Express [Электронный ресурс]. URL:<https://www.express.co.uk/news/uk/1036744/Poppy-Appeal-2018-what-is-white-poppu-meaning-peace-Remembrance-day> (дата обращения: 27.01.2023).

22. Holland J. 100 years of remembrance: 'Feeling pity rather than horror'//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1043919/remembrance-sunday-2018-100-years> (дата обращения: 27.01.2023).

23. Hopps K. Queen Elizabeth II news: Does the Queen wear a poppy for Remembrance Day? // Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/royal/1043375/Queen-Elizabeth-II-news-Queen-wear-poppu-Remembrance-Day> (дата обращения: 02.02.2023).

24. Hopps K. Remembrance Day 2018: What are white, purple and GOLD poppies - what do they mean?//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1036974/Remembrance-Day-2018-white-purple-gold-poppu-meaning-poppu-appeal> (дата обращения: 30.01.2023).

25. Hopps K. Remembrance Day 2018: When did World War One end? What is Armistice Day?//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/1043332/Remembrance-Day-2018-when-did-World-War-One-end-what-is-Armistice-Day> (дата обращения: 30.01.2023).

26. Hughes A. Gold leaf poppies: What does it mean? How can I get one?//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1036308/Royal-british-legion-appeal-2018-selling-gold-poppies-gold-leaf-poppies-remembrance-day> (дата обращения: 04.02.2023).

27. Jennings B. on Donald Trump marking the armistice - cartoon//The Guardian [Электронный ресурс]. URL:<https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2018/nov/11/ben-jennings-on-donald-trump-marking-the-armistice-cartoon> (дата обращения: 23.01.2023)

28. Jewell B. Macron and Merkel link hands at WWI memorial at the Glade of the Armistice near Compiègne to mark 100 years since war between France and Germany came to an end// Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6375139/Macron->

Merkel-link-hands-WWI-memorial-Glade-Armistice.html (дата обращения: 27.01.2023).

29. Kelly L. Sneering students should remember the war heroes who gave them a future this Remembrance Day//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7483044/students-cambridge-university-remembrance-day-lorraine-kelly/> (дата обращения: 25.01.2023).

30. Kindred A. One in six Remembrance Day poppies will have gold leaf details to mark WW1 centenary as appeal launched today //The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7578349/gold-leaf-poppies-remembrance-day/> (дата обращения: 04.02.2023).

31. Laud G. Remembrance Day 2018: Why is November 11 a day of Remembrance? Why are poppies worn? //Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1041066/remembrance-day-2018-why-is-November-11-remembrance-day-why-poppies-worn> (дата обращения: 03.02.2023).

32. Murphy A. A DAY TO REMEMBER When was the 2018 Remembrance Day parade and Cenotaph service?//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7702668/2018-remembrance-day-parade-cenotaph-service/> (дата обращения: 03.02.2023).

33. Nelsson R. The funeral of the Unknown Warrior - archive, 1920//The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/from-the-archive-blog/2020/nov/10/the-funeral-of-the-unknown-warrior-november-920> (дата обращения: 27.01.2023).

34. Press Association Queen and President of Germany attend remembrance service at Westminster Abbey // Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/pa/article-6377877/Queen-President-Germany-attend-remembrance-service-Westminster-Abbey.html> (дата обращения: 02.02.2023).

35. Rahim Z. Remembrance Day: World leaders, royals and the public mark 100th anniversary of the Armistice// The Independent [Электронный ресурс] URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/remembrance-day-live-2018-armistice-queen-ww1-parade-first-world-war-poppu-cenotaph-11-november-a8628416.html> (дата обращения: 28.01.2023)

36. Remembrance Day: In pictures //BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/in-pictures-46169514> (дата обращения: 02.02.2023).

37. Remembrance Day: Trump joins world leaders in Paris for WW1 commemoration (2018)//BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/av/46170584> (дата обращения: 04.02.2023).

38. Remembrance Day: where and when to attend the main ceremonies // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/nov/10/remembrance-day-centenary-ceremonies> (дата обращения: 26.01.2023).

39. Ridley M. 100 YEARS ON First WW1 Remembrance Day saw the unknown warrior returned from France as 1.25m Brits filed past memorial in London 100 years ago//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7706189/we-commemorate-the-first-remembrance/> (дата обращения: 27.01.2023).

40. Robertson A. Meghan stands shoulder to shoulder with German President's wife as the Queen watches him become the country's first leader to lay a wreath at the Cenotaph in historic act of reconciliation marking 100 years since the end of WWI//Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6376733/Pipers-Britain-kick-Armistice-Day-commemorations.html> (дата обращения: 06.02.2023).

41. Rogers J. Birmingham taxi driver sacked for refusing to transport boxes of British Legion poppies to Aston Villa FC//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7648375/birmingham-taxi-driver-sacked-refusing-british-legion-poppies/> (дата обращения: 04.02.2023).

42. Rogers J. RAIN STOPS PRAY Trump CANCELS Remembrance Day visit to WW1 cemetery as rain grounds chopper//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7707746/trump-cancels-remembrance-day-visit-ww1-cemetery-france-rain/> (дата обращения: 05.02.2023).

43. Rowbotham Sh. Women and the first world war: a taste of freedom// The Guardian

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/women-first-world-war-taste-of-freedom> (дата обращения: 27.01.2023).

44. Russell R. Why does the Queen wear more than one poppy at Remembrance Day events?//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1043769/queen-elizabeth-II-news-why-does-queen-wear-more-than-one-poppu-remembrance-day> (дата обращения: 24.01.2023).

45. Stinson N. Queen Elizabeth II news: Queen all smiles at headquarters opening – but where's her poppy? // Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/royal/1042198/queen-elizabeth-II-news-schroders-plc-headquarters-london-poppu-remembrance-day-royal-news> (дата обращения: 25.01.2023).

46. Stow N. FOR THE FALLEN Remembrance Day quotes and poems to remember the fallen//The Sun [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/7646067/remembrance-day-poems-quotes-messages/> (дата обращения: 04.02.2023).

47. Tahir T. IT'S RAINING, BUT IT'S NOT SERIOUS. Donald Trump trolled by French army after missing WW1 ceremony due to rain//The Sun [Электронный ресурс]. URL:<https://www.thesun.co.uk/news/7726531/donald-trump-trolled-french-army-missing-ww1-ceremony-rain/> (дата обращения: 25.01.2023).

48. Tingle R. Armistice Day: Why silence can be so important in our lives//Daily Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/pa/article-6376669/Armistice-Day-Why-silence-important-lives.html> (дата обращения: 04.02.2023).

49. Tingle R. The note that ended the First World War: 'Priority' message delivered to British troops by motorbike dispatcher in 1918 goes up for auction after being found in a loft ahead of Armistice Day//Daily Mail [Электронный ресурс]. URL:<https://www.dailymail.co.uk/news/article-6368113/Century-old-message-British-troops-ordering-World-War-ceasefire-goes-sale.html> (дата обращения: 02.02.2023).

50. Turner C. Cambridge University students vote against Remembrance Sunday motion over fears it 'glorifies'//The Daily Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/education/2018/10/10/fears-glorification-war-sees-cambridge-university-students-reject/> (дата обращения: 25.01.2023).

51. Weston K. Millennials fail to respect Remembrance Day poppy for this KEY reason, says ex-SAS veteran // Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1034025/remembrance-day-sunday-poppu-cambridge-students-education> (дата обращения: 27.01.2023).

52. Weston K. Why are we afraid to offend?' Michelle Dewberry FURIOUS over Cambridge rejecting poppies//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1033573/remembrance-sunday-michelle-dewberry-cambridge-poppies> (дата обращения: 30.01.2023).

53. Whitfield K. Remembrance Day 2018: Is Remembrance Day for WW1 or WW2?//Daily Express [Электронный ресурс]. URL:<https://www.express.co.uk/news/uk/1043140/remembrance-day-2018-is-remembrance-day-for-ww1-ww2> (дата обращения: 23.01.2023).

54. Wooding D. MAY GREAT WAR TOUR Theresa May to pay her respects to Britain's fallen heroes in the killing fields of the Western Front to mark First World War Centenary//The Sun [Электронный ресурс]. URL:<https://www.thesun.co.uk/news/7654200/theresa-may-first-world-war-centenary-tour/> (дата обращения 31.01.2023).

55. Yedroudj L. Disrespectful! Girl BANNED from wearing poppy at school – because it's TOO BIG//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1040109/uk-norwich-girl-banned-wearing-poppu-royal-british-legion> (дата обращения: 10.02.2023).

56. Yedroudj L. Remembrance Day: World War One frontline volunteers in COLOUR - exclusive PICTURES//Daily Express [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/1044227/remembrance-day-armistice-world-war-1-WW1-photos-pictures-colour> (дата обращения: 29.01.2023).

REFLECTION IN THE BRITISH PRESS OF THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT WAR MEMORIAL DAY

This article examines articles and publications by some of the most popular representatives of the British press dedicated to the celebration of Great War Remembrance Day in the anniversary year 2018. This year, Great Britain, like the whole world, celebrated the 100th anniversary of the holiday, which made this event even more significant and valuable from a historical point of view. The article examines the most prominent press publications related to the holiday, examines in detail the topics and content of published articles, all of them are divided into groups depending on the purpose of writing and content. The context in which the publications were written with the general social, civil and political situation in the country is analyzed. Support by the media of the idea of a national idea and the collective memory of residents, the importance of preserving this memory and passing it on to a new generation, for whom the published articles are mostly intended. It analyzes what events, carried out both by the state and various social movements influence the commemoration of the memory of British citizens. It was found out what influence newspaper articles have on the formation and consolidation of the memory of the Great War.

Keywords: First World War, Remembrance Day, Armistice Day, anniversary, Great Britain, press, historical memory, memory.

References

1. Ardehali R. (2018). Strict school that banned 'Meet Me At McDonald's' haircuts now forces pupil to take off knitted Remembrance Day poppy because it is less than half an INCH too big [Strict school that banned 'Meet Me At McDonald's' haircuts now forces pupil to take off knitted Remembrance Day poppy because it is less than half an INCH too big] // Daily Mail. Retrieved 34 January, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6346181/Strict-school-forces-pupil-knitted-Remembrance-Day-popy.html>
2. Afp. (2018). Trump under fire after cancelling WWI cemetery visit [Trump under fire after cancelling WWI cemetery visit] // Daily Mail. Retrieved 27 January, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/wires/afp/article-6375277/Trump-fire-cancelling-WWI-cemetery-visit.html>
3. Ascherson N. (2018). Armistice Day: victory and beyond [Armistice Day: victory and beyond]// The Guardian. Retrieved 27 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/armistice-day-victory-and-beyond-first-world-war-neal-ascherson-essay>
4. Barnett H. (2018). Cambridge University students reject Remembrance Day poppies saying they 'GLORIFY WAR' [Cambridge University students reject Remembrance Day poppies saying they 'GLORIFY WAR']//Daily Express. 27 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1030033/Cambridge-university-popy-remembrance-Sunday-student-union>
5. Belam M. (2018). French army trolls Trump with picture of them training in rain [French army trolls Trump with picture of them training in rain]//The Guardian. 25 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/us-news/2018/nov/12/french-army-trolls-trump-with-picture-of-them-training-in-rain>
6. Brennan S. (2018). Her Majesty's touching tribute: Queen leads Armistice commemorations wearing FIVE poppies - while the Duchess of Cambridge sports a display of four symbolic flowers [Her Majesty's touching tribute: Queen leads Armistice commemorations wearing FIVE poppies - while the Duchess of Cambridge sports a display of four symbolic flowers]//Daily Mail. 03 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-6377007/Queen-leads-Armistice-commemorations-wearing-FIVE-poppies.html>
7. Borger J. (2018). Thumbs up from Putin as Trump rains on Armistice parade [Thumbs up from Putin as Trump rains on Armistice parade]// The Guardian. 02 February, 2023 from <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/thumbs-up-from-putin-as-trump-rains-on-armistice-parade>
8. Burgess K. (2018). White poppy sales at record high before Remembrance Day [White poppy sales at record high before Remembrance Day]//The Times. 05 February, 2023 from <https://www.thetimes.co.uk/article/white-popy-sales-at-record-high-before-remembrance-day-xmdx2zlwg>
9. Chrisafis A. (2018). Macron warns of rising nationalism as world leaders mark armistice [Macron warns of rising nationalism as world leaders mark armistice]// The Guardian. 04 February, 2023 from <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/trump-joins-macron-and-world->

leaders-at-armistice-ceremony

10. Christodoulou H. (2018). Fury as OAP demands poppy is removed from lamppost outside his home – as he ‘couldn’t give a damn’ about WW1 [Fury as OAP demands poppy is removed from lamppost outside his home – as he ‘couldn’t give a damn’ about WW1]//The Sun. 30 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7590149/man-demand-popy-removed-outside-home/>

11. Clark N. (2018). PUTIN DIFFERENCES ASIDE World War One Armistice: President Trump and Vladimir Putin shake hands as leaders gather in Paris to remember 100 years since guns fell silent [PUTIN DIFFERENCES ASIDE World War One Armistice: President Trump and Vladimir Putin shake hands as leaders gather in Paris to remember 100 years since guns fell silent]//The Sun. 04 February, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7712419/world-war-one-armistice-trump-putin/>

12. Craven N. (2018). The Royals remember: The Queen wears FIVE poppies as she is joined by Kate and William for the Festival of Remembrance at Royal Albert Hall (but who put Harry and Meghan in the cheap seats?) [The Royals remember: The Queen wears FIVE poppies as she is joined by Kate and William for the Festival of Remembrance at Royal Albert Hall (but who put Harry and Meghan in the cheap seats?)]//Daily Express. 27 January, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6375459/Prince-Harry-Meghan-arrive-senior-royals-Festival-Remembrance-Royal-Albert.html>

13. Doyle L. (2018). White poppy meaning: What is a White Poppy, why do people wear it? [White poppy meaning: What is a White Poppy, why do people wear it?]/Daily Express. 30 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1039387/white-popy-meaning-what-is-remembrance-day-2018-world-war-one-royal-british-legion>

14. Duggan J. (2018). Incredible WW1 recording reveals moment guns fell SILENT after four years of war in 1918 [Incredible WW1 recording reveals moment guns fell SILENT after four years of war in 1918]//Daily Express. 27 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1042879/world-war-one-remembrance-day-recording-guns-silent-armistice-1918>

15. Duggan J. (2018). Poppies BANNED from police vehicles as ‘stench of political correctness’ hits [Poppies BANNED from police vehicles as ‘stench of political correctness’ hits]// Daily Express. 05 February, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1031017/remembrance-day-popy-poppies-british-transport-police-banned>

16. Ferguson K. (2018). Mayor slams Cambridge University students after they turn down call to promote Remembrance Day and to encourage people to buy poppies [Mayor slams Cambridge University students after they turn down call to promote Remembrance Day and to encourage people to buy poppies]// Daily Mail. 28 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6259837/Cambridge-University-Students-Union-row-Remembrance-Day-motion.html>

17. Flood R. (2018). This is why the Queen and Kate Middleton wear multiple poppies on [This is why the Queen and Kate Middleton wear multiple poppies on]//The Sun. 28 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/fabulous/7700137/why-queen-kate-middleton-wear-multiple-poppies-remembrance-day/>

18. Forrest A. (2018). Macron and Merkel unveil commemorative First World War plaque at Armistice site [Macron and Merkel unveil commemorative First World War plaque at Armistice site]// The Independent. 23 January, 2023 from <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/emmanuel-macron-angela-merkel-armistice-world-world-one-commemorative-plaque-a8627831.html>

19. Gamp J. (2018). Insult to Britain's fallen - Fury after staff told to remove POPPIES from vehicles [Insult to Britain's fallen - Fury after staff told to remove POPPIES from vehicles]//Daily Express. 30 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1036076/british-legion-popy-remembrance-sunday>

20. Harris M. (2018). I wear a white poppy. It deserves as much respect as a red one [I wear a white poppy. It deserves as much respect as a red one]//The Sun. 04 February, 2023 from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/06/white-poppies-respect-red-peace-campaigners-war>

21. Henden A. (2018). Poppy Appeal 2018: What is the white poppy - how is it linked to remembrance day? [Poppy Appeal 2018: What is the white poppy - how is it linked to remembrance day?]/Daily Express. 27 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1036744/Poppy->

Appeal-2018-what-is-white-poppies-meaning-peace-Remembrance-day

22. Holland J. (2018). 100 years of remembrance: 'Feeling pity rather than horror' [100 years of remembrance: 'Feeling pity rather than horror']//Daily Express. 27 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1043919/remembrance-sunday-2018-100-years>

23. Hopps K. (2018). Queen Elizabeth II news: Does the Queen wear a poppy for Remembrance Day? [Queen Elizabeth II news: Does the Queen wear a poppy for Remembrance Day?] // Daily Express. 02 February, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/royal/1043375/Queen-Elizabeth-II-news-Queen-wear-poppies-Remembrance-Day>

24. Hopps K. (2018). Remembrance Day 2018: What are white, purple and GOLD poppies - what do they mean? [Remembrance Day 2018: What are white, purple and GOLD poppies - what do they mean?]/Daily Express. 30 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1036974/Remembrance-Day-2018-white-purple-gold-poppies-meaning-poppies-appeal>

25. Hopps K. (2018). Remembrance Day 2018: When did World War One end? What is Armistice Day? [Remembrance Day 2018: When did World War One end? What is Armistice Day?]/Daily Express. 30 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/world/1043332/Remembrance-Day-2018-when-did-World-War-One-end-what-is-Armistice-Day>

26. Hughes A. (2018). Gold leaf poppies: What does it mean? How can I get one? [Gold leaf poppies: What does it mean? How can I get one?] //Daily Express. 04 February, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1036308/Royal-british-legion-appeal-2018-selling-gold-poppies-gold-leaf-poppies-remembrance-day>

27. Jennings B. (2018). Donald Trump marking the armistice – cartoon [Donald Trump marking the armistice - cartoon]//The Guardian. 23 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2018/nov/11/ben-jennings-on-donald-trump-marking-the-armistice-cartoon>

28. Jewell B. (2018). Macron and Merkel link hands at WWI memorial at the Glade of the Armistice near Compiègne to mark 100 years since war between France and Germany came to an end [Macron and Merkel link hands at WWI memorial at the Glade of the Armistice near Compiègne to mark 100 years since war between France and Germany came to an end]// Daily Mail. 27 January, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6375139/Macron-Merkel-link-hands-WWI-memorial-Glade-Armistice.html>

29. Kelly L. (2018). Sneering students should remember the war heroes who gave them a future this Remembrance Day [Sneering students should remember the war heroes who gave them a future this Remembrance Day]//The Sun. 25 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7483044/students-cambridge-university-remembrance-day-lorraine-kelly/>

30. Kindred A. (2018). One in six Remembrance Day poppies will have gold leaf details to mark WW1 centenary as appeal launched today [One in six Remembrance Day poppies will have gold leaf details to mark WW1 centenary as appeal launched today]//The Sun. 04 February, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7578349/gold-leaf-poppies-remembrance-day/>

31. Laud G. (2018). Remembrance Day 2018: Why is November 11 a day of Remembrance? Why are poppies worn? [Remembrance Day 2018: Why is November 11 a day of Remembrance? Why are poppies worn?]/Daily Express. 03 February, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1041066/remembrance-day-2018-why-is-November-11-remembrance-day-why-poppies-worn>

32. Murphy A. (2018). A DAY TO REMEMBER When was the 2018 Remembrance Day parade and Cenotaph service? [A DAY TO REMEMBER When was the 2018 Remembrance Day parade and Cenotaph service?]/The Sun. 03 February, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7702668/2018-remembrance-day-parade-cenotaph-service/>

33. Nelsson R. (2018). The funeral of the Unknown Warrior - archive, 1920 [The funeral of the Unknown Warrior - archive, 1920]//The Guardian. 27 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/uk-news/from-the-archive-blog/2020/nov/10/the-funeral-of-the-unknown-warrior-november-920>

34. Press Association (2018). Queen and President of Germany attend remembrance service at Westminster Abbey [Queen and President of Germany attend remembrance service at Westminster Abbey]// Daily Mail. 02 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/wires/pa/article->

6377877/Queen-President-Germany-attend-remembrance-service-Westminster-Abbey.html

35. Rahim Z. (2018). Remembrance Day: World leaders, royals and the public mark 100th anniversary of the Armistice [Remembrance Day: World leaders, royals and the public mark 100th anniversary of the Armistice]// The Independent. 28 January, 2023 from <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/remembrance-day-live-2018-armistice-queen-ww1-parade-first-world-war-poppy-cenotaph-11-november-a8628416.html>

36. Remembrance Day: In pictures. (2018). [Remembrance Day: In pictures]//BBC. 02 February, 2023 from <https://www.bbc.com/news/in-pictures-46169514>

37. Remembrance Day: Trump joins world leaders in Paris for WW1 commemoration. (2018). [Remembrance Day: Trump joins world leaders in Paris for WW1 commemoration] //BBC. 04 February, 2023 from <https://www.bbc.com/news/av/46170584>

38. Remembrance Day: where and when to attend the main ceremonies. (2018). [Remembrance Day: where and when to attend the main ceremonies]// The Guardian. 26 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/nov/10/remembrance-day-centenary-ceremonies>

39. Ridley M. (2018). 100 YEARS ON First WW1 Remembrance Day saw the unknown warrior returned from France as 1.25m Brits filed past memorial in London 100 years ago//The Sun. 27 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7706189/we-commemorate-the-first-remembrance/>

40. Robertson A. (2018). Meghan stands shoulder to shoulder with German President's wife as the Queen watches him become the country's first leader to lay a wreath at the Cenotaph in historic act of reconciliation marking 100 years since the end of WWI [Meghan stands shoulder to shoulder with German President's wife as the Queen watches him become the country's first leader to lay a wreath at the Cenotaph in historic act of reconciliation marking 100 years since the end of WWI]//Daily Mail. 06 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6376733/Pipers-Britain-kick-Armistice-Day-commemorations.html>

41. Rogers J. (2018). Birmingham taxi driver sacked for refusing to transport boxes of British Legion poppies to Aston Villa FC [Birmingham taxi driver sacked for refusing to transport boxes of British Legion poppies to Aston Villa FC]//The Sun. 04 February, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7648375/birmingham-taxi-driver-sacked-refusing-british-legion-poppies/>

42. Rogers J. (2018). RAIN STOPS PRAY Trump CANCELS Remembrance Day visit to WW1 cemetery as rain grounds chopper [RAIN STOPS PRAY Trump CANCELS Remembrance Day visit to WW1 cemetery as rain grounds chopper]//The Sun. 05 February, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7707746/trump-cancels-remembrance-day-visit-ww1-cemetery-france-rain/>

43. Rowbotham Sh. (2018). Women and the first world war: a taste of freedom [Women and the first world war: a taste of freedom]// The Guardian. 27 January, 2023 from <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/11/women-first-world-war-taste-of-freedom>

44. Russell R. (2018). Why does the Queen wear more than one poppy at Remembrance Day events? [Why does the Queen wear more than one poppy at Remembrance Day events?]/Daily Express. 24 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1043769/queen-elizabeth-II-news-why-does-queen-wear-more-than-one-poppy-remembrance-day>

45. Stinson N. (2018). Queen Elizabeth II news: Queen all smiles at headquarters opening – but where's her poppy? [Queen Elizabeth II news: Queen all smiles at headquarters opening – but where's her poppy?]/Daily Express. 25 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/royal/1042198/queen-elizabeth-II-news-schroders-plc-headquarters-london-poppy-remembrance-day-royal-news>

46. Stow N. (2018) FOR THE FALLEN Remembrance Day quotes and poems to remember the fallen [FOR THE FALLEN Remembrance Day quotes and poems to remember the fallen]//The Sun. 24 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7646067/remembrance-day-poems-quotes-messages/>

47. Tahir T. (2018). IT'S RAINING, BUT IT'S NOT SERIOUS. Donald Trump trolled by French army after missing WW1 ceremony due to rain [IT'S RAINING, BUT IT'S NOT SERIOUS. Donald Trump trolled by French army after missing WW1 ceremony due to rain]//The Sun. 25

January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7726531/donald-trump-trolled-french-army-missing-ww1-ceremony-rain/>

48. Tingle R. (2018). Armistice Day: Why silence can be so important in our lives [Armistice Day: Why silence can be so important in our lives]//Daily Mail. 04 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/wires/pa/article-6376669/Armistice-Day-Why-silence-important-lives.html>

49. Tingle R. (2018). The note that ended the First World War: 'Priority' message delivered to British troops by motorbike dispatcher in 1918 goes up for auction after being found in a loft ahead of Armistice Day [The note that ended the First World War: 'Priority' message delivered to British troops by motorbike dispatcher in 1918 goes up for auction after being found in a loft ahead of Armistice Day]//Daily Mail. 02 February, 2023 from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6368113/Century-old-message-British-troops-ordering-World-War-ceasefire-goes-sale.html>

50. Turner C. (2018). Cambridge University students vote against Remembrance Sunday motion over fears it 'glorifies' [Cambridge University students vote against Remembrance Sunday motion over fears it 'glorifies']//The Daily Telegraph. 25 January, 2023 from <https://www.telegraph.co.uk/education/2018/10/10/fears-glorification-war-sees-cambridge-university-students-reject/>

51. Weston K. (2018). Millennials fail to respect Remembrance Day poppy for this KEY reason, says ex-SAS veteran [Millennials fail to respect Remembrance Day poppy for this KEY reason, says ex-SAS veteran]// Daily Express. 25 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1034025/remembrance-day-sunday-popy-cambridge-students-education>

52. Weston K. (2018). Why are we afraid to offend?' Michelle Dewberry FURIOUS over Cambridge rejecting poppies [Why are we afraid to offend?' Michelle Dewberry FURIOUS over Cambridge rejecting poppies]//Daily Express. 30 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1033573/remembrance-sunday-michelle-dewberry-cambridge-poppies>

53. Whitfield K. (2018). Remembrance Day 2018: Is Remembrance Day for WW1 or WW2? [Remembrance Day 2018: Is Remembrance Day for WW1 or WW2?]/Daily Express. 23 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1043140/remembrance-day-2018-is-remembrance-day-for-ww1-ww2>

54. Wooding D. (2018). MAY GREAT WAR TOUR Theresa May to pay her respects to Britain's fallen heroes in the killing fields of the Western Front to mark First World War Centenary [MAY GREAT WAR TOUR Theresa May to pay her respects to Britain's fallen heroes in the killing fields of the Western Front to mark First World War Centenary]//The Sun. 31 January, 2023 from <https://www.thesun.co.uk/news/7654200/theresa-may-first-world-war-centenary-tour/>

55. Yedroudj L. (2018). Disrespectful! Girl BANNED from wearing poppy at school – because it's TOO BIG [Disrespectful! Girl BANNED from wearing poppy at school – because it's TOO BIG]//Daily Express. 10 February, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1040109/uk-norwich-girl-banned-wearing-popy-royal-british-legion>

56. Yedroudj L. (2018) Remembrance Day: World War One frontline volunteers in COLOUR - exclusive PICTURES [Remembrance Day: World War One frontline volunteers in COLOUR - exclusive PICTURES]//Daily Express. 29 January, 2023 from <https://www.express.co.uk/news/uk/1044227/remembrance-day-armistice-world-war-1-WW1-photos-pictures-colour>

Об авторе

Цуканова Влада Олеговна – аспирант 3-го курса кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tsukanovavlada@yandex.ru

Tsukanova Vlada Olegovna – 3rd year postgraduate student of the Department of History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: tsukanovavlada@yandex.ru

УДК 902(470)"880/999"

Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);

Федосов А.В., старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ НА РУСИ IX – X ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В статье говорится о кризисных ситуациях на Юге Руси, которым посвящены работы украинских археологов и историков последних десятилетий. Таких ситуаций, нашедших отражение как в археолого-нумизматических материалах, так и в современной украинской историографии, было четыре. Это: 1) события середины IX в., отразившиеся в гибели нескольких раннероменских (волынцевских) городищ (Битица и др.), либо в результате междоусобий в Хазарском каганате, либо вторжении венгров, либо норманнов; 2) конца IX в., отраженные в кладях и связанные с присоединением Олегом южной части восточнославянских земель к Руси; 3) середины X в., отразившиеся в смене денежно-весовой системы на Юго-Востоке Руси и связанные с отделением от нее земель северян, вятичей, части радимичей после древлянского восстания и гибели князя Игоря; 4) конца X в. – начала XI в. (гибель части роменских городищ, клады, отразившиеся в погребальном обряде и инвентаре гибель части военизированного населения и этносоциальные трансформации), т.е. присоединение всех южно-восточнославянских «племен» к Руси при Владимире Святом и связанные с этим изменения. Украинская историография содержит наиболее интересные материалы и идеи по первому и четвертому периодам, о втором почти не говорится, третий представлен, но гораздо слабее, чем в синхростадиальной российской историографии.

Ключевые слова: археология, историография, Древняя Русь, украинская историография Древней Руси, конфликты и войны.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-137-142

The Ukrainian historiography of the late Soviet and early post-Soviet periods paid little attention to the archaeological evidence of the conflicts of the ninth and tenth centuries in Rus'. This can be explained by the fact that archaeologists, who had full information, rarely rose to the level of general historical generalizations, and historians "condescended" to the material sources. Nevertheless, in several cases attempts to combine them with the facts of internal and external political and military history of Rus' did occur, but only for its southern half (which, however, is natural). The historiography reflects the conflict situations of four periods - the first third of the ninth century; the end of the ninth century; the middle of the tenth century; the end of the tenth century. One or several most studied archaeological monuments are associated with each of these periods.

It should be noted that the most complete and correct archaeological sources for socio-political reconstructions were used by A.B. Tymoschyuk. However, he can be considered a

Ukrainian (specifically - Bukovinian) scientist only by the place of the beginning of his scientific, archaeological mainly, activity, because his conceptual in this aspect works he created already being a Moscow scientist. On the other hand, Chernigov scientist, who was also an archaeologist originally, Yu.Yu. Shevchenko since the second half of the 1990s became a "Petersburgian" scholar. However, his conceptual archaeological-historical works were published earlier, and he falls under the subject of the article.

A total of over a dozen Ukrainian academic works, ranging from non-graduate, formally regional, to academicians of the National Academy of Sciences of Ukraine, were used in its preparation.

The conflict situations under study are the following:

1. The "civil war" in the Khazar Khaganate in the first third of the ninth century, which also affected its Slavic regions. In particular, in the first place, it is the ancient settlement of Bititskoye, the Volintsevo part of which perished

¹ Research work was carried out within the framework of the grant of Russian Science Foundation №3 -28 -00281 "Ukrainian historiography of Ancient Rus' at the end of twentieth - the beginning of the twenty first centuries: concepts, sources, trends".

© **Shinakov E.A.**

© **Fedosov A.V.**

in fires “most likely in the early ninth century” (Priymak 1994. S.15). The Ukrainian researcher D.T. Berezovets defined it as “a strong point of the Khazar domination over the Slavic territory” (Berezovets 1965. S.55 - 56), and the Kiev archaeologist of Bryansk background O.V. Sukhobokov and his colleagues considered it “as one of the strong points on an important route from the Khazaria to the Baltics and Scandinavia” (Sukhobokov, Voznesenskaya and Priymak 1989. S.104). There is no answer about who exactly destroyed this point, but the Sumy archaeologist V.V. Priymak at least mentions during which events it happened - during the interne-cine war in the Khazar Khaganate (Priymak 1994. S.15).

O.V. Sukhobokov, without specifying the reasons for the destruction of the settlement, recognizes the fact of burning of its Volintsevo (“Khazar”) part fortifications, but implicitly earlier than V.V. Primak, namely at the end of the eighth century (Sukhobokov 1992. S.74-75), when the “civil war” in the Khaganate had not yet begun. The Oposhnya settlement supposedly confirmed the latter dating, as its fortifications, according to O.V. Sukhobokov, were also destroyed by the fire “not later than the second half of the eighth century” (Sukhobokov 1992. S. 137). However, its substantiation, based on a combination of the moulded Romny and circular Volintsevo pottery, is not indisputable. At the same time both the Bititsk and Oposhnya sites are the result of the activity of the Khazar Khaganate in the Slavic lands, and the latter entered the territory no earlier than the mid- eighth century. And these strongholds of the Khazar power, judging by the thickness of the cultural layer and the number of objects, existed for at least several decades. And written sources do not note any conflicts in the course of which these two powerful fortresses could be taken in the second half of the eighth century. However, according to the opinion of the Kiev researcher O.V. Komar, the decline of the Bititskoe settlement at the end of the eighth century can possibly be connected with “the first stage of the Normans’ penetration to the Desna river basin” (Komar 2003. S.103 - 104).

2. The conflict-ridden events of the late ninth and early tenth centuries, associated with the unification and conquest activities of Oleg the Wise, the movement of the Hungarians from the

Black Sea to Transylvania and Pannonia under pressure from the Pechenegs and the appearance of the latter on the borders of Rus’ are very poorly reflected in the modern Ukrainian historiography. The construction of the fortifications of the Vypolzovskoe (Vypovzivskoe) settlement on the Desna between Kyiv and Chernigiv is attributed by the researchers of Kiev and Chernigov to 883-885, linking their construction to the preparation of Oleg the Wise’s campaigns against “the Drevlyans, Seevrians and Radimichs” (Motsya, Sytiy, Skorokhod 2014. S. 36).

The Bukovinian archeologist I. Voznyi noted the destruction of a number of settlements of the Tivertsi at the turn of the ninth and tenth centuries, which were later restored. He connects it with Oleg’s policy to subdue the Tivertsi in 885, who “in alliance with the Ulichs managed to defend their political independence” (Voznyi 2009. S. 464). O.V. Sukhobokov, following M.P. Kuchera, notes the termination of existence of only 3 of 90 settlements of the Severians’ Romny culture at the end of ninth century, and this is associated not with Oleg’s activity, but with the arising of the Pecheneg threat (Sukhobokov 2012. S. 270, 276). Ukrainian researchers obtained new information about the cause of destruction of the Novotroitskoe settlement on the Psyol River, which was almost completely explored by the Leningrad expedition of I.I. Lyapushkin in 1958-1960. On the territory free from buildings Hungarian burials were found, connected, according to their researcher V.V. Priymak, with the time of the settlement fall in the late ninth century (Priymak 2007. S.70-71). Another settlement of the Romny culture, which also perished at the end of the ninth century, but as the result of the Rus’ military activity, is situated in the Korovel stow near the village of Shestovitsa outside Chernigov. A combat camp of the Rus’ was built there (Kovalenko 1999. S.41; Kovalenko, Motsya, Sytiy 2003. S.55-56), as it is considered by the Kievan and Chernigov researchers. Other Chernigov scholars supplement this conclusion: it was from here that the Rus’ conducted campaigns to the Caspian Sea through Khazaria (to which in exchange mercenaries, bodyguards of the Khagan, were delivered) in 912/913 and 943/944. The leader of one of them was HLGW of the Schechter Letter, a Chernigov voivode or prince (Umanets, Shevchenko 1995. S.66).

3. The third period of conflicts in the Southern Rus' is connected with unsuccessful campaign of prince Igor to Byzantium in 941 (in 920, according to the Novgorod Chronicle), his death during the attempt to collect additional tribute from the Drevlians and the subsequent (and partially preceding) disintegration of the Old Russian state. Basically these events were archeologically reflected in the works of the Kiev researcher B.A. Zvizdetsky in 2001-2005. In the capital of the Drevlians Iskorosten', burnt by soldiers of Olga and Asmud in 946, the traces of a big fire were found on the settlement site №1 and an adjacent settlement, whose life ceased in the middle of the tenth century and "the centre was shifted to the area of the town site №3" (Zvizdets'ky, Petrauskas, Pol'guy 2004. S.85-86).

But Iskorosten' was not the only Drevlian town that perished during this conflict. The traces of fire and cessation of life in the middle of the tenth century were also recorded on the Malinsky settlement in the basin of the Teterev River in the Zhitomir region (Zvizdets'ky 1994. S.124). Some burials in the "Iгорева Mogila" tract, including those with Scandinavian warlike equipment, testify who destroyed the fortress №1 in Iskorosten' (Zotsenko 2004. S. 87-88). Academician of the NAS of Ukraine P.P. Tolochko, using mainly the results of excavations by B.A. Zvizdecky, draws attention to the perfection of the fortifications of Iskorosten', which explains his opinion that it was besieged for many months, and to the presence of other fortresses in the Drevlian land, which had to be captured, destroyed and then replaced by "strong points of the Kiev power" (Tolochko 2006. S. 162, 163).

This researcher, nevertheless, on the basis of archaeological materials, emphasizes special importance of destruction of the capital of the Drevlians, which had connections "with Great Moravia, Lesser Poland, the Baltic region and the Arab East" and "as a city was not inferior to Kiev", for "actual dismantling of the Drevlian autonomy" (Tolochko 2014. S.18). At the same time archaeological sources indicate that the main reason for the termination of life on most (15 out of 20) existing Drevlian fortified settlements at the end of the first millennium AD was not directly connected with the military actions of Olga and Asmud, but with the consequences of "administrative and fiscal" reforms of the princess (Zvizdets'ky 2008. S. 97).

However, the events of the mid-tenth century have found archaeological reflection not only in the land of the Drevlians. In the opinion of the already mentioned V.V. Priymak and the member of the Institute of Ethnic studies of the National Academy of Sciences of Ukraine Yu.A. Pugolovok, during the same period and as a result of Igor's military activity the Novotroitsk fortress of the Severians' Romny culture on the Dnieper Left Bank also ceased to exist (Priymak 2007. S. 61; Pugolovok 2018. S. 221). They argue that the reason for that is finding on the settlement of some earrings of the "Volyn-Ekimauts type" of the first half of the tenth century, which, in their opinion, are a "heritage" of the campaigns against Byzantium, including, most probably, in 944. Even if this is true, the reason for the destruction of the fortress remains unclear, unless the Severians, subjugated by Oleg, rebelled against Igor and he tried to maintain their subjugation.

Regarding the question about a possible reflection of the 940s crisis in the land of the Severians, O.V. Sukhobokov too. However, he denies both the presence of military conflicts there and then, and even more so their archaeological indicators. The existence of the Severians', Vyatichi' and a part of Radimichs' own monetary and weight system, that have found more and more evidences in the recent 20 years, this scientist attributes to the influence of "Alano-Bulgarian bearers of the Saltovo culture" under the aegis of the Khazar Khaganate (Sukhobokov 2012. S. 274, 275). However, O.V. Sukhobokov passed away in 2008, before most of these numismatic works appeared, and he referred only to the earliest work on this subject of one of this article authors (joint with A.V. Grigoriev) and the most significant book of the latter (Shinakov, Grigoriev 1990; Grigoriev 2000). It is possible that O.V. Sukhobokov would have changed his viewpoint by now. As for the impossibility of conflicts, he also cites "external to the Severians" "political factors" as the presence of the Khazarian Khaganate and the "Varangian-Russian upper class of Kiev" (Sukhobokov 2012. p. 271).

Only one Ukrainian author, joining the article of Russian authors about one of the thirty hoards of dirhams cut into a circle, implicitly agrees with such a consequence of the conflict situation of the mid-tenth century as the

emergence of a “separate” monetary-weight system, - V.V. Koloda (Koloda, Lebedev, Eukov 2014). Some Chernigov scholars supplement the numismatic evidence about the events of the 940s with the fact that 4 coin hoards of this time belonged to Sveneld’s more successful “autonomous” retinue. At the same time a special dynasty was formed in Chernigov, related to the Khazar aristocracy through “the Assyian and Savirian princesses”, with whom the burials in Shestovitsy are connected (Novik, Shevchenko 1995.P. 97, 98, 99). The destruction in fire of fortifications of the Vypolzov fortress on the Kievan-Chernigov border in the middle of the tenth century could also be a possible illustration of the Kievan-Chernigov conflict (Mocia, Sytyi, Skorokhod 2014. S.36).

4. The fourth conflict situation connected with Russian state-genesis at the end of the tenth and the beginning of eleventh centuries is recognized and covered to the greatest extent in the Ukrainian historiography. In its course and as a result all East Slavic ethnopotestary formations of the South were finally annexed by Rus’. In the archaeological aspect it is especially well reflected in the materials of the Severian south-east. It is based on the archaeological excavations of the 1970s and later, carried out mainly by Ukrainian researchers. Y.A. Pugolovok, summarizing these materials, mentions seven archaeological complexes, which reflected these conflicts in different degree and character, and about a dozen of authors (including the authors of excavations themselves), who share this viewpoint (Pugolovok 2018. S. 222, 224). However, they are mostly the authors already mentioned in the article, like O.V. Sukhobokov, V.V.

Pryymak, A.P. Motsya, but there are also new names: they are mainly Poltava and Kiev researchers - Osadchy, Suprunenko, Berest, Kulatova, Geiko, Zolotnitskaya, Mironenko.

A forcible annexion to Kiev is marked by the traces of fire, especially on the fortifications; by treasures, both material and monetary; the fact of transfer of the fortified settlement to another place, though in its vicinity, or a change of the settlement type to unfortified; change of the burial pattern at the nearest burial ground, appearance of new warrior burials of the tenth and eleventh centuries, especially with Scandinavian features, and later - foreign burials for that region. Two periods of fires and destruction of the Romny settlements stand out - “after 970s” and between 1015-1019 (Priymak 1999. p.40; Pugolovok 2018. S. 224). The latter period is sometimes and partially compared with the campaign of Prince Boris in 1015 (Priymak 1997. S. 110; Korinny 1992. S. 53-54). Perhaps the only researcher who “blames” not so much the “activities” of Vladimir, as for their cause, namely increased Pecheneg aggression for these archeologically fixed changes and partial desertion of the area of the northern settlements, is O.V. Sukhobokov (2012. S. 276 - 279). But at that time the Russian, but separate Chernigov dynasty was also terminated in a military way: according to one version in 992, during the Chernigov Christianization (the "Chernaya Mogila" belongs to the last prince of the local dynasty) (Umanets, Shevchenko 1995, S. 65), or, by another (based on the Byzantine sources and a share of fantasy), in 1016 (the last prince in this variant was Vladimir’s “brother”, Sfeng) (Novik, Shevchenko 1995. S.100).

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF CONFLICTS IN THE NINTH AND TENTH CENTURIES RUS’ IN THE MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY¹.

The article refers to the crisis situations in South Rus’, which are studied in the works of Ukrainian archaeologists and historians in recent decades. There were four such situations, reflected both in the archaeological and numismatic materials, and in modern Ukrainian historiography. These are: 1) the events of the mid-ninth century, reflected in the destruction of several early-Romny (Volyntsevo) settlements (Bititsa etc.), either as a result of feuds in the Khazar Khaganate, or invasions of the Hungarians, or Normans; 2) the late ninth century, reflected in hoards and connected with the joining of the southern part of the East Slavic lands to Rus’ by Oleg; 3) the mid-tenth century, reflected in the change of the monetary and weight system in Southeastern Rus’ and associated with the separation of the Severians’, Vyatichi’s and part of Radimichs’ lands after the Drevlians’ rebellion and Prince Igor’s death; 4) the end of the ninth century and the beginning of the eleventh century (the demise of some Romny sites, hoards, reflected in the funeral rites and inventories death of a part of the paramilitary population and ethno-social transformations), that is joining of all the South-Eastern

¹ Research work was carried out within the framework of the grant of Russian Science Foundation №3 -28 -00281 "Ukrainian historiography of Ancient Rus' at the end of twentieth - the beginning of the twenty first centuries: concepts, sources, trends".

Slavic “tribes” to Rus’ under Vladimir the Holy and the changes connected with it. Ukrainian historiography holds the most interesting materials and ideas on the first and fourth periods, the second is almost not mentioned, the third is presented, but much weaker than in the synchronostadial Russian historiography.

Keywords: archaeology, historiography, Ancient Rus’, Ukrainian historiography of Ancient Rus’, conflicts and warfare.

References

1. Berezovets D.T. Slavs and tribes of the Saltov culture // *Arheologiya*. 1965. Vyp.19. S. 55-56. (In Ukrainian)
2. Vozny I. Historical and Cultural Development of the Population of the Upper Siret and Middle Dniester Interfluvium in the X - XIV Centuries. Part 2. Material, spiritual culture and socio-historical development. Kyiv-Chernivtsi, 2009. (In Ukrainian)
3. Grigoriev A.V. The Severian land in VIII - the beginning of XI century according to archaeological data. Proceedings of the Tula archaeological expedition. Vol. 2 Tula, 2000. (In Russian)
4. Zvizdets’ky B.A. Malynske settlement of the Drevlyans // *Antiquities of Russia-Ukraine*. Ed. by P.P. Tolochko. Kyiv: Kyiv Academy of Eurobusiness, 1994. S.119 - 125. (In Ukrainian)
5. Zvizdets’ky B.A., Petrauskas A.V., Pol’guy V.I. New studies of ancient Iskorosten // *Ancient Iskorosten and Slavic Cities of the VIII-X centuries*. Chief ed. O.P. Motsya. Kyiv, 2004. S.51 - 86. (In Ukrainian)
6. Zvizdets’ky B.A. Settlements of the IX-XIII centuries on the territory of the chronicle Drevlyans. Ed. O.P. Motsya. Kyiv, 2008. (In Ukrainian)
7. Zotsenko V.M. Scandinavian artifacts of South-Western Russia // *Antiquities of Russia-Ukraine*. Ed. by P.P. Tolochko. Kyiv: Kyiv Academy of Eurobusiness, 1994. S.87 -105. (In Ukrainian)
8. Kovalenko V.P. New researches of Shestovytsky archaeological complex // *Archaeological chronicle of the Left Bank of Ukraine*. Issue 1. 1999. Ed. by O. Suprunenko. Poltava, 1999. S.33 - 43. (In Ukrainian)
9. Kovalenko V., Motsya O., Sytyy Yu. Archaeological research of the Shestovytskyi complex in 1998-2002 // *Antiquities of Central and Eastern Europe of the VIII-X centuries: materials of the International field seminar, 17-20 July 2003*. Ed. by P.P. Tolochko. Chernihiv: Severyanska Dumka, 2003. S.51 - 83. (In Russian)
10. Koloda V.V., Lebedev V.P., Enukov V.V. Bezlyudovo Treasure and Its Place in the Monetary System of the Seversk Land // *Bezlyudovo Treasure, X c. To the 125th Anniversary since the Birth of R.R. Fasmer. Archeology of the Eurasian Steppes*. Vol. 18. Editor-in-chief P.N. Petrov. Kazan, 2014. S. 6 - 160. (In Russian)
11. Komar O.V. On the time and circumstances of the adoption of the title “khakan” by the ruler of the Rus’ // *Retinue antiquities of Central and Eastern Europe of the VIII - X centuries. Materials of the International field archaeological seminar (Chernihiv - Shestovvitsya, 17 - 20 July 2003)*. Ed. by P.P. Tolochko. Chernihiv: Severyanska Dumka, 2003. S. 102-107. (In Ukrainian)
12. Korinny N.N. Pereyaslavl land of X - XIII centuries. Kiev, 1992. (In Russian)
13. Motsya O.P., Sytyy Yu.M., Skorokhod V.M. Vypovzivskyi archaeological complex in the light of new research 2009-2013 // *Cities of Ancient Russia. Collection of scientific papers in memory of A.V. Kuza*. Scientific editor P.P. Tolochko. Kyiv: Ancient World, 2014. S. 26 - 37. (In Ukrainian)
14. Novik T.G., Shevchenko Yu.Yu. Princely Dynasty of Chernigov and Kiev Rurikids // *The Desna Antiquities. Materials of the interstate scientific conference “History and Archaeology of the Podsie region” in memory of F.M. Zavernyaev*. Ed. by E.I. Prokof’iev. Bryansk, 1995. S.96 - 100. (In Russian)
15. Pryimak V.V. Territorial structure of the Middle Desna and Middle Vorskla interfluvium of the VIII - early IX centuries. Sumi, 1994. (In Ukrainian)
16. Pryimak V.V. Formation of the territorial structure of ancient Russian monuments in the north-east of the Left Bank of Ukraine // *Lyubech princes' congress of 1097 in the historical fate of Kyivan Rus’*. Materials of the international historical and archaeological conference dedicated to the 900th anniversary of the Congress of Russian princes in Lyubech. Edited by P.P. Tolochko. Kyiv, 1997. S. 109-114. (In Ukrainian)
17. Pryimak V.V. Some aspects of the history of the Dnieper Left Bank of the X-XI centuries

in the light of studies of chronicle of Lviv // Poltava archaeological collection - 1999 (to the 1100th anniversary of the city of Poltava based on the results of archaeological research). Poltava: Archaeology, 1999. S. 28-43. (In Ukrainian)

18. Pryimak V.V. Putyvl principality of Chernihiv - Sivershchyna. Poltava, 2007. (In Ukrainian)

19. Pugolovok Yu.O. To the question of the inclusion of the south-eastern lands of the Severians in Rus' // Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: a collection of scientific works / Edited by I.I. Korost, scientific editor - O.B. Suprunenko. Kyiv-Kotel'va: Central Publishing House of the National Academy of Sciences of Ukraine and UTOPIC, 2018. S.216 - 228. (In Ukrainian)

20. Sukhobokov O.V. Dnieper Forest-Steppe Left Bank in the VIII-XIII centuries (based on archaeological research in 1968-1989). Kyiv: Naukova Dumka, 1992. (In Ukrainian)

21. Sukhobokov O.V. "The unknown land": the population of the Middle Psel river basin in the XIII centuries on the materials of the Romny - Old Russian complex in Kamennoye village. Kyiv: IA NAS of Ukraine, 2012. (In Russian)

22. Tolochko P.P. Kiev and Iskorosten' in the middle of the X century // Slavs and Finno-Ugrians. Contact zones and interaction of cultures. Collection of reports from the Russian-Finnish symposium on archeology and history, October 7-10, 2004. Ed. by A.N. Kirpichnikov et al. St Petersburg: Nestor-History, 2004. S.161- 164. (In Russian)

23. Tolochko P.P. Once again about the beginning of the Old Russian state // Collection of scientific works in memory of A.V. Kuza. Scientific editor P.P. Tolochko. Kyiv: Ancient World, 2014. S.11 - 20. (In Russian)

24. Umanets A.N., Shevchenko Yu.Yu. Evolution of Chernigov to the X century in the context of Kievan Rus' statehood // The Desna Antiquities. Proceedings of the interstate scientific conference "History and Archaeology of the Desna region" in memory of F.M. Zavernyaev. Ed. by E. I. Prokof'iev. Bryansk, 1995. S.63 - 66. (In Russian)

25. Shinakov E.A., Grigoriev A.V. On the possibility of statehood on the territory of the Late Romny culture of the X century // Study of historical and cultural heritage of the Romny region: problems and prospects. Ed. by V.B. Zvangel'sky. S.66 - 68. (In Russian)

Об авторах

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, email: shinakov@mail.ru

Федосов Андрей Владимирович - старший преподаватель факультета дополнительного образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, email: fedosov-andrey@yandex.ru

Shinakov Evgeny Aleksandrovich, Doctor of History, Professor of the Department of the Domestic History of the Faculty of History and International Affairs of Bryansk State University after academician I.G. Petrovsky, email: shinakov@mail.ru

Fedosov Andrey Vladimirovich, senior lecturer of the Faculty of Additional education of Bryansk State University after academician I.G. Petrovsky, email: fedosov-andrey@yandex.ru

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

ГЕНРИ ХАЙЛЕНД ГАРНЕТ – ГОЛОС РАДИКАЛЬНОГО АФРОАМЕРИКАНСКОГО АБОЛИЦИОНИЗМА СЕРЕДИНЫ XIX В.

Данная статья повествует о жизни одного из самых ярких и влиятельных представителей аболиционистского движения и афроамериканской общественно-политической мысли XIX в. О Генри Хайленде Гарнете и его теоретическом наследии написано внушительное количество работ. Однако в отечественной историографии деятельность этого выдающегося человека никогда не подвергалась серьезному научному осмыслению. Все упоминания о нем носят эпизодический и крайне поверхностный характер. А между тем роль Генри Гарнета в истории афроамериканского гражданского активизма и общественно-политической мысли огромна. Без ее рассмотрения любое исследование указанных направлений будет неполным. Достаточно отметить, что именно с именем Генри Гарнета связано возникновение такого направления как радикальный афроамериканский аболиционизм в середине XIX в. Данное исследование призвано восполнить указанный пробел в отечественной историографии. Основной акцент в нем сделан на изложении ключевых вех биографии указанного общественного деятеля и анализе его идейно-политических воззрений в контексте развития аболиционистского движения в США. Основными методами исследования являются нарративный, историко-описательный и сравнительно-исторический, позволяющий провести необходимые параллели с другими выдающимися представителями афроамериканского аболиционизма и панафриканизма, такими как Пол Каффи и Мартин Робинсон Делани. Работа строится на обширной источниковой базе с использованием исследований ведущих западных специалистов по направлению «Афроамериканская история».

Ключевые слова: Генри Хайленд Гарнет, Фредерик Дуглас, Мартин Робинсон Делани, аболиционизм, панафриканизм, репатриация, движение за права афроамериканского населения, рабство, работорговля, афроамериканская история (Black History)

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-143-160

Введение. Персона *Генри Хайленда Гарнета* занимает особое место в афроамериканской истории. Имя этого человека обычно упоминается в числе наиболее непримиримых борцов с рабством в США наряду с такими знаковыми персонажами как *Габриэль Проссер, Шарль Деслонд, Денмарк Визи, Нат Тернер* и *Джозеф Синке*. Вот только в отличие от перечисленных, Генри Гарнет никогда не поднимал восстаний, и даже не принимал в них активного участия. И тем не менее, именно этого человека называют главным «черным бунтарем» середины XIX в. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с такими явлениями как рабство и дискриминация, добившись на этом поприще весьма существенных успехов и заработав репутацию одного из самых влиятельных и непримиримых представителей «цветного» сообщества США.

Вообще стоит отметить, что фигура Генри Гарнета заметно выделяется не только на фоне признанных «черных бунтарей», но и основных представителей афроамериканской общественно-политической мысли XIX

в. Его идейно-политические воззрения всегда отличались крайностью суждений, а взрывной импульсивный характер нередко приводил к конфликтам с другими признанными лидерами аболиционистского движения, такими как: *Уильям Ллойд Гаррисон, Фредерик Дуглас, Джордж Даунинг, Чарльз Ремонд* и *Мартин Робинсон Делани*. На протяжении всей своей жизни Гарнет стремился оставаться на острие внутренней американской общественно-политической повестки, яростно отстаивая свои взгляды в публичных и эпистолярных дискуссиях. Выступления и статьи почти всегда вызвали неоднозначную реакцию в американском социуме. К словам черного проповедника, помимо всего прочего считавшегося непревзойденным оратором, прислушивались даже его самые непримиримые оппоненты. В этой связи Генри Хайленда Гарнета с полным основанием можно назвать голосом радикального афроамериканского аболиционизма середины XIX в.

Объекты и методы исследования. Жизнеописание и теоретическое наследие

указанного деятеля всегда привлекали внимание американских исследователей. Первым, кто попытался изложить биографию Генри Гарнета, был его ближайший сподвижник – писатель *Джеймс МакКьюн Смит*. В 1865 году он написал предисловие к книге «Мемориальная речь Генри Хайленда Гарнета, произнесенная в зале Палаты представителей, Вашингтон, округ Колумбия, в субботу, 12 февраля 1865 года» [38], где на 52 страницах изложил основные сюжеты из жизни знаменитого аболициониста. Вторым был его ближайший друг и сподвижник *Александр Краммелл*, написавший в феврале 1882 г. «Панегирик Генри Хайленду Гарнету, пресвитерианскому министру, резиденту Соединенных Штатов в Республике Либерия» [12]. Спустя 90 лет американский писатель и медиакритик *Эрл Офари Хатчинсон* выпустил работу «Пусть вашим девизом будет сопротивление: жизнь и мысли Генри Хайленда Гарнета» [26]. Стоит отметить, что все три жизнеописания отличаются крайней степенью романтизации образа главного героя повествования и содержат массу явных допущений. В 1977 г. вышла книга *Джозеля Алана Шора* «Генри Хайленд Гарнет: голос черного радикализма в XIX в.» [36]. Примечательно, что четыремя годами ранее ее автор защитил докторскую диссертацию в Университете Говарда по теме «Роль Генри Хайленда Гарнета в борьбе против рабства и за гражданские права, 1840-1865» [37]. В 1981 г. в Массачусетском университете в Амхерсте *Мартином Пастернаком* была защищена еще одна докторская диссертация «Вставайте сейчас и беритесь за оружие: жизнь Генри Хайленда Гарнета», которая по сей день остается наиболее полной биографией указанного общественного деятеля [33]. Через 14 лет она будет переиздана отдельной монографией [34]. Последней серьезной попыткой анализа идейно-политических воззрений Генри Гарнета можно считать статью *Джеймса Ясински* «Создание доверенной афроамериканской идентичности: сопротивление, насилие и мужественность в «Обращении к рабам» Генри Хайленда Гарнета (1843), которая вышла в 2007 г. в «Ежеквартальном журнале выступлений» [27].

В отечественной историографии изучению биографии и наследия выдающегося

афроамериканского аболициониста внимания практически не уделялось. Исключения составляют лишь эпизодические упоминания в работах американистов Э.Л. Нитобурга [4], А.В. Ефимова [1], М.Н. Захаровой [2] и др.

Целью данного исследования является изложение и анализ основных вех биографии легендарного афроамериканского аболициониста и эволюции его идейно-политических воззрений. Для удобства, структурирования и систематизации изложения автор разделил жизнеописание Генри Хайленда Гарнета на отдельные этапы, характеризующие как его внутренние мировоззренческие трансформации, так и внешние социально-политические изменения в США, несомненно, оказавшие влияние на формирование его общественно-политических взглядов.

Результаты и их обсуждение

Ранние годы (1815-1840 гг.)

Генри Хайленд Гарнет родился 23 декабря 1815 г. в семье рабов во втором поколении на плантации полковника *Уильяма Спенсера* в Нью-Маркет, штат Мэриленд. Отец – *Джозеф Трасти* – являлся доверенным лицом своего господина и занимал особое положение среди прочих невольников. Согласно семейной легенде, предки будущего проповедника были вождями одного из племен мандинго с Западного побережья Африки [33, р. 2]. Впрочем, к подобного рода «семейным историям» стоит относиться с крайним скептицизмом, т.к. они встречались в среде свободных негров довольно часто. К примеру, *Генри МакНил Тернер* называл себя внуком принца зулусского племени [6, с. 350], а М.Р. Делани – внуком принца мандинго и вождя народа гола [35, р. 16]. Это объясняется желанием не только подчеркнуть свое знатное происхождение, но и указать на нелегальный характер закабаления своих предков. Дело в том, что по американским законам XVIII в. знатных особ африканского происхождения было запрещено обращать в невольников. О происхождении матери Гарнета Генриетты известно совсем немного.

Жизнеописание Генри Гарнета уместнее всего начинать с 1824 г., со смерти его хозяина – полковника Спенсера, завещавшего свое имущество, включая рабов, брату Исааку и двум племянникам [38, р. 18]. По всей видимости, именно это событие побудило

главу семейства совершить побег. Причиной, как предполагают многие биографы, стало возвращение Джозефа Трасти на плантацию и грядущая распродажа рабов, что могло навсегда разлучить его с женой и детьми. Отпросившись у нового хозяина на похороны родственника, семьи Трасти (Джозеф, Генриетта, Генри и его младшая сестра Мэри) и его брата пустились в бег. Через семь дней скитаний по болотам и лесам они добрались до Уилмингтона, штат Делавэр, – важнейшего узла «подземной железной дороги». Там беглые рабы остановились у «проводника» – квакера *Томаса Гаррета* [33, р. 4].

В Уилмингтоне беглецам пришлось разделить. Семья Джозефа Трасти отправилась в Нью-Хоуп, штат Пенсильвания, а оттуда в Нью-Йорк. Примечательно, что по прибытии все ее члены прошли процедуру повторного крещения, получив новые имена: Джозеф Трасти стал Джорджем Гарнетом, мать будущего аболициониста Генриетта – Элизабет, младшая сестра Мэри – Элизой, а сам Генри – Генри Хайлендом Гарнетом [38, р. 21].

Семья Гарнетов поселилась в двухкомнатной квартире на Леонард-стрит в негритянском квартале на нижнем Манхеттене. Джордж Гарнет поначалу трудился сапожником, а спустя какое-то время возглавил Африканскую методистскую епископальную церковь на Мотт-стрит [33, р. 8]. Что касается Генри, то в 11 лет он пошел в школу. Это была знаменитая Африканская бесплатная школа №2 на Малберри-стрит, основанная еще в 1787 году Нью-Йоркским обществом вольноотпущенников и возглавляемая членом Американского колониационного общества *Чарльзом Эндрюсом*. Если верить записям бывшего одноклассника Гарнета *Джеймса МакКьюна Смита*, последний с самого начала демонстрировал незаурядные способности к обучению и ярко выраженные лидерские качества, а также уже в то время проявлял особый интерес к делу освобождения рабов и бунтарский характер [38, р. 22-24]. Вышеупомянутый Ч. Эндрюс, к примеру, вспоминал, что Гарнет часто говорил ему о том, как сильно у него болит сердце за детей Африки, и как его мучают звоны цепей и стоны рабов [33, р. 9].

Как и другой знаменитый аболиционист и панафриканист *Пол Каффи* в свое время [8, с. 73], Генри Гарнет в 14-летнем возрасте завербовался юнгой¹ на шхуну, курсировавшую между Нью-Йорком и Вашингтоном, а вскоре отправился в свое первое морское путешествие на Кубу. Вот только в отличие от последнего, для него это являлось скорее вынужденной мерой, чем призванием. Лишенный средств к существованию, Гарнет искал любые способы заработка. Однако с карьерой моряка у чернокожего юноши не сложилось. Причиной тому стала тяжелая травма, полученная во время путешествия в 1829 г., в результате которой на правой ноге Гарнета образовался большой отек, лишив возможности свободно передвигаться и причиняя молодому человеку невыносимые страдания [12, р. 276-277]. В 1841 Гарнету ампутируют большую конечность [12, р. 282]. Вообще постоянные проблемы со здоровьем, преследовавшие афроамериканского аболициониста на протяжении всей жизни, отмечаются едва ли не всеми биографами. Логично предположить, что именно они послужили главным стимулом к осознанию необходимости получения хорошего образования.

Тем не менее главной причиной обращения к учебе и активной общественной работе считается эпизод биографии. Как-то раз по возвращению после одной из своих поездок в Вашингтон Гарнет нашел родительский дом пустым и разграбленным. Во время его морского путешествия на жилище был совершен налет ловцами рабов, сумевшими схватить его младшую сестру Элизу, в то время как родителям удалось скрыться. Смит пишет о том, как Гарнет пришел в ярость и, купив складной нож, ходил по Бродвею в надежде, что кто-то из ловцов рабов попытается задержать и его [38, р. 26]. К слову, сестру Гарнета впоследствии оправдали, т.к. адвокату по подложным документам удалось доказать, что девушка родилась на территории свободного штата Нью-Йорк [38, р. 25].

В конце года Гарнет заключил договор с капитаном *Эпенетусом Смитом* из Смиттауна, Лонг-Айленд, нанявшись в качестве сельскохозяйственного работника [33, р. 11-12]. Однако в 1831 г. из-за проблем с ногой он

¹ Согласно утверждению Д.М. Смита, на шхуне Гарнет выполнял обязанности повара и стюарда.

вскоре был вынужден разорвать контракт и вернуться в Нью-Йорк, где поступил в только что основанную среднюю школу для цветной молодежи. В этот период Гарнет увлекся античной литературой.¹ В 1834 г. вместе с одноклассником *Дэвидом Раггсом* он основал Литературно-благотворительное объединение Гаррисона, вступив в открытый конфликт со школьной администрацией, требовавшей сменить название. В том же году юный аболиционист поступил в Воскресную школу Первой цветной пресвитерианской церкви, расположенной на углу улиц Уильяма и Франкфорта в Нью-Йорке, к преподобному *Теодору Райту*.² Последний высоко оценил дарования своего нового воспитанника [12, р. 277-279] и осенью того же года рекомендовал его для поступления в новую академию в Ханаане, штат Нью-Гэмпшир, которая была создана 11 сентября 1831 г. аболиционистом *Сэмюелем Нойесом* [41, р. 261].

Гарнет поступил в Академию вместе со своими друзьями-одноклассниками *Томасом Сидни* и *Александром Краммеллом* – оба в дальнейшем также станут видными представителями аболиционистского движения. Судя по воспоминаниям Гарнета и Краммелла, трем негритянским подросткам пришлось совершить крайне изнуряющее путешествие в Ханаан [12, р. 279]. В Академии Нойеса Гарнет продолжил изучать литературу и ораторское искусство. В последнем, по общему признанию, ему не было равных. Учитель *Натаниэль Роджерс* и одноклассник А. Краммелл отмечали, что речи Гарнета, буквально, завораживали аудиторию [12, р. 285]. Кроме того, в Академии Нойеса молодой человек всерьез увлекся поэзией и начал писать стихи.

Первое серьезное публичное выступление Генри Гарнета, по всей видимости, состоялось 4 июня 1835 г. на открытом собрании Общества борьбы с рабством Нью-Гэмпшира в городе Плимут. Этот доклад и манера молодого оратора были высоко оценены публикой и многими аболиционистскими газетами, в частности, *Herald of Freedom* [25]. К несчастью для Гарнета и его друзей, зажигательные речи «юного бунтаря» оказались

услышаны не только противниками рабства, но и представителями консервативно-настроенной части местного белого населения. Возмущенная толпа угрожала сжечь школу, а после проведенного 31 июня городского собрания перед властями был поставлен вопрос об изгнании афроамериканских студентов и сносе академии. Не получив официального разрешения, недовольные белые горожане под руководством *Джейкоба Трасселла* 11 августа при помощи волов разрушили здание образовательного учреждения.

Затем гнев толпы обратился уже непосредственно против «возмутителей спокойствия». На пансионат, где проживали трое юных аболиционистов, был совершен налет. Как вспоминал Александр Краммелл, огромное впечатление на него произвело то, как хромающий Гарнет отстреливался от нападавших. «*Эти выстрелы, вероятно, спасли нам жизнь*, – утверждал Краммелл. – *Вы бы видели это, бедный Генри, ковылял прочь и в то же время отстреливался из двуствольного дробовика*» [38, р. 30].

Вернувшись в Нью-Йорк, Гарнет продолжил обучение, поступив 1836 г. в Институт Онейды в деревне Уайтсборо (округ Онейда, штат Нью-Йорк). Данное учебное учреждение было теснейшим образом связано с пресвитерианской общиной. В институте Гарнет продолжил изучать литературу, философию, богословие, последние два предмета ему преподавал лично ректор *Берия Грин*, известный своими аболиционистскими взглядами. Помимо всего прочего, молодой человек изучал новозаветный греческий и иврит. Своей специализацией он выбрал африканскую цивилизацию и культуру. В 1837 г. Гарнет сблизился с богатым землевладельцем *Герритом Смитом*, который активно спонсировал институт, постоянно балансирующий на грани закрытия. Это знакомство окажется для черного аболициониста судьбоносным. На протяжении всей жизни Смит будет финансово помогать Гарнету едва ли не во всех начинаниях. Указанное учебное заведение будущий проповедник окончил с отличием в 1840 г., после чего переехал в город Трой на востоке штата Нью-Йорк.

¹ Любимым произведением Генри Гарнета была «Энеида» Вергилия, на которую он часто ссылался.

² Теодор Райт - афроамериканский аболиционист и священник, основавший Первую цветную пресвитерианскую церковь в Нью-Йорке.

В мае 1840 г., выступая по приглашению Б. Грина с докладом на седьмой годовщине Американского общества борьбы с рабством, Гарнет произнес речь, которая принесла ему национальную известность. Она завершалась словами: «Представляя эту резолюцию, г-н председатель, я хотел бы в очередной раз напомнить. Американцам не следует забывать, что всего несколько лет назад их отцы пересекли океан в поисках свободы, которая теперь уготована нам. Я бы еще умолял их помнить, что великий день окончательного Божьего суда уже близок, не стоит забывать о его вечной справедливости, а после вспомнить об отверженном рабе и позволить ему стать свободным в присутствии Бога, по образу и подобию которого он был создан» [29]. Выступление получило восторженные отзывы со стороны американских аболиционистов. К примеру, глава Американского общества борьбы с рабством **Уильям Ллойд Гаррисон** заявил, что «даже сам **Патрик Генри** никогда не говорил лучше» [43], а газета *National Anti-Slavery Standard* и вовсе написала, что речь вызвала потоки слез в зале [29].

Политический аболиционизм (1840-1848)

Тем не менее, несмотря на столь высокие оценки, в начале 1840-х гг. Гаррисон и Гарнет разошлись во взглядах, заняв противоположные позиции по вопросу стратегии борьбы за отмену рабства. Первый настаивал на том, что аболиционистам необходимо бойкотировать выборный процесс и использовать для достижения своих целей исключительно методы «морального убеждения», а второй считал любые способы и средства, применяемые для освобождения и прекращения дискриминации негритянского населения, допустимы в принципе. 15 мая 1840 г. Гарнет и другие нью-йоркские аболиционисты вышли из организации Гаррисона, основав Американское и иностранное общество борьбы с рабством [33, р. 40].

Особую остроту в то время приобрел вопрос поддержки, основанной в 1839 г., Партии свободы, которая находилась в оппозиции сразу к двум правящим партиям. На выборах

1840 и 1844 г. она выдвинула на пост президента аболициониста **Джеймса Бирни**. Гарнет увидел в этом шанс навсегда покончить с рабством в США и активно включился в предвыборную кампанию, объявив себя первым «цветным» сторонником указанной политической силы. В феврале 1842 г. он выступил на Первом съезде Партии национальной свободы в Бостоне, где обвинил Гаррисона и его сторонников в нежелании использовать открывшиеся возможности. «Проклятая система человеческого рабства может быть прекращена только на выборах» [15], – заявил Гарнет. Хотя в той же речи аболиционист прямо намекнул, что если добиться отмены рабства политическими методами все же не удастся, то Америку ждет «кровавая революция» [15]. Разумеется, тут же последовала реакция со стороны редактора «*The Liberator*»¹ **Мэри Уэстон**, поспешившей обвинить Гарнета в лояльности политической силе, которая де-факто поддерживает дискриминационные ограничения в отношении его соплеменников, не допуская их к голосованию.

Справедливости ради стоит отметить, что сам проповедник полностью осознавал важность данного вопроса и прилагал немалые усилия по его решению. Так, еще в 1837 году, будучи студентом, он инициировал кампанию, призывающую чернокожих жителей по всему штату «завалить» законодательный орган штата петициями с просьбой отмены имущественного ценза на голосование в штате Нью-Йорк.² В том же 1837 Гарнет был избран главой новой Ассоциации избирательного права Олбани [33, р. 47]. 2 февраля 1841 г. ему, собравшему 1300 подписей, удалось даже подать петицию в законодательное собрание штата с требованием внести в местную конституцию поправку о распространении избирательного права на чернокожих граждан и снятии любых ограничений [9; 10]. Не добившись рассмотрения своего предложения, Гарнет перешел к открытым угрозам, заявив, что в таком случае у его собратьев просто не остается иного выбора, кроме вооруженного сопротивления [14]. В сентябре 1844 г. он созвал съезд в Скенектади, штат Нью-Йорк, с целью обсудить предоставление

¹ Газета У.Л. Гаррисона

² По закону штата Нью-Йорк чернокожие граждане могли участвовать в голосовании только в том случае, если владели имуществом на сумму 250 долларов.

избирательных прав и доступа к образованию чернокожему населению, однако данное мероприятие не получило серьезного резонанса, в первую очередь, из-за его бойкота со стороны значительной части аболиционистов, поддерживающих Гаррисона.

Как бы то ни было, Гарнет продолжал настаивать на «политическом решении расового вопроса». На следующем съезде Партии свободы в марте 1843 г. в Буффало он фактически открыто обвинил сторонников Гаррисона в узурпации аболиционистской идеи и слепом следовании за своим «белым вождем». Через полгода на Съезде цветных граждан и их друзей в Нью-Йорке по данному вопросу Гарнет вступил в публичную дискуссию с *Фредериком Дугласом*. Последний отказывал Партии свободы в стремлении быть единственным представителем интересов негритянского населения. Верный своему максимализму, Гарнет шел в своих рассуждениях до конца, обвиняя оппонентов не только в нежелании видеть открывшуюся перспективу освобождения, но и в предательстве самой аболиционистской идеи и своего народа.

В августе того же 1843 г. Гарнет вместе с *Чарльзом Рэем* и Теодором Райтом созвал первое Национальное собрание цветных граждан и их друзей в пресвитерианской церкви в Буффало, штат Нью-Йорк. Пытаясь окончательно отмежеваться от сторонников ненасильственного сопротивления, а заодно максимально четко обозначить свою позицию по основным вопросам, чернокожий аболиционист 18 августа выступил на съезде со своим знаменитым политическим манифестом «Обращение к рабам США». Эта речь вызвала небывалый резонанс в американском обществе. Ее сразу же принялись сравнивать с радикальным манифестом *Дэвида Уолкера*, вышедшим в 1829 г. Кстати, спустя 19 лет оба памфлета будут изданы в одной книге «Обращение Уокера с кратким очерком его жизни, а также обращение Гарнета к рабам Соединенных Штатов Америки» [40, р. 98]. В предисловии к последнему автор напишет, что указанный «документ вызвал больше дискуссий, чем любой другой, когда-либо был выносимый на рассмотрение этого или любого другого совещательного органа цветного населения людей и их друзей» [40, р. 90].

Уже во вступлении Гарнет де-факто

обозначил тщетность усилий своих оппонентов по привлечению внимания широкой общественности к проблеме рабства путем апелляции к аморальности указанного явления и призвал к сопротивлению. *«Поэтому вы должны теперь использовать тот же способ сопротивления, который был бы справедлив у наших предков, когда кровавые следы первого безжалостного похитителя души были оставлены на берегах нашего отечества. (...) Братья, пришло время, когда вы должны действовать. Есть старая и верная поговорка, что «если потомственные рабы хотят быть свободными, они должны сами нанести удар». Вы можете отстаивать свое собственное дело и выполнять работу по освобождению лучше, чем кто-либо другой»* [19], – заявил американский аболиционист. Все это выглядело незавуалированным призывом к восстанию: *«Гораздо лучше вам всем умереть, немедленно умереть, чем жить рабами и навлечь на свое потомство несчастье, – говорил Гарнет. – Если вы хотите быть свободными в этом поколении, вот ваша единственная надежда. Как бы вы и все мы ни желали этого, мало надежды на Искупление без пролития крови. Если вы должны пролить кровь, пусть все это произойдет сразу – лучше умереть свободными, чем жить рабами»* [19]. В заключении он и вовсе обратился к примерам чернокожих повстанцев Денмарка Визи, Ната Тернера и Джозефа Синкве.

Находившийся в этот момент на собрании Ф. Дуглас попытался оппонировать Гарнету, заявив, что это приведет к бессмысленному кровопролитию, и выдвинул более умеренный проект резолюции, призывавший действовать исключительно моральным убеждением. Оба проекта были вынесены на голосование. В итоге с перевесом в один голос съезд отдал предпочтение резолюции Дугласа. Это вызвало жесткую ответную реакцию Гарнета, который вскоре написал письмо в редакцию *Liberator*, назвав весь гаррисоновский аболиционизм «жалким рабством» [23].

В 1846 г. Гарнет выступил с резкой критикой американского правительства, объявившего войну Мексике. Стоит отметить, что озвученная позиция на сей раз не шла вразрез с мнением подавляющего большинства американских аболиционистов.

Практически никто из них не хотел присоединения к Союзу еще одного рабовладельческого штата. Гарнет в своей риторике как обычно дошел до крайности, обвинив жителей северных штатов в прямой или косвенной поддержке «несправедливой войны», а, следовательно, и такого явления как рабовладение. Жесткость и последовательность в этом вопросе вновь сделала его персоной №1 в аболиционистском движении, позволив в октябре 1847 г. даже созвать Национальное собрание цветных граждан и их друзей в Трое, в своей церкви на Либерти-стрит. В этой конвенции приняли участие все ключевые борцы против рабства. Данный съезд можно назвать пиком общественно-политической карьеры Гарнета. На тот момент он выглядел безусловным лидером афроамериканского аболиционизма. У многих это обстоятельство породило надежду на преодоление былых противоречий.

Однако раскол лишь углубился. На сей раз камнем преткновения стал вопрос о необходимости создания единого печатного издания для черных противников рабства. Именно такое предложение было выдвинуто Гарнетом на «домашнем» съезде. Дуглас сразу же отверг эту инициативу, настаивая на сохранении текущего положения и обвиняя своего оппонента в желании взять под контроль афроамериканскую печать. Примечательно, что резолюция Гарнета в итоге была принята съездом, хотя дальнейшего развития данная инициатива так и не получила.

На выборах президента 1848 г. Партия свободы выдвинула кандидатом друга и главного спонсора Генри Гарнета – *Геррита Смита*. К тому моменту афроамериканский аболиционист был полон надежд на успех политического решения проблемы рабства. Казалось, что все основания для этого имеются. В июле 1848 г. Партия свободы приняла сразу три резолюции по осуждению американо-мексиканской войны, предоставлению черному населению равных избирательных прав и отказе в них рабовладельцам. Гарнет с присущей ему энергичностью включился в избирательную кампанию. Он и *Сэмюэл Рингголд Уорд* написали «Обращение к четырем тысячам цветных избирателей Нью-Йорка» с призывом голосовать за Геррита Смита. Тем не менее, их горячей поддержки оказалось

недостаточно. Смит вполне ожидаемо провалился на выборах, заняв последнее место.

Церковно-просветительская деятельность (1840-1848 гг.)

Другим направлением деятельности Гарнета в тот период была работа в пресвитерианской воскресной школе в Трое, куда он переехал в 1840 г. сразу после окончания Института Онейды. В 1842 г. Гарнет получил лицензию проповедника, а через год был назначен первым пастором пресвитерианской церкви на Либерти-стрит [33, р. 53]. Аболиционисту даже удалось убедить руководство Американского домашнего миссионерского общества, вице-президентом которого являлся, взять на себя часть расходов по финансированию своей школы [33, р. 54].

Несмотря на отчаянную критику со стороны местных властей, Гарнет неизменно совмещал в своих проповедях религиозную и политическую риторику. Во время выступлений перед паствой он даже не стеснялся заявлять, что его церковь является приютом для беглых рабов. Столь активная общественная работа черного проповедника просто не могла не вызвать реакции консервативно настроенной части белого населения города. Гарнет постоянно подвергался нападкам. В сентябре 1843 г. разъяренная толпа ворвалась в церковь, выгнала беглых рабов и избивала проповедника, а в июне 1844 г. уже руководство Американского домашнего миссионерского общества пригрозило Гарнету лишением финансирования и прекращением полномочий, если тот не свернет свою общественно-политическую деятельность в церкви. Священнослужитель ответил в своем стиле, заявив, что не собирается ничего менять в своих проповедях и, если потребуется, даже готов вернуть выплаченное ему за год работы жалование [24].

В сентябре 1846 г. Гарнет стал проповедником только что созданной на основе объединения Союзного миссионерского общества, комитета защиты «Амистад» и Западной евангелистской миссионерской ассоциации – Американской миссионерской ассоциации (АМА), а церковь на Либерти-стрит стала ее официальной миссией. Таким образом, теперь черный проповедник мог открыто заниматься политической работой, не обращая внимания на критику и недовольство со стороны попечителей. Стоит

отметить, что на этом поприще Гарнет также разовьет весьма бурную деятельность и вскоре станет министром АМА, получив практически неограниченные права ведения своих аболиционистских проповедей.

Осенью 1848 года по просьбе Американского миссионерского общества Гарнет открыл школу для чернокожих детей в Женеве, штат Нью-Йорк, приняв должность пастора. Перебравшись в сельскую местность, проповедник начал постепенно отходить от активной общественно-политической работы. Именно в этот период Гарнет пишет свою самую знаменитую работу «Прошлое, настоящее и будущее черной расы», где, используя библейские сюжеты, пересказал историю собственного народа, анализирует причины рабства и, что самое главное – выступает против колонизации. *«Есть те, кто из добрых или злых побуждений пытается отстаивать утопический план колонизации целой расы на африканских берегах. Теперь мы колонизированы. Мы осели здесь, и мы, как единый народ, не можем быть повторно колонизированы на нашей родине. Слишком поздно предпринимать попытки разделения черных и белых людей в Новом Свете. Они слишком любят друг друга, чтобы терпеть разлуку»* [20, р. 23], – иронизировал аболиционист. Любопытно, что к тому моменту они с Дугласом практически поменялись ролями. Теперь уже последний отчаянно критиковал Гарнета за самоустранение от общественно-политической жизни и призывал как можно скорее «вернуться в цивилизацию».

Колонизационный проект Генри Гарнета (1848-1865)

В конце 1840-х самый влиятельный афроамериканский аболиционист поменял свои взгляды на репатриацию и начал работать над собственным колонизационным проектом. Этот поворот обозначился как раз в 1848 г. – после выхода статьи и переезда в Женеву. Причем на первых этапах Гарнет крайне смутно представлял себе очертания и детали своего проекта. *«Я за колонизацию любой части Соединенных Штатов, Мексики, Восточной Индии или Африки. Я предпочел бы видеть человека свободным в Либерии, чем раба в Соединенных Штатах»* [32], – писал он.

Довольно скоро аболиционист пришел к выводу, что все же идеальным местом для

переселения будет, получившая в 1847 г. полную независимость, Либерия. Как и П. Каффи [8, с. 81-82], Гарнет настаивал, что лишь там можно будет добиться независимости и коммерческого успеха. Вот только в основу его риторики были положены не рассуждения о свободной торговле как залого будущего процветания, а убеждение в том, что свободный труд и преодоление дискриминации позволят переселенцам в полной мере раскрыть свой потенциал. Еще одним аргументом в пользу выбора Либерии в качестве места возможной иммиграции, по мнению Гарнета, было наличие там «независимого торгового класса» [33, р. 96]. Как и Каффи [8, с. 74], он рассматривал колонизацию в первую очередь как коммерческий проект и полагал, что репатриация должна быть исключительно добровольной, и лишь для тех, у кого есть средства для переезда и обустройства на новом месте. Вот только в отличие от капитана Каффи, Гарнет выступал с резкой критикой Американского колонизационного общества.

В это время привычная пикировка в прессе Гарнета и Дугласа выходит на новый уровень. Последний, будучи убежденным интеграционистом, настаивал на недопустимости самой идеи переселения куда бы то ни было и даже называл Гарнета «врагом, еще более опасным, чем рабовладельцы». В мае 1849 г. в Нью-Йорке Дуглас даже организовал конференцию, где публично осудил проект колонизации своего оппонента. В следующем месяце на открытом съезде редактор газеты North Star попытался устроить публичные дебаты по данному вопросу, пригласив Генри Гарнета и других сторонников колонизационного проекта. Однако обстоятельной и предметной дискуссии не вышло. В ответ на ожидаемый выпад Дугласа, Гарнет обвинил последнего в том, что тот занимался антихристианской пропагандой, в частности, заявлял, что Библия делает рабов несчастными. Дуглас же, в свою очередь, обвинил оппонента в беспринципности и жажде личного обогащения, являющихся главным мотивом продвижения проекта репатриации. Здесь уместно напомнить, что аналогичные обвинения в свое время выдвигались и в адрес П. Каффи. Взаимная пикировка в прессе продолжалась на протяжении всего лета.

После чего Гарнет вернулся в Женеву.

Как и Каффи [8, с. 79], не найдя должной поддержки среди американских аболиционистов, в августе 1850 г. проповедник отправился в Англию, для того, чтобы представить там свой колонизационный проект и донести идеи американского аболиционизма до европейской общественности. Поводом стало приглашение со стороны английского квакера и чартиста *Джозефа Стерджа*. Сама же поездка была организована *Льюисом Таппаном*. После недолгого пребывания на Туманном Альбионе чернокожий аболиционист в составе американской делегации отправился во Франкфурт-на-Майне на Международный конгресс друзей мира. Там он поддержал главную резолюцию съезда, а затем принял участие в митинге против рабства, призвав к бойкоту товаров, выращенных и произведенных при помощи рабского труда.

Вообще стоит отметить, что к этому моменту аболиционистская риторика Гарнета заметно «социализировалась». Так в Англии он называл себя «чартистом» и требовал отказа от торговли с рабовладельческими штатами. После принятия знаменитого компромисса 1850 г., частью которого было ужесточение закона о беглых рабах, Гарнет и вовсе призвал англичан и американцев к сопротивлению.

В декабре 1850 г. он отправился в трехмесячное турне по Ирландии, где познакомился с известным местным националистом *Дэниелом О'Коннеллом*. Изменение отношения Гарнета к афроамериканскому интеграционизму можно видеть на примере его выступления на Двенадцатом ежегодном съезде Британского и иностранного общества борьбы с рабством в июне 1851 г., после которого, отвечая на прямой вопрос, аболиционист заявил, что его «дом там, где больше свободы» [17]. Почти весь 1852 г. Гарнет провёл в Эдинбурге. В октябре 1852 г. Объединенная пресвитерианская церковь Шотландии официально назначила его своим миссионером на Ямайке. Это как раз должно было способствовать продвижению колонизационного проекта, так что аболиционист с радостью принял предложение.

По прибытии на остров Гарнет выполнял обязанности пастора пресвитерианской

церкви Стерлинг в Грэндж-Хилл, округ Уэстморленд, в которой также располагалась вечерняя школа. Аболиционист был сильно раздосадован отсутствием должного религиозного рвения у ямайского населения и местным хозяйственным укладом. Он часто сравнивал карибское плантационное помещичье хозяйство с рабовладением в Южных штатах. Тем не менее, это не мешало Гарнету активно зазывать афроамериканцев на работу на Ямайку, обещая хорошие возможности для заработка. «Более того, ввиду своего трудолюбия, предприимчивости и склонности к тяжелой физической работе американские негры добьются куда большего, чем местные креолы, привыкшие к беззаботной жизни» [17], – так Гарнет писал Дугласу. Последний продолжал обвинять его в меркантильности и идейно-политической близорукости.

В марте 1856 г. болезнь жены и смерть ближайшей подруги *Стеллы Веймс* заставили Гарнета вернуться с США после 6 лет отсутствия. В апреле и мае он прочитал в Бостоне серию лекций на тему «Ямайка в рабстве и на свободе». Еще одной возможной причиной, возможно, являлось то, что основатель церкви Шайло, расположенной на Принс-стрит в центре Нью-Йорка, Теодор Райт к тому времени умер, оставив вакантным пост пастора. Безусловно, кандидатура его ближайшего сподвижника Генри Хайленда Гарнета выглядела вполне подходящей для новой должности, которую тот займет в декабре 1856 г.

Вернуться к активной политической деятельности Гарнета заставили события в Канзасе. После принятия акта Канзас-Небраска, де-факто отменившего Миссурийский компромисс 1820 г.¹ и предоставившего этим территориям право самим выбирать статус, там развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками рабства. Последние 20 марта 1854 года в Рипоне, штат Висконсин путём объединения Партии свободной земли и фракции «Совесть» Партии вигов создали Республиканскую партию, которая вскоре займет место Партии вигов в политической системе США.

Стоит отметить, что Гарнет не сразу проникся идеями новой политической силы и

¹ Данное соглашение 1820 г. предусматривало принятие штата Миссури в Союз на правах рабовладельческого, но при этом запрещало распространение рабстве севернее 36°30' с. ш. и западнее р. Миссисипи.

не раз открыто упрекал ее представителей в игнорировании ущемления чернокожего населения в политических правах. Но в августе 1856 г. на избирательном съезде в Сиракузах он внезапно изменил свое мнение. Данное преобразование было продиктовано вполне очевидным желанием противостоять распространению рабства и пониманием слабых перспектив Партии свободы. Подобная мера рассматривалась Гарнетом как вынужденная. «Республиканская партия – это не все, чего мы хотим, но насколько это возможно, это правильно. По крайней мере, она хочет избавить обширные территории Канзаса и Небраски от проклятия рабства» [31], – заявлял он. И тем не менее, в сентябре 1858 г. Гарнет поддержал кандидатуру своего друга Геррита Смита, выдвигавшегося на пост губернатора Нью-Йорка от Радикальной аболиционистской партии, а не кандидата-республиканца *Эдварда Д. Моргана*, который уверенно выиграл выборы. После этого Гарнет вновь отстранился от политической деятельности и вернулся к колониционному проекту. Несомненно, к такому решению его подтолкнул не только проигрыш Смита на выборах, но и решение Верховного суда по делу Дреда Скотта 1857 г., согласно которому любой человек африканского происхождения, будь то раб или свободный, не является гражданином Соединенных Штатов, согласно Конституции.

Не менее важным событием, обусловившим возвращение Гарнета к проекту колонизации, стало его знакомство с баптистским миссионером *Джефферсоном Боуэном*, вернувшимся в 1856 г. из Абеокуты, долина Йоруба, и выступавшего за создание там поселения афроамериканцев. Любопытно, что над аналогичным проектом в то время трудился и М.Р. Делани [7, с. 147]. Несмотря на сложные личные отношения, Гарнет поддержал оба проекта.

Для их реализации осенью 1858 г. он основал Общество африканской цивилизации, которое должно было способствовать распространению евангелистских учений на Черном континенте [11]. Другой его целью, по задумке Гарнета, должен стать подрыв монополии рабовладельческих штатов на производство хлопка. С этой целью в 1859 г. в долину Йоруба на Западном побережье Африки

были направлены сразу две экспедиции во главе с М. Делани и *Робертом Кэмпбеллом* [28, р. 27]. Совместной делегации удалось договориться с королем Лагоса *Досунму* о создании поселения в Абеокуте. Проанализировав полученную информацию, Гарнет в августе 1860 г. созвал большой съезд в Манхэттене, где озвучил свой план. Он включал в себя четыре пункта: установление дружеских отношений с местными вождями; покупку поселенцам пригодных для застройки земель и сельскохозяйственных орудий; строительство школ и церквей; обучение туземцев наукам и искусству, которые помогут в освоении природных ресурсов страны [33, р. 154]. Все это, по мнению Гарнета, должно было «подорвать прибыльность рабства».

Данный проект вызвал резкое осуждение у интеграционистски настроенной части аболиционистского движения. Даже друг и будущий биограф Гарнета Джеймс МакКьюн Смит и Американская миссионерская ассоциация не поддержали его начинание. Гарнету вновь пришлось вести ожесточенные споры на страницах печатных изданий, отстаивая свой проект. Впрочем, для большей части публики они остались незамеченными.

Дело в том, что в это время произошло событие, которое надолго захватило внимание американской общественности. 16 октября 1859 г. радикальный аболиционист *Джон Браун* попытался поднять восстание рабов, захватив арсенал в Харперс-Ферри. Несмотря на то, что данная попытка оказалась провальной, последующий судебный процесс получил еще больший резонанс, чем дело «Амистад». Гарнет сразу же поддержал мятежников, назвав Брауна «святым, нанесшим смертельный удар рабству» [42] и призвав народ к восстанию.

На президентских выборах 1860 г. Гарнет ожидаемо поддержал кандидатуру Геррита Смита и столь же ожидаемо в очередной раз устранился от политического процесса после победы *Авраама Линкольна*. Нарастающий политический кризис явно заботил его меньше, чем собственный колониционный проект, который к тому моменту претерпел ряд существенных изменений. Так, после знакомства в декабре 1860 г. с главой Гаитянского эмиграционного общества *Джеймсом Реднатом* Гарнет всерьез заинтересовался

проектом переселения афроамериканцев на этот остров. Американского аболициониста привлекало то, что Гаити являлось «черным государством», независимым от правительств западных стран. Это, по его мнению, открывало гораздо большие перспективы для развития, чем далекая Африка. В марте 1861 Гарнет официально вступил в должность постоянного агента Гаитянского эмиграционного бюро в Нью-Йорке. Вечные критики афроамериканского аболициониста Дуглас и Делани тут же обвинили его в непоследовательности и продажности. Основанием стало ежемесячное жалование, которое Гарнет получал от Гаитянского эмиграционного общества. Это давление, по всей видимости, возымело действие, т.к. уже через месяц Гарнет подал в отставку и вернулся к африканскому проекту.

При этом ему пришлось отказаться от сотрудничества с М. Делани, который заключил договор с правителем Абеокуты. Гарнет в очередной раз от имени Общества африканской цивилизации обратился к спонсорам с просьбой собрать 10 тыс. долларов для переселения 30 опытных и предприимчивых чернокожих американцев в долину Йоруба для создания поселения [33, р. 169]. Оба плана репатриации были сорваны начавшимися племенными войнами и аннексией британцами Лагоса. В августе 1861 г. Гарнет вновь отправился в Англию для продвижения своего проекта. Четырехмесячная поездка оказалась неудачной для аболициониста и даже стоила ему временной потери должности первого пастора прихода в Шайло.

По приезду в США Гарнет, как и Делани, фактически отказался от колониционного проекта, увидев новые возможности в сложившейся ситуации. После выхода Прокламации об освобождении рабов аболиционист обратился к властям с просьбой зачислить его на военную службу. Однако получил вполне ожидаемый отказ. Кроме того, Гарнет постоянно обращался к афроамериканскому сообществу с призывом следовать его примеру. *«Как только у черных появится в руках оружие, никакая нация никогда не сможет поработить их снова, во всяком случае, не без хорошей борьбы»* [Op. cit.: 33, р. 187], – заявлял он.

Стоит отметить, что в это время среди представителей афроамериканского аболиционизма царило редкое единение.

Непримиримые враги Фредерик Дуглас, Мартин Делани, Уильям Уэллс Браун и Генри Гарнет – все они сформировали Комитет по набору и активно включились в вербовку негритянского населения в армию Союза. Последний, как обычно, выделялся наиболее радикальной риторикой, призывая присоединиться к «армии Джона Брауна» и завоевать свободу. При этом Гарнет не забывал и о существующей дискриминации, выступая за предоставление афроамериканцам равных прав. *«Не называйте черного солдата трусом, – восклицал он. – Вместо этого отдайте ему должное, дайте ему равные шансы с белыми солдатами, и он покажет вам, как он умеет сражаться»* [16].

Впрочем, не все были в восторге от перспективы пополнения Армии Союза негритянскими частями. Губернатор Нью-Йорка **Горацио Сеймур** всячески затягивал формирование «черных корпусов», особенно после негритянского июльского погрома 1863 г. Гарнет и прочие члены комитета регулярно писали обращения губернатору, президенту и военному министру с требованием направить формирования на фронт. В декабре 1863 г. военный министр **Эдвин МакМастер Стэнтон** отменил решение губернатора. В том же месяце в Нью-Йорке был сформирован первый Цветной полк. Вскоре новые формирования были отправлены для обучения на остров Райкерс. Гарнет отправился с ними, выполняя обязанности капеллана, хотя официально зачислить его на эту должность не могли по причине слабого здоровья. 6 марта 1864 года первый полк штата Нью-Йорк двадцатой дивизии цветных войск Соединенных Штатов был переброшен в Луизиану.

В апреле Гарнет принял приглашение на должность священнослужителя в пресвитерианскую церковь на Пятнадцатой улице в Вашингтоне, т.к. в это время церковь Шайло была закрыта.

4 октября 1864 г. черный проповедник созвал еще один съезд Национальной ассоциации цветных граждан и их друзей в Сиракузах, не собиравшийся с 1853 г., где провозгласил целью достижение полной свободы. Однако съезд неожиданно выбрал председателем Ф. Дугласа. Последний почти сразу перешел в наступление, попросив Гарнета разъяснить свою позицию по вопросу колонизации

перед включением в комитет. Итогом стало принятие резолюции, в которой говорилось об «отсутствии симпатий к Обществу африканской цивилизации».

Принятие 13-й поправки зафиксировало окончательную победу аболиционизма. В ознаменовании столь знакового события преподобный *Уильям Генри Ченнинг*, капеллан Палаты представителей, пригласил Гарнета в Конгресс 6 февраля 1865 прочитать поминальную проповедь. Пастор завершил ее следующими словами: «*Уважаемые сенаторы и представители! Прославленные правители этой великой нации, поскорее завершите работу, которую Всевышний поручил Вам: освободить, наделить гражданскими правами, обучить и даровать благословения Евангелия каждому американскому гражданину*» [Op. cit.: 33, p. 207].

Заключительный период жизни (1865-1881)

Убийство А. Линкольна 14 апреля 1865 г. стало сильнейшим ударом для всех представителей афроамериканского сообщества, вызвав серьезные опасения у бывших аболиционистов. Некогда активно критиковавший первого президента-республиканца, Гарнет разразился сразу несколькими хвалебными статьями и речами, превозносящими заслуги его в деле освобождения. Чернокожий аболиционист даже предложил собрать средства на возведение памятника 16-му президенту США. Гарнет с недоверием относился к новой администрации *Эндрю Джонсона*, до 1864 г. являвшегося членом Демократической партии.

Опасения Гарнета подтвердились, когда 9 мая 1865 г. новый глава Белого Дома признал губернатором Вирджинии *Фрэнсиса Харрисона Пирпонта*, который сразу же начал возвращать бывшим сторонникам Конфедерации утраченные земли и привилегии, при этом ограничив избирательные права негритянского населения. В ответ на эти действия в июне того же года Гарнет по просьбе комитета Норфолка написал «Обращение цветных граждан Норфолка, штат Вирджиния», к народу Соединенных Штатов». В нем он в очередной раз напомнил об огромном вкладе афроамериканцев в дело победы

Союза и с сожалением констатировал, что, несмотря на это, его цветные соотечественники по-прежнему подвергаются жестокой дискриминации в указанном штате и не только [39]. Кроме того, в обращении содержался призыв к созданию представителями афроамериканского населения профсоюзов, ассоциаций и фондов, а также к приобретению земли. «*Без экономической самостоятельности политическая власть бессмысленна*», – говорилось в обращении [39].

В июле 1865 г. газета *Weekly Anglo-African* приняла Гарнета на работу редактором и направила в командировку по Южным штатам для изучения условий устройства вольноотпущенников. В течение своего трехмесячного турне аболиционист посетил Мэриленд, Вирджинию, Огайо, Кентукки и Миссури. Главным выводом Гарнета стали опасения о восстановлении рабства при Э. Джонсоне, чей план реконструкции он категорически отвергал [22]. После возвращения аболиционист вернулся к обязанностям пастора церкви Пятнадцатой улицы в Вашингтоне. В это время он успешно сотрудничал с Ассоциацией помощи вольноотпущенникам¹ и всецело сосредоточился на борьбе за избирательные права и равный доступ к образованию.

Летом 1866 г. республиканцы созвали съезд в Филадельфии, чтобы заручиться поддержкой своей программы. И Гарнет, и Дуглас были приглашены на это мероприятие в качестве почетных делегатов. Оба подняли вопрос о необходимости наделения афроамериканцев избирательными правами.

В марте 1867 г. Конгресс, несмотря на вето президента, принял первый Закон о реконструкции, разделив территорию Конфедерации на пять военных округов. Повторное принятие штата в Союз предполагало новую конституцию, гарантирующую чернокожим право голоса и лишавшую избирательных прав бывших высокопоставленных конфедератов. Гарнет горячо приветствовал данное решение, характеризуя его как «великолепную возможность» для цветного населения [21].

В сентябре 1868 г. Гарнета пригласили на работу в школу на Нэш-стрит в округе Аллегейни в Питтсбурге, основанную в 1858 г. знаменитым аболиционистом и меценатом

¹ Не путать с Бюро по делам беженцев, вольноотпущенников и покинутых земель, созданным 3 марта 1865 г. по инициативе А. Линкольна.

Чарльзом Эйвери. По завещанию последнего на функционирование этого учебного заведения ежегодно выделялось 6 тыс. долларов, при том, что 1,4 тыс. из них уходило на зарплату руководителя [33, р. 232]. Именно данная должность и была предложена Гарнету. Ради этого престарелому проповеднику пришлось оставить церковь на Пятнадцатой улице в Вашингтоне.

Избрание президентом республиканца **Улисса Гранта** и принятие четырнадцатой и пятнадцатой поправок, запрещающей властям на уровне государства или отдельных штатов ограничивать граждан страны в активном избирательном праве по признаку «расы, цвета кожи или в связи с нахождением в рабстве в прошлом» [3], заставили Гарнета вернуться в большую политику. По этому поводу 13 января 1870 г. в Вашингтоне специально был созван Съезд цветных Америки, главными действующими лицами которого были все те же Дуглас и Гарнет. Первый открыто приветствовал принятие поправок, а второй не скрывал своего разочарования, заявляя, что его соотечественники так и не получили полного избирательного права. Гарнет даже предложил принять резолюцию о проведении ежегодных съездов до тех пор, пока избирательное право не распространится на всех граждан без исключения. Но в итоге чернокожего проповедника ждало разочарование. Когда он попытался назначить бывшего президента Либерии **Джозефа Дженкинса Робертса** почетным делегатом съезда, многие восприняли это как нелепую попытку реанимировать колониционный проект, и отклонили данное предложение.

В том же году Гарнет покидает Колледж Эйвери и возвращается в Шайло. Понять мотивы столь странного поступка достаточно сложно, особенно если учесть, что церковь в то время находилась в весьма удручающем состоянии, а сам Гарнет испытывал серьезные финансовые затруднения, решить которые удалось только при помощи его главного благодетеля Геррита Смита. Пытаясь свести концы с концами, черный пастор какое-то время даже работал в школе при Бюро вольноотпущенников.

В июне 1871 г. Гарнет в очередной раз попытался вернуться в большую политику и публичное пространство привычным

способом, попытавшись оппонировать Дугласу. Последний к тому моменту был назначен членом президентской комиссии для изучения возможности присоединения карибского острова Санто-Доминго к Соединенным Штатам. Гарнет же категорически выступал против «аннексии» [30]. Это, правда, никак не помешало ему спустя год выступить за присоединение Кубы. В декабре 1872 г. Кубинское общество борьбы с рабством избрало Гарнета своим секретарем. Очевидное противоречие черный пастор объяснял наличием рабства на острове. Гарнет возглавил антииспанскую кампанию в афроамериканской прессе и даже лично обратился к президенту, представив петицию, подписанную жителями Нью-Йорка, Пенсильвании и Мэриленда, с требованием решительных действий в отношении кубинских властей. Однако администрация У. Гранта не решилась на открытый конфликт с Испанской короной, удовлетворившись заверениями последней о смягчении режима и постепенной эмансипации.

Вообще в 1870-х влияние Гарнета на общественно-политическую повестку заметно снизилось. Причиной стало принятие целого ряда прогрессивных законодательных инициатив, последней из которых стал Закон о гражданских правах 1875 г., а также упорное нежелание последнего расставаться со своим колониционным проектом. К тому же слабое здоровье не позволяло Гарнету с прежним рвением и самоотдачей заниматься активной общественно-политической работой.

Однако, по иронии судьбы, под конец жизни мечта ветерана аболиционистского движения все же осуществилась. В июле 1881 г. президент **Джеймс Гарфилд** назначил Гарнета послом в Либерии. Фактически это было самое значимое назначение в карьере чернокожего проповедника. Гарнет прекрасно понимал, что поездка на Черный континент, куда годом ранее уехала его дочь, скорее всего, станет последней в его жизни. Друзья изо всех сил старались отговорить его, но престарелый проповедник был неприступен. А. Краммелл в панегирике приводил прямую речь Гарнета: «*Что, – сказал он, – вы хотите, чтобы я задержался здесь в старости, в запустении и нужде? Вы хотите, чтобы я оставался среди людей, которые забыли, что я сделал и что я перенес за них!*

Остаться здесь и умереть среди этих неблагодарных людей? «Нет», – воскликнул он. «Я с удовольствием еду в Африку! Пожалуйста, Господи, я могу только безопасно пересечь океан, высадиться на побережье Африки, посмотреть на ее зеленые поля, ступить на землю моих предков, прожить хотя бы несколько недель; тогда я буду рад лечь и быть погребенным под его дерном!» [12, р. 303]. В ноябре 1881 г. он отправился в Либерию, уже будучи тяжело больным. В декабре встретился с президентом **Эдвардом Блайденом**, еще одной иконой панафриканизма и пионером движения «Назад в Африку».

12 февраля 1882 г. Гарнета не стало. Он скончался от тропической лихорадки. Чернокожего проповедника хоронили со всеми почестями, «как принца», в присутствии всех членов правительства Либерии [13]. Э. Блайден сам произнес речь и нес гроб с телом легендарного афроамериканского аболициониста, который, как и мечтал, навсегда обрел покой на земле предков.

Заключение. Биография Генри Хайленда Гарнета и эволюция его идейно-политических воззрений представляет особый интерес для изучения не только благодаря его огромному вкладу в развитие аболиционистского движения в США и роли в афроамериканской истории, но и тому, что на их примере можно проследить изменение отношения к рабству в американском обществе.

Начав свою общественно-политическую карьеру как сторонник «Американского общества борьбы с рабством» У.Л. Гаррисона, Гарнет довольно быстро осознал, что одних только методов ненасильственного сопротивления и морального осуждения недостаточно для того, чтобы уничтожить данное явление. Его рабское происхождение и трудности, с которыми пришлось столкнуться семье Трасти/Гарнетов после побега, навсегда убедили юного аболициониста, что за свободу следует сражаться любыми доступными средствами, в том числе, и при помощи вооруженного сопротивления.

Однако не стоит переоценивать эту составляющую его общественно-политической риторики, как делают почти все западные исследователи. Дело в том, что анализ речей и статей Гарнета не оставляет сомнений в том, что последний рассматривал восстание лишь

в качестве крайнего средства, и использовал эту тему как последний аргумент для своих оппонентов из числа аболиционистов и угрозу для сторонников рабства в США. Нужно признать, что подобные приемы возымели свое действие, принеся ему репутацию самого радикального чернокожего проповедника Нового Света.

1840-ые гг., безусловно, стали временем надежд для многих противников рабства. Это можно отчетливо наблюдать, в том числе, на примере появления огромного количества организаций и печатных изданий, принадлежащих аболиционистам. Казалось, что время жесткой реакции после Вирджинского восстания 1831 г. под руководством **Нама Тернера** [5] подошло к концу. Наглядным свидетельством перелома тенденции стало решение Верховного суда по «Делу «Амистад» 1839-1841 гг. Именно в этот момент происходит раскол в аболиционистском движении, вызванный его усилением и стремлением адаптироваться к новым общественно-политическим реалиям. Как и многие другие аболиционисты, Гарнет понимал, что пришло время задействовать политические рычаги для окончательного решения проблемы рабства. Этим рычагом аболиционист видел вновь образованную Партию свободы, которую активно поддерживал. Справедливости ради, стоит отметить, что Гарнет явно переоценил перспективы указанной политической силы, что приведет к разочарованию и обращению к идее репатриации в 1848 г. До этого времени Гарнета можно назвать убежденным интеграционистом, в то время как его радикализм продиктован скорее политической целесообразностью. Чернокожий проповедник прочно занял эту нишу и неизменно поддерживал и использовал образ «главного чернокожего бунтаря» для привлечения внимания афроамериканского сообщества и американского общества в целом.

В отличие от «отца черного национализма» М.Р. Делани, обращение Гарнета к идее репатриации в 1850-е гг. было неполным. Фактически он продолжал оставаться радикальным политическим аболиционистом, особенно тогда, когда начал активно поддерживать Республиканскую партию. Еще одним важным моментом является то, что в отличие от Делани, вернувшегося в стан

интеграционистов во время Гражданской войны, Гарнет до конца жизни лелеял мечту о создании поселения афроамериканских колонистов на Западном берегу Африки. Этим обусловлено падение его популярности после окончания Гражданской войны и

принятия 13, 14 и 15-й поправок.

Таким образом, история жизни Генри Хайленда Гарнета прекрасно иллюстрирует диалектику развития движения за права чернокожих в XIX в.

Список литературы

1. Ефимов А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. М.: Учпедгиз, 1958. 439 с.
2. Захарова М.Н. Народное движение в США против рабства, 1831–1860. М.: Наука, 1965. 451 с.
3. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 30.05.2023).
4. Нитобург Э.Л. Негры США. XVII — начало XX в.: истор.-этнограф. очерк. М.: Наука, 1979. 295 с.
5. Шумаков А.А. Восстание Ната Тернера: хроника основных событий // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 755-795.
6. Шумаков А.А. Жизнь и эволюция идейно-политических воззрений Генри МакНила Тернера // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 2. С. 349-358.
7. Шумаков А.А. Жизнь Мартина Робинсона Делани и эволюция его идейно-политических взглядов // *Вестник Брянского государственного университета*. 2021. № 1(47). С. 141-153.
8. Шумаков, А. А. Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2023. Т. 9, № 2(34). С. 69-86.
9. *Colored American*, August 6, 1841.
10. *Colored American*, June 6, 1841.
11. *Constitution of the African Civilization Society*. New Haven: Thomas J. Stafford, 1861. [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/stream/constitutionofaf00afri/constitution-ofaf00afri_djvu.txt (дата обращения: 30.05.2023).
12. Crummell A. *Africa and America: addresses and discourses*. Springfield, Mass.: Willey & Co. 1891. 484 p.
13. *Dispatches from Liberia, Liberian Pine and Palm*, February 24, 1882.
14. *Emancipator*, April 27, 1842.
15. *Emancipator*, March 3, 1842.
16. *Frederick Douglass' Monthly*, July, 1863
17. *Frederick Douglass' Paper*, August 1, 1851.
18. *Frederick Douglass' Paper*, July 31, 1853.
19. Garnet H.H. *An Address to the Slaves of the United States of America (8-16-1848)*. Libraries at University of Nebraska-Lincoln. [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=etas> (дата обращения: 30.05.2023).
20. Garnet H.H. *The past and the present condition, and the destiny, of the Colored race: a discourse delivered at the fifteenth anniversary of the Female Benevolent Society of Troy, N.Y., Feb. 14, 1848*. Troy, N.Y.: J.C. Kneeland and Co. 1848. 32 p.
21. Henry Highland Garnet to Gerrit Smith, February 20, 1873.
22. Henry Highland Garnet to Gerrit Smith, October 23, 1865.
23. Henry Highland Garnet to Maria Chapman, May 1, 1843.
24. Henry Highland Garnet to Rev. C. Hall, June 28, 1844.
25. *Herald of Freedom*, August 8, 1835.
26. Hutchinson E.O. *Let your motto be resistance: the life and thought of Henry Highland Garnet*. Boston: Beacon Press, 1972. 221 p.
27. Jasinski J. *Constituting Antebellum African American Identity: Resistance, Violence, and*

Masculinity in Henry Highland Garnet's (1843) «Address to the Slaves» // Quarterly Journal of Speech. 2007. Vol. 93. №1. P. 27-57.

28. Moses W.J. Classical Black nationalism: from the American Revolution to Marcus Garvey. N-Y.: New York University Press, 1996. 257 p.
29. National Anti-Slavery Standard, June 11, 1840.
30. New National Era, June 8, 1871.
31. New York Tribune, September 24, 1856.
32. North Star, March 2, 1849.
33. Pasternak M.B. Rise now and fly to arms: the life of Henry Highland Garnet. Doctoral Dissertation, University of Massachusetts, 1981. 305 p.
34. Pasternak M.B. Rise now and fly to arms: the life of Henry Highland Garnet. New York: Garland Pub, 1995. 176 p.
35. Rollin F.A. Life and Public Services of Martin R. Delany. Boston: Lee and Shepard, 1883. 367 p.
36. Schor J.A. Henry Highland Garnet: A Voice of Black Radicalism in the Nineteenth Century. Westport: Greenwood Press, 1977. 250 p.
37. Schor J.A. The Anti-Slavery and Civil Rights Role of Henry Highland Garnet, 1840-1865. Doctoral Dissertation, Department of History, Howard University, 1973. 760 p.
38. Smith J.M. A memorial discourse; by Henry Highland Garnet, delivered in the hall of the House of Representatives, Washington City, D.C. on Sabbath, February 12, 1865. With an introduction [of 52 pages], by James McCune Smith. M.D. Philadelphia: Joseph M. Wilson, 1865. 100 p.
39. The Liberator, September 8, 1865.
40. Walker D., Garnet H.H. Walker's Appeal, with a Brief Sketch of His Life, and Also Garnet's Address to the Slaves of the United States of America. N-Y: Printed by J.H. Tobitt, 9 Spruce st. 1848. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm> (дата обращения: 30.05.2023).
41. Wallace W.A. The history of Canaan, New Hampshire. Concord, N. H.: The Rumford press, 1910. 769 p.
42. Weekly Anglo-African, December 9, 1859.
43. William Lloyd Garrison to Oliver Johnson, May 12, 1840.

HENRY HIGHLAND GARNET – THE VOICE OF RADICAL AFRICAN - AMERICAN ABOLITIONISM IN THE IN THE NINETEENTH CENTURY

This article tells about the life and ideological and political views of one of the most influential representatives of the abolitionist movement and African-American socio-political thought of the XIX century. Many works have been written about Henry Highland Garnet, but in Russian historiography, the activities of this outstanding man have never been subjected to serious scientific reflection. All references to him are episodic. This study is designed to fill this gap in Russian historical science. The main emphasis in it is on the presentation of the biography of this figure and the analysis of his ideological and political views in the context of the development of the abolitionist movement. The main research methods are narrative, historical-descriptive, comparative-historical, allowing to draw the necessary parallels with other prominent representatives of African-American abolitionism and pan-Africanism, such as Paul Cuffee and Martin Robinson Delany. The work is based on an extensive source base, using the research of leading Western experts on these issues.

Keywords: Henry Highland Garnet, Frederick Douglass, Martin Robinson Delany, abolitionism, pan-Africanism, repatriation, movement for the rights of the African-American population, slavery, slave trade, African-American history (Black History)

References

1. Efimov A.V. (1958) Ocherki istorii SSHA. Ot otkrytiya Ameriki do okonchaniya grazhdanskoj vojny [Essays on the history of the USA. From the discovery of America to the end of the Civil War]. M.: Uchpedgiz, 1958. 439 s.
2. Zaharova M.N. (1965) Narodnoe dvizhenie v SSHA protiv rabstva, 1831–1860 [The Popular movement in the United States against Slavery, 1831-1860]. M.: Nauka. 451 s.
3. Konstituciya Soedinennyh SHtatov Ameriki 1787 g. [Constitution of the United States of America 1787] [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (data

obrashcheniya: 30.05.2023).

4. Nitoburg E.L. (1979) *Negry SSHA. XVII — nachalo XX v.: istor.-etnograf. ocherk* [Negroes of the USA. XVII — early XX century: historical and ethnographic essay]. M.: Nauka. 295 s.

5. SHumakov A.A. (2023) *Vosstanie Nata Ternera: hronika osnovnyh sobytij* [Nat Turner's Rebellion: A Chronicle of Major Events] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*. 2023. T. 7, № 1. S. 755-795.

6. SHumakov A.A. (2021) *ZHizn' i evolyuciya idejno-politicheskikh vozzrenij Genri MakNila Ternera* [The life and evolution of the ideological and political views of Henry MacNeal Turner] // *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 2021. T. 48. № 2. S. 349-358.

7. SHumakov A.A. (2021) *ZHizn' Martina Robinsona Delani i evolyuciya ego idejno-politicheskikh vzglyadov* [The life of Martin Robinson Delany's and evolution his ideological and political view] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 1(47). S. 141-153.

8. SHumakov A.A. (2023) *Pol Kaffi: moreplavatel', biznesmen, abolicionist* [Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 2023. T. 9, № 2(34). S. 69-86.

9. *Colored American*, August 6, 1841.

10. *Colored American*, June 6, 1841.

11. *Constitution of the African Civilization Society*. (1861) New Haven: Thomas J. Stafford. [Elektronnyj resurs] URL: https://archive.org/stream/constitutionofaf00afri/constitution-ofaf00afri_djvu.txt (data obrashcheniya: 30.05.2023).

12. Crummell A. (1891) *Africa and America: addresses and discourses*. Springfield, Mass.: Willey & Co. 484 p.

13. *Dispatches from Liberia, Liberian Pine and Palm*, February 24, 1882.

14. *Emancipator*, April 27, 1842.

15. *Emancipator*, March 3, 1842.

16. *Frederick Douglass' Monthly*, July, 1863

17. *Frederick Douglass' Paper*, August 1, 1851.

18. *Frederick Douglass' Paper*, July 31, 1853.

19. Garnet H.H. (1848) *An Address to the Slaves of the United States of America*. Libraries at University of Nebraska-Lincoln. [Elektronnyj resurs] URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=etas> (data obrashcheniya: 30.05.2023).

20. Garnet H.H. (1848) *The past and the present condition, and the destiny, of the Colored race: a discourse delivered at the fifteenth anniversary of the Female Benevolent Society of Troy, N.Y., Feb. 14, 1848*. Troy, N.Y.: J.C. Kneeland and Co. 32 p.

21. Henry Highland Garnet to Gerrit Smith, February 20, 1873.

22. Henry Highland Garnet to Gerrit Smith, October 23, 1865.

23. Henry Highland Garnet to Maria Chapman, May 1, 1843.

24. Henry Highland Garnet to Rev. C. Hall, June 28, 1844.

25. *Herald of Freedom*, August 8, 1835.

26. Hutchinson E.O. (1972) *Let your motto be resistance: the life and thought of Henry Highland Garnet*. Boston: Beacon Press. 221 p.

27. Jasinski J. (2007) *Constituting Antebellum African American Identity: Resistance, Violence, and Masculinity in Henry Highland Garnet's (1843) «Address to the Slaves»* // *Quarterly Journal of Speech*. Vol. 93. №1. P. 27-57.

28. Moses W.J. (1996) *Classical Black nationalism: from the American Revolution to Marcus Garvey*. N-Y.: New York University Press. 257 p.

29. *National Anti-Slavery Standard*, June 11, 1840.

30. *New National Era*, June 8, 1871.

31. *New York Tribune*, September 24, 1856.

32. *North Star*, March 2, 1849.

33. Pasternak M.B. (1981) *Rise now and fly to arms: the life of Henry Highland Garnet*. Doctoral Dissertation, University of Massachusetts. 305 p.

34. Pasternak M.B. (1995) *Rise now and fly to arms: the life of Henry Highland Garnet*. New York: Garland Pub. 176 p.
35. Rollin F.A. (1883) *Life and Public Services of Martin R. Delany*. Boston: Lee and Shepard. 367 p.
36. Schor J.A. (1977) *Henry Highland Garnet: A Voice of Black Radicalism in the Nineteenth Century*. Westport: Greenwood Press. 250 p.
37. Schor J.A. (1973) *The Anti-Slavery and Civil Rights Role of Henry Highland Garnet, 1840-1865*. Doctoral Dissertation, Department of History, Howard University. 760 p.
38. Smith J.M. (1865) *A memorial discourse; by Henry Highland Garnet, delivered in the hall of the House of Representatives, Washington City, D.C. on Sabbath, February 12, 1865. With an introduction [of 52 pages], by James McCune Smith. M.D.* Philadelphia: Joseph M. Wilson. 100 p.
39. *The Liberator*, September 8, 1865.
40. Walker D., Garnet H.H. (1848) *Walker's Appeal, with a Brief Sketch of His Life, and Also Garnet's Address to the Slaves of the United States of America*. N-Y: Printed by J.H. Tobitt, 9 Spruce st. 1848. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm> (data obrashcheniya: 30.05.2023).
41. Wallace W.A. (1910) *The history of Canaan, New Hampshire*. Concord, N. H.: The Rumford press. 769 p.
42. *Weekly Anglo-African*, December 9, 1859.
43. William Lloyd Garrison to Oliver Johnson, May 12, 1840.

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

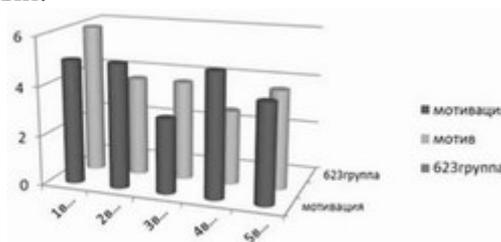

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (57) 2023

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.09.2023.

Дата выхода журнала в свет: 30.09.2023.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 20,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+